НАУКОВЫЙ
СБОРНИКЪ

издаваемый

ЛИТЕРАТУРНЫМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ГАЛИЦКО-РУССКОЙ МАТИЦЫ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРЕТІЙ

1867.

ВЫПУСКИ I—IV.

ВО ЛЬВОВѢ,

въ книгопечатнѣ Ставропигійского Института 1868 года,

подъ зарядомъ: *Стефана Гугковского.*

СОДЕРЖАНІЕ

Наукового Сборника на годъ 1867.

стр.

Прибавленія.

Гедеонъ Балабанъ

Епископъ Львовскій.

(Біографическій очеркъ.)

(Окончаніе.)

II.

Разсмотрѣнная нами доселѣ пастырская дѣятельность Гедеона, епископа львовского, въ пользу церкви православной была только началомъ и приготовленіемъ къ непрерывной и самой тяжкой десятилѣтней борьбѣ его съ уніею. Среди безчисленныхъ и многосторонних, явныхъ и тайныхъ препятствій, онъ первый противосталъ всею силою своего твердого и непоколебимого характера гибельному введенію уніи и остался неизмѣнно вѣрнымъ и неустрашимымъ блюстителемъ угнетаемого православія.

Унія, сочиненная папистами, якъ лучшое, по мнѣнію ихъ, средство къ обращенію западной Руси въ латинство, тайно принятая отъ іезуитовъ Терлецкимъ и Поцѣемъ, въ первой разъ сдѣлалась извѣстною въ 1595 году. Замыслъ объ уніи, секретно сообщенный (въ генварѣ) Поцѣемъ митрополиту кіевскому Михаилу Рогозѣ, вскорѣ потомъ (въ мартѣ) открытъ былъ послѣднимъ Гедеону. Съ прискорбіемъ выслушалъ Гедеонъ зловѣщую тайну, и на вопросъ, участвуетъ ли онъ въ ней, съ клятвою отвѣчалъ, что „якъ о таковомъ другихъ епископовъ предпріятіи не свѣдомъ, такъ злымъ ихъ умысламъ весьма противенъ и сообщатися съ ними не желаетъ.“ При томъ Гедеонъ далъ обѣщаніе митрополиту,

якъ можно тщательнѣе розвѣдывати о тайныхъ замыслахъ Терлецкого и Поцѣя и доносити обо всѣмъ ему и Константину, князю острожскому.[1]) Не смотря на самый скрытный образъ дѣйствій поборниковъ уніи, Гедеонъ вскорѣ узналъ тайные, предательскіе замыслы ихъ. Время было дорого; надобно было, не медля, предприняти рѣшительныя мѣры, если не къ пресѣченію коварныхъ замысловъ, то, покрайней мѣрѣ, къ приведенію въ извѣстность угрожающей православію опасности и предостереженію православныхъ отъ гибельного раскола. Въ первыхъ числахъ іюня Гедеонъ отправился въ Острогъ, къ князю Константину, для совѣщанія объ томъ дѣлѣ. Положено было обнародовати предательскій поступокъ Поцѣя и Терлецкого и убѣждати духовенство, дворянъ и народъ русскій твердо стояти за вѣру отцевъ своихъ. Не теряя времени, Гедеонъ, 1-го іюля 1595 года, во Владимірѣ-волынскомъ, обнародовалъ, въ собраніи духовенства и дворянъ, протестъ противъ дѣйствій Терлецкого и Поцѣя, заявляя, что сіи два отступника, безъ вѣдома и согласія народа и духовныхъ властей, дерзаютъ ввести унію во всей западной Руси, что сами они приняли римскую вѣру, со всѣми ея нововведеніями, оставивъ только для вида славянскій языкъ при богослуженіи, греческіи обряды и церемоніи, и что ни онъ, ни другіи епископы ничого не писали объ уніи, ни къ королю польскому, ни къ папѣ; а если такіи письма теперь появились, то они писаны подлогомъ на пергаменныхъ бланкетахъ, подписанныхъ и выданныхъ совершенно для другой цѣли въ 1591 г.[2])

Протестъ Гедеона произвелъ сильное волненіе въ народѣ и негодованіе противъ вѣроломныхъ епископовъ. Не смотря на то, Терлецкій и Поцѣй не упали духомъ: они увѣрены были, что кромѣ Гедеона, никто изъ западно-рус-

---

[1]) Апокрисъ ч. I. отд. 2. стр. 17.
[2]) Histor. Eccl. wenger. lib. w pag. 466.

скихъ епископовъ не въ состоянiи противостати замысламъ ихъ и вполнѣ надѣялись, что когда дѣло кончится, то одни изъ нихъ, по безсилiю, другiи, по нерѣшительности, не станутъ противитися тому, чего неотступно домагается король, и чему такъ усильно способствуетъ латинское духовенство. Съ тою дерзкою (но, къ несчастiю, вполнѣ оправдавшеюся) надеждою, Терлецкiй и Поцѣй спѣшили въ Варшаву, чтобы оттуда ѣхати въ Римъ, для изъявленiя покорности папѣ Клименту VIII. Православныи требовали собора[3]) но король и римское духовенство нiякимъ образомъ не соглашались на то и старались скорѣе отправити поборниковъ унiи въ Римъ. Вѣсть объ томъ печальномъ происшествiи вскорѣ распространилась на востоцѣ. Чтобы прекратити всякiи сношенiя православныхъ русиновъ съ восточными патрiархами, король польскiй повелѣлъ пограничнымъ старостамъ не пропускати черезъ границу патрiаршихъ пословъ,[4]) а между тѣмъ убѣждалъ слабодушного митрополита безбоязненного приступити къ унiи и вести къ тому же прочое духовенство, обнадеживая его, что ни одна клятвенная грамота восточныхъ патрiарховъ не пропущена будетъ чрезъ польскiи границы, что, слѣдовательно, ему нечего опасатися за свой санъ и должность, и что всѣ права духовенства православного, которое приступитъ къ унiи, будутъ уравнены съ правами, дарованными латинскому духовенству въ Польщѣ.[5]) Митрополитъ колебался и не зналъ на что рѣшитися.[6]) Въ такой же нерѣшительности находились Михаилъ, епископъ перемышльскiй и Дiонисiй Збируйскiй, епископъ холмскiй, люди достойные, и обезхарактерныи, ограниченныхъ понятiй, и при

---

3) Особенно заботились объ томъ Константинъ Острожскiй и Өеодоръ Скуминъ (см. Акт. Зап. Росс т. IV, Nr. 74. 89).

4) Акт. Зап. Росс. т. IV. Nr. 75.

5) Тамъ же Nr. Nr. 77. и 78.

6) См. письма Михаила Рогов. новгор. воеводѣ Өеодору Скумину и Конст. Острожскому, въ Акт. Зап. Росс. т. IV. Nr. Nr. 69. 80 и 87.

томъ любившіи спокойствіе, а Григорію или Герману Загорскому, протонотарію кіевской митрополіи и Іонѣ Гоголю архимандриту кобринскому, даны королевскія привилегіи, первому на архіепископію полоцкую и туровскую, подъ условіемъ принятія уніи. Между прочимъ духовенствомъ и народомъ происходили большія замѣшательства и волненія. Въ такихъ обстоятельствахъ Гедеонъ и Константинъ Острожскій явились истинно великими поборникама чистоты православного ученія и блюстителями православной церкви. Они не преставали убѣждати православное духовенство и народъ быти вѣрными православію и небоятися ніякихъ угрозъ польского правительства.

Неусыпная дѣятельность тихъ поборниковъ много безпокоила Терлецкого и Поцѣя. Въ письмахъ своихъ, посылаемыхъ изъ Рима къ разнымъ лицамъ, они старались прикрыти свое отступленіе безстыдною ложью, что православное исповѣданіе, кромѣ соединенія съ римскою церковью, сохранено ими въ томъ же видѣ, въ якомъ было и прежде, и просили короля польского, чтобъ онъ окружными грамотами своими объявилъ объ томъ всѣмъ православнымъ подданнымъ своимъ, для прекращенія народного волненія. [7]) Ни грамоты королевскія, ни другія мѣры, предпринятыя польскимъ правительствомъ къ успокоенію православныхъ, не произвели на нихъ ніякого впечатлѣнія, такъ що Терлецкій и Поцѣй, по возвращеніи своемъ изъ Рима, долго оставались въ недоумѣніи, на що рѣшитися. Наконецъ Сигисмундъ велѣлъ митрополиту созвати соборъ для окончательного разсужденія объ уніи. Къ 6. октабря 1596 года, съѣхались въ Брестъ-литовскій всѣ русскіи епископы и духовенство, князья, сенаторы и шляхта. Прибыли нѣкоторыи изъ греческого духовенства, проживавшого въ западной Руси, якъ-то: Никифоръ, протосинкелъ константинопольской церкви и легатъ

---

[7]) Анож. ч. I, отд. 7, стр. 53 и 44.

патріарха константинопольского, Кирилъ Лукарисъ (въ то время ректоръ острогского училища, а позднѣе патріархъ константинопольскій), въ званіи протосинкелла александрійского патріарха и др. Со стороны латинского духовенства назначены были королемъ для участія на брестскомъ соборѣ, въ званіи королевскихъ коммиссаровъ, Янъ Соликовскій, архіепископъ львовскій, Бернардъ Мацѣіевскій, епископъ луцкій, Гомолинскій, епископъ холмскій, іезуитъ Петръ Скарга, Христофоръ Радзивиллъ, воевода троцкій, Левъ Сапега и др. На канунѣ собора пріѣхалъ и митрополитъ. Православныи вечеромъ послали къ нему объяснитися, за кого онъ намѣренъ стояти, и получили отвѣтъ, что „къ уніи не приступитъ и знати объ ней не хочетъ;“ но чрезъ ночь паписты успѣли склонити его на свою сторону, такъ что на другой же день онъ приступилъ къ уніи и съ православными прервалъ всѣ сношенія.[8]) За тѣмъ духовенство русское раздѣлилось на двѣ половины и составило два отдѣльныхъ сбора: православный и римско-уніатскій.

Православныи просили якой либо церкви для открытія своего собора; но въ томъ было имъ отказано; потому они собрались въ одномъ частномъ домѣ и тамъ три дни держали свои засѣданія, подъ предсѣдательствомъ Гедеона, епископа львовского. При открытіи первого засѣданія, православное духовенство и дворяне, чрезъ повѣтовыхъ пословъ и своихъ депутатовъ, звали на соборъ митрополита и епи-

---

[8]) Львовскій священникъ говоритъ: „Вже коли зъѣхалися вси, княжа Острожское съ сыномъ своимъ, воеводою волынскимъ, вси благочестія нашого такъ стану свѣтского, яко и духовного, пытали митрополита, если же хощетъ зъ нами перестават во благочестію, чили змѣшатися зъними отступниками? который явнѣ рекъ: яко-жъ того не поручалъ тымъ фальширомъ, такъ православія моего и пастыря, который мя на тотъ станъ посвятилъ, неотступую и до васъ прійду и зъ вами о томъ радити хочу, и то што Богъ намъ всѣмъ и посланцемъ патріаршимъ на сердцу положитъ, учинити семъ готовъ. То, паки, по отходѣ нашемъ ночью пришли до него отступницы, и тамъ прелестію діаволею намовили его до себе, такъ, насъ на день завтрѣшнѣй къ нимъ южъ присталъ.“ (Акт. зап. Росс. т. IV. №г. 141. стр. 214).

скоповъ-уніатовъ, но напрасно. Послѣ того, посовѣтовались, послали уніатамъ письменное объявленіе и протестацію, что хотя они и пріѣхали на соборъ, призванныи королевскимъ универсаломъ, для устроенія единства и согласія; однако, узнавъ, что митрополитъ уже открыто отступилъ отъ древняго вѣроученія и принялъ, безъ ихъ воли и согласія, римскіи обряды, видятъ, что имъ не о чемъ уже болѣе совѣщатся; а потому, собравшись въ отдѣльномъ засѣданіи и выслушавши мнѣніе дворянскихъ пословъ, православныхъ епископовъ и духовенства, определили: 1., отречися отъ повиновенія митрополиту, изречи на него и всѣхъ его соумышленниковъ клятву и изверженіе сана, и тотъ приговоръ записати въ братскіи городскіи книги, а на основаніи прежде дарованныхъ, въ Польщѣ и Литвѣ, православной церкви привилегій, представити королю прошеніе, чтобы онъ всѣхъ принявшихъ унію епископовъ отрѣшилъ отъ православныхъ епархій (тогда еще не отпадшихъ, и слѣдовательно не принадлежавшихъ уже имъ) и позволилъ избрати на ихъ мѣста православныхъ епископовъ: 2, не дѣлати ніякихъ перемѣнъ въ вѣрѣ, безъ соизволенія патріарховъ восточныхъ; 3., ни подъ якимъ видомъ не принимати римского лѣтосчисленія.

Между тѣмъ, уніаты и латинское духовенство, не уваживъ протестаціи православныхъ, держали отдѣльный римско-уніатскій соборъ. На немъ, кромѣ выше упомянутыхъ королевскихъ коммиссаровъ, присутствовали: митрополитъ кіевскій Михаилъ Рогоза, Ипатій Поцей, епископъ владимірскій, Кирилъ Терлецкій, епископъ луцкій, Григорій Загорскій, архіепископъ полоцкій, Діонисій Збируйскій, епископъ холмскій, Іона Гоголь епископъ пинскій и архимандриты: Богданъ Годлинскій, архимандритъ лаврашовскій и Паисій, архимандритъ минскій. Все дѣйствіе сбора ограничилось тѣмъ что 8 октября, составлена и подписана была уніатами соборная грамота о вступленіи ихъ въ союзъ съ римскою церковью и признаніи надъ собою верховной власти папы Кли-

мента VIII. и его преемниковъ[9]) 9 октября прочитана была въ церкви св. Николая папская булла, которою обнародована унія. Григорій, или Гермогенъ, архіепископъ полоцкій, отслужилъ литургію по славянски, съ измѣненіями, принаровленными къ уніи, при чемъ іезуитъ Петръ Скарга говорилъ проповѣдь объ единеніи церквей; а на слѣдующій день, т. е. 10 октября, уніяты произнесли клятву и отлученіе на Гедеона епископа львовского, Михаила, епископа перемышльского, также на архимандритовъ и игуменовъ и прочее духовенство, присутствовавшое на православномъ брестскомъ соборѣ.[9])

Не убоялись православныи беззаконного суда вѣроломныхъ епископовъ и митрополита. На основаніи опредѣленія православного брестского собора, Гедеонъ, епископъ львовскій, Михаилъ, епископъ перемышльскій, и прочое православное духовенство въ 14 день октября, низложили митрополита и епископовъ уніатскихъ, якъ отщепенцевъ, и предали ихъ проклятію, а для подтвержденія достоинства православного собора, важности опредѣленій и дѣйствительности его суда, произнесенного надъ уніатами, положили отнестися къ Мелетію, патріарху александрійскому, управлявшему тогда константинопольскимъ патріаршимъ престоломъ. Патріархъ прислалъ двѣ грамоты Константину Острожскому и Гедеону, епископу львовскому, изъ коихъ первою (отъ 4 апр. 1597 г.) подтверждались опредѣленія и мѣры брестского православного собора, а второю (отъ 4 октября того же года) дано было право Гедеону избрати нового митрополита и еписковъ, вмѣсто отступившихъ отъ православія, церковь утвердити и весь православный чинъ устроити.[10])

Такъ началося несчастное раздвоеніе русского народа, въ Литвѣ и Польщѣ, обрушившое необозримый рядъ бѣдствій на православныхъ русиновъ. Не смотря ни на права,

---

9) Акт. Зап. Росс. т. IV. Nr. Nr. 107 и 109.

10) Апокр. ч. 4. от. 6. стр. 201. член. им. об. ист. и др. Росс. за 1846 г. Nr. 3 смѣсь стр. 61.

дарованныя православнымъ нрежними польскими королями, ни на серьезныя просьбы обреченного на угнетенія народа, Сигизмундъ III универсаломъ своимъ (отъ 22 мая 1596 г.) запретилъ православнымъ строити храмы и избирати новыхъ священниковъ,[11]) предписывалъ неоднократно преслѣдовати на каждомъ шагу защитниковъ православія, якъ мятежниковъ и нарушителей общественного спокойствія,[12]) подвергалъ ихъ тяжкому заточенію, или же изгнанію изъ королевства,[14]) отдавалъ уніатамъ знатнѣйшіи монастыри и церкви, словомъ употреблялъ всѣ насильственныи мѣры къ выполненію фанатическихъ плановъ латинянъ. При такомъ содѣйствіи и покровительствѣ польского правительстоа, уніаты сопровождаемыи іезуитами и буйною польскою шляхтою, нагло нападали на беззащитныи города и села, разоряли или запечатывали храмы божіи, ловили благочестивыхъ священниковъ, подвергали жестокимъ пыткамъ, заточенію и насильственной смерти, а народъ, съ саблями въ рукахъ, принуждали преклоняти колѣна и молитися по римскому обычаю. Въ ти тяжкіи минуты взоры всѣхъ православныхъ обращены были на двохъ сильнѣйшихъ поборниковъ православія, Константина Острожского и Гедеона, епископа львовского. Первый не переставалъ ходатайствовати предъ королемъ и сеймомъ о не нарушимости правъ и свободы вѣроисповѣданія православныхъ; другой былъ единственнымъ, если не по числу, то по ревности и неусыпной дѣятельности, пастыремъ, утѣшителемъ и стражемъ возмущаемого и угнетаемого уніатами и папистами стада Христова. Владиміръ и Луцкъ, Пинскъ и Хелмъ, Вильно и Полоцкъ, словомъ всѣ епархіи отступившихъ отъ православія епископовъ, обращались къ Геде-

---

[11]) Собр вилен. грам. ч. 2. Nr. 13.

[12]) Акт. зап. Росс. т. IV. Nr. 94.

[13]) Такъ напр. Никифоръ протосинкелъ константснопольского патріарха сосланъ былъ въ заточеніе въ Варіенбургъ и тамъ заморенъ голодомъ. (Опис. кіев. соб. стр. 144).

ону за посвященіемъ православныхъ священниковъ, за св. муромъ и другими нуждами. Столь неустрашимая ревность Гедеона по православію возбудила въ уніатахъ злобную ненависть и вооружила противъ него всѣхъ враговъ православія. Жалобы уніатовъ, угрозы и прещенія короля и хитрыи происки іезуитовъ сопровождали его на каждомъ шагу и подвергали опасности самую жизнь его.[14]) Не смотря на все то, Гедеонъ стоялъ твердо и непоколебимо, вполнѣ сознавая святость и правоту своего дѣла.

Наконецъ, въ 1599 году умеръ Михаилъ Рогоза, терзаемый до послѣдного издыханія совѣстію за вѣроломное отступленіе отъ вѣры отцовъ своихъ.[15]) Преемникъ его Поцѣй, самозванно наименовавшій себе митрополитомъ кіевскимъ, началъ правленіе свое самымъ жестокимъ гоненіемъ православныхъ. Кромѣ многихъ другихъ насилій и угнетеній, Поцѣй испросилъ у Сигизмунда указъ, которымъ воспрещалось возводити въ духовный санъ людей неучившихся въ польскихъ школахъ, а православныхъ не принимати въ польскіи училища.[16]) Между тѣмъ, чрезъ своихъ сообщниковъ, вездѣ отнималъ православныи училища и обращалъ ихъ въ уніатскіи.[17]) Православное духовенство самыхъ отдаленныхъ странъ литовской Руси принуждено было отправляти своихъ дѣтей для воспитанія въ острожское, стрятинское и особеннно львовское училище, изъ которого выходило много ревностныхъ защитниковъ православія. Обстоятельство то много безпокоило Поцѣя. Онъ рѣшился, вочто бы то нистало, покорити собѣ галицкую православную церковь съ еи поборниками православія и уничтожити благодѣтельное вліяніе еи на литовскую Русь. Для

---

[14]) См. Акт. зап. Рос. т. IV. Nr. Nr. 139, 135 и 167 Гедеону прислано было письмо, написанное ядомъ, которое, къ счастію, его миновало, но по поводу которого начато было судебное разслѣдованіе (см. нач. уніи Зубр. стр. 34 прим. 27 въ чт. общ. ист. и древ. Рос. Nr. 7. 1848 г.).

[15]) Опис. кіев. соф. соб. стр. 149.

[16]) Тамъ же стр. 150.

[17]) Акт. зап Рос. т. IV. Nr. 159.

того онъ, въ первый же годъ своего правленія, обратился къ покровительству папы Климента VIII, прося его, чтобъ онъ ходатайствовалъ предъ королемъ польскимъ о рѣшительныхъ мѣрахъ къ прекращенію самостоятельной дѣятельности православного епископа львовского и о подчиненіи его уніатскому митрополиту. Папа вскорѣ (въ 1607) удовлетворилъ его просьбѣ и, кромѣ того, поручилъ еще латинскому рижскому епископу, своему нунцію, лично ходатайствовати предъ королемъ о томъ же предметѣ.[18]) Неизвѣстны результаты того ходатайства, только Гедеонъ попрежному оставался вѣренъ своему долгу. Наконецъ Поцѣй самъ отправился въ Львовъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ употребити насиліе противъ ревностного защитника православія. Сопровождаемый многочисленною свитою, онъ прибылъ туда въ 1604 году; но мѣщане львовскіи, будучи предупреждены объ его намѣреніи, окружили епископскій домъ и соборную церковь (св. Георгія) и уничтожили его замыслы. Не теряя еще надежды на выполненіе своего намѣренія, Поцѣй, остановившися въ городѣ у якого-то латинянина, требовалъ, чтобы Гедеонъ явился къ нему съ духовенствомъ и братствомъ, призналъ надъ собою его власть и совѣщался съ нимъ о блазѣ церкви, угрожая, въ случаѣ ослушанія, употребити строгіи мѣры. Ожиданія и угрозы Поцѣя были напрасны: никто къ нему не явился, и онъ принужденъ былъ выѣхати изъ Львова ни съ чѣмъ.[19]) Столь неудачная попытка Поцѣя положила предѣлъ видамъ его на обладаніе галицкою церковью, хотя и послѣ того онъ не переставалъ просити короля о прекращеніи вліянія Гедеона на литовскую Русь.[20])

Смерть Гедеона, послѣдовавшая въ 1607 году, развязала руки ожесточеннымъ врагамъ православія: съ большею чѣмъ прежде наглостію они устремилися къ изверженію пра-

---

[18]) Опис. кіев. соф. соб. стр.

[19]) Лѣт. льв. Бр. стр. 20.

[20]) Акт, зап. Рос. т. IV. Nr. 167.

вославія, и гибельное вліяніе уніи становилися ощутительнѣе съ каждымъ годомъ. Но не искоренялося сѣмя святой ревности по вѣрѣ, насажденное великимъ поборникомъ православія въ сердцахъ гонимого народа. Одушевляемыи примѣромъ его, они, среди безчисленныхъ, разнообразныхъ угнетеній и бѣдъ, съ ревностію защищали свои права и съ непоколебимою твердостію отстаивали вѣру своихъ отцевъ. Особенно неоцѣнима заслуга Гедеона, оказанная имъ православной галицкой церкви. Мужественно противоставъ введенію уніи и отразивъ покушенія уніатовъ и польского правительства на уничтоженіе православія въ Галиціи, онъ возбудилъ въ православныхъ галичанахъ нравственную силу самоотверженія и мужества къ преодолѣнію самыхъ тяжкихъ гоненій и усилій, къ совращенію съ православія со стороны уніатовъ и польского правительства, и такимъ образомъ отдалилъ на цѣлое столѣтіе[21]) соединеніе православной галицкой церкви съ римскою и вмѣстѣ съ тимъ всѣ гибельныи слѣдствія той уніи.[22])

Такова была многотрудная пастырская дѣятельность Гедеона, епископа львовского, въ пользу церкви православной! Показывая въ немъ глубокую преданность и любовь къ православію, она служитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ неосновательности и ложности всѣхъ обвиненій, которыи взведены были на Гедеона со стороны уніатовъ и нѣкоторыхъ польскихъ и русскихъ писателей. Правда, судя по долговременному служенію церкви, по тѣмъ дарованіямъ и силѣ характера, якими обладалъ Гедеонъ, можно было бы ожидати

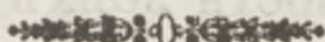
---

21) Унія принята была въ Галиціи ири епископѣ львовскомъ, Іосифѣ Шумлянскомъ, въ 1707 г., спустя ровно 100 лѣтъ, по смерти Гедеона.

22) Самыи гибельныи слѣдствія, проистекшіи отъ уніи, то переходъ большей половины русскихъ дворянъ якъ въ Литвѣ, такъ особенно въ Галиціи, изъ уніи въ латинство, и вслѣдъ за тѣмъ уничтоженіе русской народности. Потомки тихъ дворянъ вскорѣ совершенно забыли свой родный языкъ и свое происхожденіе и, считая себе поляками, усвояли себѣ туже непримиримую вражду и ненависть ко всему русскому и православному, якими отличалися и природныи поляки, (См. Нач. уніи Зубр. ст. 18. въ Чт. Им. Общ. истор. и древ. Рос. за 1848 г. Nr. 7. Лѣто. львов брат. стр. 87.)

отъ него большей, обширнѣйшей дѣятельности: но при томъ нельзя упускати изъ вида и всѣхъ тѣхъ трудностей, которыи съ самого поступленія его на епископію нерозлучно сопутствовали ему до самой смерти. Продолжительная борьба съ латинскими львовскими архіепископами, потомъ съ львовскимъ братствомъ, наконецъ съ уніатами, польскимъ правительствомъ и духовенствомъ — не позволяли ему свободно и постоянно заниматися улучшеніемъ внутренного состоянія своей паствы. Но и та дѣятельность, якую показалъ онъ, ревностно заботясь о просвѣщеніи и нравственности своей паствы, искорененіи безпорядковъ и нестроеній въ галицкой іерархіи, исправленіе богослужебныхъ книгъ и изданіи ихъ, и особенно о сохраненіи православной церкви отъ нападенія уніатовъ и папистовъ, — поставляетъ его на ряду съ великими пастырями, поборниками православія, и дѣлаетъ его вполнѣ достойнымъ высокого титла Блаженного, якимъ наименованъ онъ однимъ изъ архипастырей русской церкви. (Ист. русск. церк. пер. пат. стр. 97).

А—скій.

ДОБРОМИЛЬ.

Монастырь Чина Св. Василія Великого

и

нѣсколько словъ объ отношеніяхъ города

написалъ

Венедиктъ М. Площанскій.

ВВЕДЕНІЕ.

Къ составленію настоящого очерка Добромильского монастыря употреблено во время личного тамъ пребыванія въ м. Іюлѣ 1866 г. слѣдующіи акта мѣстного архива:

I) Подлинныи жалованныи грамоты и сдѣлки 1) Іоанна Счастного Гербурта и его супруги съ 1613 г. 2) Станислава Конецпольского съ 1655 г. 3) Албрихта Красинского и супруги съ 1663 г. 4) Казимира Щавинского съ 1671 г. 5) уговоръ монастыря съ зодчьемъ Мамровцемъ съ 1705 г., тоже 6) жалованная и договорная грамота съ 1594 г. между Еразмомъ Гербуртомъ Фельштинскимъ и Иваномъ изъ Унихова Устрыцкимъ, относительно с. Журавина — и другіи въ исторіи наведенныи сдѣлки. II) Intromissio monasterii in bona molendini a. 1682. III) Отчеты фабричныи съ 1711—1741 г. IV) Собраніе Помяниковъ всѣхъ усопшихъ благодѣтелей монастыря Добромильского — списася за стараніемъ Преч. О. Іеронима Кузмича на той часъ Ігумена р. Б. 1725 мѣсяца Ноемврія, дня 12. V) Protocollon variarum inscriptionum Monasterio Dobromilensi inservientium a. D. 1746 conscriptum. VI) Inventarium Bibliothecae Dobromilensis 1812 confectum и — Capitulorum Protocollon (въ одной книзѣ. — Въ второй части той книги списана есть короткая исто-

рія борьбы Чина съ митрополитами отъ поставленія Рафала Корсака протоархимандритомъ 1626 г. до избранія Іоахима Кушелича 1698; потомъ слѣдуютъ соборы Чина отъ 1665 -1772 г.) VII) Liber divinarum missarum cantandarum et legendarum 1814. VIII) Fassio proventuum monasterii Dobromilensis pro emensurando tributo successionario aequivalenti confecta a. 1830. IX) Dzieje czyli historya klasztoru OO. Bazylianów Dobromilskich w r. 1832 z róźnych zebrana ułomków przez JJ. Xży Prowincyałów approbowanych (рукопись въ листѣ. — Нѣкоторыи мѣста въ той исторіи оказались — особенно между данными прежнихъ лѣтъ — анахроническими, недостаточными или преувеличенными). — X) Инвентари церковныи и монастырскіи, тоже имѣній монастырскихъ съ розличныхъ годовъ. XI) Списки монаховъ. XII) Списокъ оо. Игуменовъ Добромильскихъ, трудъ о. Иневича, современного Игумена, съ нѣкоторыми примѣчаніями г. Михаила Коссака.

Употребленныи мною иностранныи источники, наведены въ второй части очерка, гдѣ повѣствуется о городѣ и его отношеніяхъ.

Слѣдуетъ здѣсь еще изъявити всенародно должное благодареніе Впр. Юстину Иневичу, Протоконсультору Чина и Добромильскому Игумену, который, принимая мене въ своемъ монастырѣ съ истинно-русскимъ гостепріимствомъ и пособствуя нужными примѣчаніями, о много облегчилъ мнѣ настоящій трудъ.

Львовъ 1867 г. *В. М. П.*

Монастырь Чина Св. Василія Великого.

Монастырь Чина св. Василія В., о которомъ говорити намѣряемъ, положенъ о малую ¼ мили на юго-западъ отъ города Добромиля, зовется обыкновенно монастыремъ Добромильскимъ и причисляется урядово къ громадѣ Гучка, села, которого область еще по-за монастырь розтягается.

О первоначальномъ положеніи здѣсь монаховъ говоритъ одно преданіе, что во время нашествій Татарскихъ убѣжалъ нѣкій о. Анастасій въ обществѣ иного монаха, о. Исаака, изъ одного съ монастырей Львовскихъ, оглядаючися за безопаснымъ прибѣжищемъ въ здѣшнихъ лѣсомъ зарослыхъ горахъ, надъ которыми возносился сильно укрѣпленный замокъ Гербуртовъ, а встрѣтивши тутъ источникъ доброй воды, построилъ за дозволеніемъ владѣлца тѣхъ сторонъ малую обитель для себе и собратей своихъ, спасшихся отъ плѣна татарского.

Иное преданіе гласитъ, будто первыи монахи, поселившіися въ Добромили, пришли сюда отъ Лаврова (ut traditio fert, z Ławrowskiego monasteru przyszli t. j. O. Anastazy cum socio — Inv. 1777).

Которое изъ наведенныхъ здѣсь преданій имѣетъ больше вѣроятности за собою, трудно опредѣлити, а то для крайного недостатка положительныхъ на теперь историческихъ данныхъ въ томъ предметѣ.

Бѣгство о. Анастасія изъ монастыря Львовского въ гг. 1612 или 1613 можно бы оправдати тѣмъ обстоятельствомъ,

что тогда были въ самомъ дѣлѣ великіи бѣдствія на нашей Руси. Кроника города Львова Зубрицкого (стр. 243 и пр.) поучаетъ насъ, что 1612 г. кромѣ страшной саранчи посѣтили нашу землю Татары, которыи подойшовши подъ самъ Львовъ разоряли и истребляли все, уводя съ собою жителей въ плѣнь. Въ годахъ же 1613 и слѣдующемъ ужасно угнетало Львовъ войско польское, которое, возвратившися изъ похода на Москву, лишено было всякого жалованья и старанія съ стороны правительства. Вѣроятно былъ то монастырь св. Юрскій, изъ которого по преданію убѣжали наши монахи. Монастырь тотъ былъ тогда въ самомъ дѣлѣ въ очень жалкомъ состояніи и наклонялся уже къ паденію; доперва 1685 г. двигнулъ его владыка Шумлянскій изъ крайней нужды (см. Шем. и короткій поглядъ на монаст. и монашество русское 1867 стр. 157). Гербурты же извѣстны были для своихъ благородныхъ свойствъ, потому то могли глядѣти у нихъ монахи своего прибѣжища. — И другое преданіе не есть лишено вѣроятности. Въ прежнихъ временахъ, когда такъ многіи монастыри возникали, могло легко случитися, что на воззваніе Гербуртовъ или нужды ради оставила часть отцовъ Лавровскій монастырь и поселилась въ Добромили.

Съ мнѣніемъ, будто бы Василій Устрыцкій ловчій Сховскій еще въ 1600 г. учредилъ здѣсь монастырь и церковь св. Иліи, не можемъ соглашатись, а то по слѣдующимъ причинамъ. Во первыхъ, нѣтъ на мѣстѣ ніякого слѣда, который бы указывалъ на яковыи благодѣянія Устрыцкихъ въ томъ времени. Устрыцкіи, думаемъ, не могли назначати мѣста для монастыря и церкви въ Добромильскихъ помѣстяхъ, ибо, якъ увидимъ дальше, были они собственностію Гербуртовъ отъ прежде. Гербуртовъ имѣнія были смежными съ помѣстями Устрыцкихъ; изъ грамотъ подлинныхъ и списныхъ, хранящихся въ монастырѣ между актами Журавинскими, явствуетъ, что Еразмъ Гербуртъ Фельштинскій подарилъ 1592 г. с. Журавинъ нѣкому Ивану Демяновичу Устрыцкому и озна-

чилъ (такъ въ грамотѣ съ того года якъ и съ 1594, въ Перемышли списанной) границы того села отъ Смольника, Ступостѣнъ и др. — Устрыцкiи были благодѣтелями нашого монастыря доперва позднѣйше. Записныи суммы для монастыря на ихъ помѣстяхъ являются подъ 1686 и розличными иными годами. Василiй Устрыцкiй вспомоществовалъ монастырь за временъ игум. Кузмича 1723, 1727 и 1736. Во вторыхъ, не находимъ въ грамотѣ Гербуртовской ни малѣйшого намека о существованiи уже прежде монастыря или въ крайней мѣрѣ церкви св. Илiи; а прямо говорится, что о. Анастасiю и его собратiямъ надѣляется мѣсто къ постройцѣ обители и церкви.

Пребыванiе нашихъ монаховъ въ Добромили было до изданной грамоты т. е. по 1613 г. только довременное, терпимое Гербуртами, которыи имъ позволили здѣсь проживати и подавали имъ милостыню яко схимникамъ.

Къ основанiю постоянного монастыря Ч. св. В. В. подарили супруги ***Iоаннъ Счастный Гербуртъ*** (или Гербултъ) ***и Елисавета изъ Острога, княжна Заславская***, кусень земли, издавши въ Перемышли грамоту основ. 24 Августа 1613 г.[1]) О томъ событiи говорятъ дѣянiя монаст.,

---

[1]) **Жалованная грамотя Гербултовъ писана на пергаминѣ, и кромѣ собственноручныхъ подписей снабжена 2 фамилiйными печатьми въ восковыхъ галочкахъ вытисненными и на шелковыхъ шнурочкахъ перевѣшенными, находится въ архивѣ монаст. и гласитъ по тогдашней правописи точно такъ:**

„*JAN SZCZĘSNY Herbułt Dobromilski z Fulsztyna Mosciski i Wisnienski etc. Starosta, i Helzbieta z Ostroga Xiężna Zasławska Starościna Mosciska i Wisnienska Małżonkowie.* — Oznaimuiemy isz będąc proszeni od Oica Anastasia i Braci iego Czerncow Zakonu S. Bazilego, abyśmy iem mieisce iakie sposobne w Maiętnościach naszych dali do postawienia Cerkwie i Monastyra, gdzieby oni służbę Bożą, i drudzy po nich będący odprawuiąc na wieki spokoinie żywot swoi prowadzili. Maiąc przed oczyma prawa pospolite o pokoiu w wierze przez lat kilkaset świątobliwie zachowane, i przykłady przodków naszych obu Domów, którzy bez żadnei łększe tak wiarę naszę S. katolicką Rzymską iako tesz Grecką pomnażali, z chęcią na tę prożbę ich pozwoliliśmy. Przetosz daiemy i daruiemy

что 24 Юнія 1613 г. прибыли на тое гористое и недоступное мѣсто знаменитыи паны изъ замка, а принесши съ собою ѣдло и напитки, розсыпалися по будамъ пустыножителей, угощая всѣхъ; но понеже тогда былъ день постный, отказались наши монахи отъ ѣдла. За то пользуясь доброю способностію, станулъ о. Анастасій съ своимъ товаришемъ, о. Исаакомъ, предъ однимъ, которого зналъ изъ повѣсти владѣлцемъ сей мѣстности, и просилъ его о земное надѣленіе для монаховъ, чтобы безопасно могли здѣсь поселитися и Бога молити.

Хотя нѣтъ писемныхъ доказательствъ, то однако предполагати належитъ, что о. Анастасій вскорѣ потомъ постро-

---

temu pomienionemu Oicowi Anastazyemu, Braci iego którzy teraz żywią i inszym po nich na wieczne czasy będącym gront przy Górach naszych Dobromilskich ku wysokiemu Zamku leżący, który się poczyna od wschodu słonca wyższej potoka Sliwieckiego z wirzchowinami tegosz Potoka. Stamtąd ku południowi po wirzchu góry przy Chełmcu, ztamtąd zaś ku zachodu po Łazy Chłopskie, i po drogę wielką, która idzie z Polanei do miasta Dobromila, od zachodu zaś do droszki, która od tei wielkiei idzie na pułnocy na dół do Pastewnika, przy tei droszce Pastewnickiei usypany jest kopiec ku wschodu słońca i zaś drugie dwa kopca także ku wschodu słońca asz na wirzchowinę tego Potoka Sliwieckiego, skąd się ten obiazd począł. Na tem tedy mieiscu od nas iem danem i darowanem wolno iem będzie Cerkiew i Manastyr jako nailepiei będą rozumieć, i z muru i z drzewa stawić, i nabożeństwa starodawnego, iako za przodków naszych zdawna bywało, wiary Relligiei Greckiei używać, i ono według wiary swei odprawować. W temże Mieiscu ogrody, sady, sadzawki i insze pożytki wolno iem mnożyć i stawić. W czym ani my Małżonkowie, ani potomkowie naszy pod przeklęctwem i pod winą dziesiąci Tysięcy czerwonych złotych onem żadnei i naimieiszei przekazy czynić nie będziemy, i ieśliby który potomek nasz ważył się uczynić, tedy taki kożdy pozwany do Grodu Przemyskiego dziesięć Tysięcy czerwonych złotych dać będzie powinien. Na co dla lepszei wiary rękami swemi podpisuiemy się i pieczęci swe przycisnąć kazaliśmy. Działo się w *Przemyslu* dnia XXIII Miesiąca *Sierpnia* Roku Bożego M.DC.XIII. — Jan Szczęsny Herbułt Dobromilski z Fulsztyna Mosciski i Wisninski Starosta m. p. — Helzbieta z Ostroga X. Zasławska Herbułtowa Staroscyna Moscyska i Wyszenyska m. p.“ — **На отворотной сторонѣ сей грамоты видны подписи:** Albrycht z Krasnego Krasinski Kasztellan Ciechan. Starosta Płocki m. p. — Zuzanna z Koniecpola Krasinska K. C. S. P. m. p. — **Послѣ:** Intabuletur. Ex sessione Leopoli die 16. Aprilis 1784. A. Weltz m. p. Actuarius. — Privilegium presens apud caesareo regias Tabulas Provinciales Galicienses impetrato praevie consensu in Libro fundationum Tomo 55to Pagina 212 de verbo ad verbum ingrossatum atque in Libro Praenotationum T. 20 Pagina 151 Nr. 5. est praenotatum. Actum Leopoli die 1. mensis Maji 1784. Theophilus Szczuka C. R. T. Registrator m. p.

илъ деревянную обитель и церковь св. Николая, которая стояла о много выше на югъ отъ нынѣшней каменной церкви. Въ инвентаряхъ съ гг. 1812 и 1816, находимъ короткое описаніе сей церкви и въ послѣднемъ примѣчаніе, что старинную тую церковь вѣтеръ обвалилъ, а вещи ей забрано въ монастырь. Въ запискахъ монаст. подъ 1803 упоминается, что игуменъ о. Михальскій велѣлъ тую церковь розобрати. При сей церкви было (до г. 1845) кладбище для упокоившихся жителей монастырскихъ, послѣ перенесено оное на догоднѣйшее мѣсто, гдѣ въ минувшомъ столѣтіи стояла другая деревянная церковь св. Иліи. О созданіи сей послѣдной святыни нѣтъ извѣстій въ актахъ монастырскихъ. Она стояла выше зданій економическихъ при дорозѣ, изъ Добромиля въ Поляну ведущой, и якъ счеты монастырскіи доказуютъ, продано ону игум. о. Крижановскимъ 1772 г. до Перекопаня (подъ Перемышлемъ) за 772 злп. 15 гр.[2])

Между год. 1705 и 1731 создано въ Добромили новую каменную церковь и такійже монастырь. Писемный договоръ съ 1705, сдѣланъ между о. Васіаномъ Лучиньскимъ, тогд. игуменомъ а зодчьемъ изъ Ярославля, Яковомъ Мамровцемъ, находящійся здѣсь въ подлинницѣ, не упоминаетъ о монастырѣ, лишь только о постройцѣ новой церкви, которая должна быти крестообразная на видъ и розмѣръ Лавровского храма, съ изъятіемъ середного купола низшого тутъ о 6 лок. и пр. Отцы должны были по словамъ сего договора заплатити реченному Мамровцу 4000 злп. нагороды, 200 злп. на харчь и контушь или 40 злп. по оконченной роботѣ, также придавати ежедневно къ помощи 4 селянъ черезъ время строенія,

---

2) Въ счетахъ монаст. съ 1772 г. читается: D. 21. Lutego od ludzi z Przekopanej za Cerkiew S. Eliasza z Deisusem odebrałem Summy złot. pol. 809 a że w tej Sumie dano dukatów 22 a 18 złr. a tu nie zapisuje się tylko według redukcyi a 16 złr. gros. 22½ więc tylko 772 złot. 15 gr.

котораго окончения срокъ однако не былъ опредѣленъ.[3]) Не извѣстно про то, въ которомъ году стала быти церковь безъ ризохранилища готовою, и когда точно роспочато строеніе нынѣшняго монастыря. Явно только изъ написи, умѣщенной въ горѣ надъ корридоровымъ окномъ, что „обитель тая создася ҂аѱла (1731.)[4])

Добровольныи жертвы отъ численно на богомоліе сюда приходившихъ людей съ окрестности, собранныи братьми милостыни въ венгерскихъ сторонахъ, особенно на Спижи, вспомагательныи дары благ. Устрыцкихъ, Яворскихъ, Братковскихъ, Высочаньскихъ и др., также семейныи спадщины, посвятившихся иноческой жизни, составляли источники на издержки. — Неутомимымъ стараніямъ и жертволюбію о. Іеронима Кузмича, игумена, удалось совершити роспочатую постройку зданій,[5]) съ изъятіемъ однаково вежи колокольной, которую

---

[3]) Уговоръ дословно гласитъ такъ: „Roku Pańskiego Tysiącznego Siedmsetnego Piątego, Miesiąca Maja 24. dnia. — Między Wielebnemi Ojcami Bazylianami Dobromilskiemi z jednej, a Panem Jakobem Mamrowiczem Magistrem mularskim z Jarosławia z drugiej strony, stanął pewny a nieodmienny Kontrakt, a to w ten sposób. — Iż Pan Jakób Magister podiął się zmurować Cerkiew krzyżową, modą i miarą jako w Ławrowie, oprócz kopuły średniej, która ma być niższa na łokci sześć, gzymsy zaś wkoło także jak w Ławrowie, wysokość muru łokci jedynaście i pół. Sklep pozdłuż Cerkwi. Kanał powinien się począć aż z za babinca i bez kaplice na prawej ręce aż z za muru, a z drugiej kaplicy na łokci kilka. Tenże kanał z sklepu wziowszy przez ołtarz sprowadzić go aż za parkan. I tak tę wszystkę robotę należycie wytynkowawszy i wybieliwszy, Wielebnym Ojcom Bazylianom ma i powinien będzie oddać. A WW. Ojcowie za tę robotę mają dać Panu Jakubowi Tysięcy Cztéry, i na legumine złotych dwieście, po skończeniu roboty kontusz tuzinkowy, abo na niego złotych czterdzieści i chłopów po cztérych na każdy dzień aż do skończenia roboty. A dla lepszej wiary i pewności, obie strony rękami własnemi podpisują się — Jeromonach Wasian Luczinski m. p. Ihumen Monastyra Dobromilskiego. — Jer. Barth. Strzelbicki m. p. Ustawnik mon. Dobr. — Jakob Mamrowiec m. p.“

[4]) Въ томъ періодѣ являются яко настоятели и намѣстники монастыря: ОО. Исаія Иляшевичъ (1711) Августинъ Тарногородзкій (1724—1727) Инокентій Нивинскій (1728—1731). Въ гг. 1732—17.6 былъ здѣсь игуменомъ Амвросій Галинскій, послѣ Августинъ Тарногородзкій (вторично), а 1739 поставленъ игуменомъ Гервасій Паславскій.

[5]) Исторія мона тыря упоминаетъ подъ 1723 г., якъ о. Кузмичъ, видя недостатокъ каменя къ постройцѣ нужного, велѣлъ разорити родинный свой домъ въ Пе-

доперва по смерти его за игуменства о. Паславского 1751 г. построено. — Года же 1776 пристроено ризохранилище въ задѣ пресвитеріи церковной.

Церковь монастырская создана въ честь Пр. Онуфрія, есть крестообразна съ высокимъ куполомъ осьмогранньмъ въ серединѣ и гонтами покрыта, имѣетъ въ свѣтлѣ 15 сяж. долготы, часовня ей 2° 4' 6" долг., ризохранилище же 3° долг. 2° 3' шир.; вся поверхность церкви обчисляется въ свѣтлѣ на 292 квадр. сяж. Кромѣ головного входа отъ запада ведутъ еще 3 двери до обухъ часовень и до пресвитеріи, которую отдѣляетъ отъ навы иконостасъ съ царскими вратами и вел. престоломъ, довольно хорошо по вост. обряду сооруженными. Въ церквѣ и соединенныхъ съ нею часовняхъ встрѣчаемъ тутъ еще нѣсколько олтарей съ иконами св. Онуфрія, св. Василія, Исуса Христа, Пречистой, св. Петра и Павла, св. Иліи и др. — Рѣзьбярскіи выдѣлки и живопись тѣхъ, въ великой части уже обветшалыхъ иконъ, не представляютъ впрочемъ ничого особенного; многіи иконы требуютъ обновленія, иныи суть еще въ добромъ состояніи.[6]) Цѣлая церковь освѣтлена 13 окнами. Помостъ церковный выложенъ частію паркетовыми досками, частію квадр. каменными плытами. Подъ помостомъ есть двѣ гробницы; въ

ремышли и звезти матеріялъ въ Добромиль; ревность та достойного игумена такъ крѣпко тогда подѣйствовала на сосѣдовъ, что и тіи по возможности своей стали богоугодное дѣло пособствовати. — Напись портрета о. Кузмича, умѣщенного въ монаст. трапезѣ, называетъ его ктиторомъ и благодѣтелемъ монастыря Добромильского (fundator ac benefactor monasterii Dobromilensis) а въ церк. помяницѣ на стор. 20 чтется: „О. Кузмичъ изъ Перемышля, Игуменъ Добромильскій 1714 г. и родителька его Анна дали 2000 злп на фундушъ Церкви святой. Тойже тщаніемъ своимъ и трудолюбіемъ окрестъ обители св. муръ повелѣ создати и иныи многія благодѣянія обители сотвори. Преставися 1739 г.“

[6]) По извѣщенію, присланному мнѣ съ стороны Впр. О. Игумена, заключилъ монастырь Добромильскій уговоръ подъ д. 12 (23) Сентября 1867 г. съ г. Михаиломъ Федорчакомъ, ваятелемъ и позолотникомъ изъ Пряшева, на построеніе нового иконостаса, жертвенника и пр. по восточному вкусу — и на два новыи олтари въ часовняхъ за 7300 зр. а в., такъ что только 3 престолы въ церкви будутъ, излишніи же продадутся. Срокъ къ окончѣнію тѣхъ роботъ опредѣленъ на 2—2½ года.

одной изъ нихъ хоронились Устрыцкіи, въ другой Братковскіи и Яворскіи. Для большей крѣпкости зданіе церковное внѣ обведено скарпами и сверхъ того подпираютъ оное 7 столбовъ каменныхъ, позднѣйше пристроенныхъ въ цѣли, дабы предохранити стѣны отъ паденія. Тіи нескладныи прибавки обезображаютъ внѣшній видъ церкви и оказались нужными, вѣроятно вслѣдствіе первоначальнаго ошибочного строенія, или можетъ быти позднѣйше, вслѣдствіе свода подземныхъ каналовъ. По новѣйшимъ изчисленіямъ инвентарскимъ можно приняти цѣнность самого зданія церк. на 15000 гулд. ав.

Изъ уборовъ и утварей церковныхъ замѣчательны:

Серебряный крестъ, вызолоченъ и по обомъ сторонамъ простыми каменями обложенъ, съ стклянною галочкою въ серединѣ обохъ раменъ, гдѣ видна дробная заноза (трѣсочка), которая, якъ говорятъ, происходитъ отъ правдивого креста Господня. Тоже по рогамъ раменъ крестныхъ суть подобныи галочки съ останками тѣлъ Святыхъ (св. Григорія Чудотв., св. Матѳея, св. Аѳанасія и св. Матѳіи). Крестъ той долгій на 1 лок. 8½ цалей. — Есть здѣсь также серебр. пушка и нѣсколько такихъ чашъ розличнои цѣны. — Между 41 розличного рода фелонами находится одинъ (купленный въ 1864 г.) камчатный (von Damast) розевого цвѣта и искусной выдѣлки, оцѣненъ въ инвентарѣ на 120 гулд. — Всѣхъ книгъ церковныхъ считается 35, изданія Почаевского, Уневского, Львовского,[7] Кіевского и Московского. Помежи 9 Евангеліями суть самыи старыи изъ г. г. 1644, 1670 и позднѣйше печатаны. Двѣ Евангеліи отличаются особенно для искуственныхъ и дорогоцѣнныхъ своихъ окладовъ и пріукрашеній. Одно изъ нихъ, изданное въ Москвѣ 1689 г., состоитъ изъ 620 сторонъ и было пожертвовано монастырю Добром. — якъ подписи,

[7]) Г. 1669 подарило Львовское Ставропигійское Братство монастырю книги церковныи. (Hist. Staur.)

начинающіися на почетку каждого изъ четырехъ евангелистовъ, доказуютъ — Іеромонахомъ Діонисіемъ Васковскимъ 9 Августа 1715 г., бывшимъ въ то время игуменомъ обители св. О. Николая въ пустыни Рыхловской подъ условіемъ, „дабы его имя и сродниковъ его въ молитвахъ при безкровныхъ жертвахъ незабвено было.“ Иное Евангеліе превосходитъ еще о много упомянутое прекраснымъ и дорогоцѣннымъ своимъ уборомъ.

Въ сѣверной сторонѣ отъ церкви возносится четвероугольная, изъ каменя весьма крѣпко созданная и гонтами покрытая *колокольня*. Она связана съ правой стороны съ крыломъ обители монаст. и имѣетъ для перехода двое воротъ. Въ ней умѣщены 6 колоколы, до 30 сотнаровъ тяжелыи, тоже желѣзныи часы (зегаръ). Изъ написей, на колоколахъ находящихся, увѣритись можно, что одинъ изъ 3 меньшихъ вылитый еще 1672 г., другій 1754; третій безъ года. Изъ большихъ сооруженъ одинъ 1722 г. (стараніемъ всѣхъ монаховъ) другій 1726 (тщаніемъ о. Кузмича), третій доперва 1794 года (тщаніемъ о. Амвр. Галичковича игумена, о. Е. Команицкого и всѣхъ прочихъ отцовъ монастыря) литый въ Перемышли Стефаномъ Комаженьскимъ. Съ изъятіемъ одной латиньской всѣ прочіи написи русскіи. — Часы перенесено сюда изъ старой деревянной колокольни, служившей когда-то къ выгодѣ обомъ старымъ церквамъ. Монахъ Іонъ, часовникъ изъ Тылича, соорудилъ тіи часы въ обители Добромильской 1699 г. (см. Пом. стр. 40). Іоаннъ Кащатый изъ Ярославля передѣлалъ оныи 1751 г. за 12 червонцевъ на 12 годинныи. Теперь требуютъ они часто исправки, и задумано уже заступити новыми.

Цѣна самой колокольни положена на 8.200 гулд., колоколовъ на 200 гулд.

Обитель монастырская создана на повершіе подъ гонтами, есть отъ юга къ сѣверу включно съ въѣздными воротами 130 лок. долгая и мѣститъ въ собѣ колькадацать ке-

лій монаш. и гостинныхъ, новиціатъ, книгохранилище, розличныи склады и комнаты, нужны для домоводства. Зданіе опирается о высокую гору, длятого волхкость втискается въ стѣны и тіи частому поврежденію подпадаютъ. Узкіи корридоры дѣлаютъ съ обветшалыми своими иконами, представляющими древнихъ достойниковъ церкви изъ чина св. Василія В., сумное впечатлѣніе. Понеже, якъ сказано, колокольня связана съ монастыремъ, входится на ню отъ поверхшія монастырского.

Въ округѣ монастырской територіи, почти совершенно обведенной каменною стѣною, находится особое зданіе насупротивъ церковной часовни Пречистой, прозванное иль отъ извѣстного благодѣтеля сей обители, или можетъ быти, отъ бывшого здѣсь игумена о. Онуфрія Братковского (отъ 30. Янв. 1763) „Братковщина.“ На каменномъ основаніи возносится въ видѣ поверхшія деревянное обиталище, состоящее съ одной просторонной сали и двухъ бочныхъ комнатъ. Тутъ между иными давнѣйшими достойными гостями пребывалъ часто покойный владыка Снѣгурскій въ лѣтное время.[8]) Большая комната пріукрашена удачными олѣйными портретами императоровъ Ракузъ, папъ римскихъ, нашихъ владыкъ и др. лицъ. Императоръ Іосифъ II изображенъ въ природней величинѣ. — Братковщина клонится уже къ паденію, на мѣсто того зданія думаетъ современный радѣтельный игуменъ построити новое зданіе, до которого утварь по части уже приготовлена. — Обитель монастырская оцѣнена на 23000, Братковщина же въ нынѣшнемъ своемъ состояніи на 50 гулденовъ а. в.

Умѣщенное въ монастырѣ *книгохранилище* состоитъ изъ нѣсколько сотъ томовъ книгъ съ XVI и слѣдующихъ столѣтій, по большей части содержанія религіозного и нау-

---

[8]) Въ монастырь радо пребывали: Епископъ Іеронимъ Устрыцкій, архимандритъ Іосафатъ Выслоцкій отъ 1775 г. (см. Перем. 1867 стр. 104, 105, 110).

кового, печатанныхъ по ролличнымъ мѣстамъ и въ розличныхъ языкахъ. Многіи изъ нихъ относятся къ дѣлу церковной упіи; есть сочиненіе кс. Павензкого (Скарги), Руткого и пр., яковыи и по инымъ монастырямъ обильно встрѣчаются. Древнѣйшая всѣхъ книгъ монаст. библіотеки есть изданіе подъ заглавіемъ: Joannis Stobaei locorum communium epitome, Coloniae 1503 in 8° въ пергам. переплетѣ — потомъ книга: Regulae SS. Patriarcharum, Parisiis 1514 in 4. перг. пер. — Attici Gellii noctes Atticae in 8. Coloniae 1533 — Flavii Josephi antiquitatum judaicarum fol. Basileae 1540 — Plutarchi opera omnia ethica complectentia fol. Francofurti 1533 — C. Plinii II. naturalis historia 1540 и многіи иныи сочиненія авторовъ, славныхъ своего времени и нынѣ между учеными уважаемыхъ. Русскихъ древнѣйшихъ книгъ здѣсь немного. Замѣчательное: „Патерикъ или житіе Св. Отецъ Печерскихъ, Кіевъ 1661“ въ листъ изд. и „Миръ съ Богомъ, Кіевъ 1663 г.“ Вообще начислили мы здѣсь и списали изъ книжного инвентаря, составленного 1812 г. за временного настоятельства о. Мод. Гриневецкого, до 20 книгъ XVI и 35 изъ XVII столѣтія.

Представивъ немногими словами первое учрежденіе и вѣнованье нашего монастыря, его первыи и новѣйшіи постройки съ принадлежностями, уваженія достойными, — останется намъ, слѣдуя далѣе мѣстнымъ источникамъ, розсказывати о постепенномъ успѣваніи его дѣлъ, матеріяльныхъ пріобрѣтеніяхъ, благодѣтеляхъ и духовныхъ должностяхъ; о его жителяхъ и заслуженныхъ настоятеляхъ; наконецъ о замѣчательныхъ въ немъ событіяхъ и заведеніяхъ по нынѣшніи времена.

Въ грамотѣ съ 1613 г. означилъ Гербултъ точно объемъ земли, подаренный Отцамъ безъ всякихъ обязанностей. На томъ-то кусни 82½ морговомъ созданы церковь, обитель и прочіи зданія домоводства монастырского.

Скудное то достояніе для приличного содержанія немного на дѣлѣ требующихъ, но слишкомъ численныхъ монашескихъ лицъ, склонило уже 1655 г. игумена Θеофана Устрыцкого, просити владѣлца Добромиля, каштеляна Станислава Конецпольского, о умноженіе вѣнованія въ земли. Тому прошенію удовлетворяя, Конецпольскій, грамотою д. 21. Марта 1655 изданною, подарилъ точно тамже опредѣленный кусень земли.[9]) — Въ нѣсколько годовъ послѣ пріобрѣлъ монастырь за игуменства о. Генадія Хитровича отъ тогдашного посѣдателя Добромильского г. Альбрехта Красинского поле подъ горою „Хомцемъ.“ Грам. изд. 7. Апрѣля 1663 г.[10]) — Іоаннъ

---

[9]) Грамота писана на простой бумазѣ съ собственноручною подписью Конецпольского и скрѣплена его печатію, есть немного уже повреждена. Сообщаемъ оную тутъ въ вѣрномъ списаніи; она гласитъ такъ: Stanisław s Koniecpola Koniecpolski Kasztelan Lubaczowskij, Pan y Dziedziec na Dobromilu. — Za prośbą y usilnym staraniem Wielebnego Oyca Theophana Ustrzyckiego Ihumena na ten czas będącego y wszystkich Czerncόw Dobromilskich, a weyrzawszy w szczupłość pola im zdawna od przodków moich nadanego, skąd słusznego nie mogli mieć wyżywienia, nadaię onym pole od monastera idonce asz ku brzeznikowi, wzdłuż kiędy kopiec uczynić kazałem, a szyrz tegoż pola dzieli z iedneij strony droga do polany idąca y rów tam zdawna będący a z drugi strony potok, który mnie należy do innych pol pastewnickich, y to wiecznymi czasy, którego oni iako własne swego według woli sweij używać będą. Co dla lepszey wagi y pewności ręką moią podpisuię i pieczęć przyłożyć kazałem. — Działo się w zamku Dobromilskim 21 Martii 1655. — Stanisław Koniecpolski m. p. (L. S.) — И на той грамотѣ подписались собственноручно: Albrycht z Krasnego Krasinski Kasztellan Ciechan. Starosta Płocki m. p. и Zuzanna z Koniecpola Krasinska K. C. S. P. m. p. Слѣдуетъ: Intabuletur: Ex Sessione Leopoli die 16. Aprilis 1784. A. Weltz Actuarius m. p. — Privilegium praesens apud c. r. Tabulas Provinciales Galicienses impetrato praevie consensu in Libro Fundationum Tomo 55. Pagina 210 de verbo ad verbum ingrossatum atque in Libro Praenotationum T. 20. Pagina 158 Nr. 6. est praenotatum. Actum Leopoli die 1. mensis Maji 1784. Theophilus Szczuka c. r. T. Registrator m. p.

[10]) Грамота изд. на пергаминѣ съ собственноручною подписію и привѣшенною, въ деревянной пушечцѣ находящеюся печатію, сберегается въ архивѣ монастыря. Черезъ волхкость истерты нѣкоторыи мѣста, такъ что не возможно буквъ дослѣдити. Приводя здѣсь списокъ подлинного сего документа актовъ монаст., дополняются нечеткіи слова. Грамота по тогдашней своей правописи гласитъ, якъ слѣдуетъ: Albricht z Krasnego Krasinski Kasztellan Ciechanowski, Starosta Płocki. — Naijpewnieijszij ten jest łaski Panskiey dowod, gdy hojną szczodrobliwości ręką, nie tylko wiernych Poddanych, ale każdego garnącego się pod obronę y opiekę tym toruiąc aditum do wszelkich fortun y poratowania Ubostwa swoią

Доброгостъ Красинскій подарилъ монастырю млынъ „Дренчаковъ“ съ землею и позволилъ отправляти ярмарки въ окружности монастырской, во время храмовыхъ праздниковъ. Грам. съ 6 Іюля 1699 и 24 Іюля 1700 г. Роза изъ Огиньскихъ Красинская подтвердила сей даръ въ своемъ и дѣтей своихъ имени 1724 г.[11]) До сей реальности прикупилъ монастырь близь по-

---

protekcyą dźwiga, nie inszij Dobroczynności wyswiadczenia favor, iako kiedy Promotią Utrapionych ludzi tasz Panska liberalitas secundat, skąd iako większy pochop ochoty zostaie tvm wszystkim do zawdzięczenia Panu swemu Munificentieij, tak y serca przybywać musi wnależyteij a tey powinneij oddawaniu jemusz observantieij. Takowasz in animo meo benevolentiae skłonność auxit ku wiernym Poddanym (tych przychęcając do siebie) ochotę, częscią promovendo et augendo Relligieij Greckiey cultum, częscią ductus exemplo largitatis Ichmosciow Panow Fundatorow y Antecessorow moich, a przytem daiac mieysce iako usiineij Instantieij Wielebnego Oijca Auxentego Ustrzyckiego Namiesnika Manastyra Pieczarskiego, tak y prożbie gorąceij Oijca Henadia Chytrowicza Humenna na ten czas ze wszystkiemi Czerncami Manastyra Dobromilskiego, których przypatrzywszy się szczupłości pola, onym danego przed tem (tak dalece: że mieć z niego swego pożywienia y sustentatiey niemogą) nadaię y wydzielam ex zelo pietatis tymże Wielebnym Oijcom y innym po nich następującym, pole dla lepszeij w służbie Bożeij wygody, a wpracach swoich refocillationis, z iednę stronę wzdłusz poczynaiące się na południe od rowu dawnego Brzeznika, alias pastewnika asz do góry Chomiec nazwaney antiquitus z drugą stronę wszyrsz zaś od kopcow noviter wysypanych przy granicy Tarnawskiey, asz do potoka samego na zachod ku Manastyrowi. Tego tedy pola, jako swego własnego według upodobania y woleij, Cisz pomienieni Czerncy (cum libera dispositione pro arbitrio libitu komu inszemu) używać będą wiecznemi czasy bez wszelkieij przeszkody. Zadnem zniego zamkowem niepodlegaiąc tributis, podatkom, czynszom, pensiom, eo praecauto, aby wlasach, które są ex opposito gruntu tego żadneij nieczynili szkody, y nieważyli się ruzgi iedneij wyciąć. — Co dla lepszey pewności y warunku stwierdzaiąc, ręką się podpisuię moią z przycisnieniem pieczęci. Działo się w Zamku Dobromilskiem dnia Siodmego Kwietnia, Roku Panskiego Tysiącnego Sześćsetnego Szesdziesiątego Trzeciego. — Albricht z Krasnego Krasinski Kasztellan Ciechanowski Starosta Płocki m. p. — Zuzanna s Koniecpola Krasinska K. C. S. P. m. p. — Iutabuletur. Ex Sessione Leopoli die 16. Aprilis 1784. A. Weltz Actuarius m. p. — Privilegium praesens apud caesareo regias Tabulas Provinciales Halicienses impetrato praevie consensu in Libro Fundationum Tomo 55. Pagina 215 de verbo ad verbum ingrossatum atque in libro Praenotationum Tomo 20. Pagina 158 Nr. 7. est praenotatum. Actum Leopoli die mensis Maji 1784 Theophilus Szczuka C. R. T. Registrator m. p.

[11]) Въ оператѣ мостр. съ 1810 г. говорится: Власій Красинскій отступилъ монастырю млынъ Дренчаковъ вмѣсто должной ему суммы 1500 зп. Не смотря на чистое право монастыря, дѣлало установленное въ Добромили ц. к. камеральное Управленіе многіи препятствія въ свободномъ пользованіи млыномъ Дренчаковымъ. Управленіе

ложенную землю „Радечъ" на публичной продажи отъ здѣшняго магистрата. Право собственности признано монастырю 1792 г.

Дальшая прибыль поменшихъ земныхъ посѣдлостей, вокругъ Добромильской територіи, состоитъ изъ покупки и завѣщаній нѣкоторыхъ лицъ въ пользу монастыря. И такъ купилъ игуменъ о. Генадій (Хитровичъ) 1685 г. отъ Ивана Занчика поле „Цегольня" за 540 зп., — о. Варѳоломей (Березскій) 1690 г. лазъ „Босаковъ" отъ Семка и Петра Мальскихъ за 60 зп., а отъ свящ. Григорія Корницкого и его супруги Анны поле „Св. Спасское" 1695 г., — игуменъ же о. Иларіонъ Коростенскій купилъ 1706 г. землю „за Винницами" за 60 зп. — Путемъ завѣщаній пріобрѣлъ монастырь грунта отъ Анны Глѣбчицкой 1660 г., оо. Романа и Семена Коростынскихъ 1681 г.,[12]) Романа Коростынского 1686 г., Анастасіи Лениковой 1694 г. и др.[13])

Все недвижимое имѣніе въ Добромили, належащее кромѣ зданій монастырю, состояло (по счетамъ инвентарскимъ съ 1858 г.) по 1864 г. изъ 161 морговъ 821 квадр. саж. пахатной земли, пасовиска и лѣса.

Всилу договора, между камерою и монастыремъ заключенного а ц. к. краевою властію подъ д. 1. Апрѣля 1865 одобренного, выкуплено прислужающее право переѣзда и прогнанья скота черезъ лѣсъ камеральный, за отступленіемъ

то было позволило нѣкому Шатиньскому, возлѣ млына монастырского сооружити собственный млынъ и запретило монастырю его млынъ однокаменный, передѣлати въ двукаменный. По многихъ переписываніяхъ рѣшено доперва 1820 г., что по смыслу высоч патента съ 1814 г. перестройка монастырю свободна быти должна.

[12]) Лазъ надъ Потокомъ Тернавскимъ. Тое поле продалъ 1659 г. Иванъ Макарищакъ приходнику Княжполя, Василію Коростенскому, за 90 злп. Сыновья его Романъ и Семенъ К. завѣщали оное монастырю.

[13]) Монастырь долженъ былъ споръ вести о 3 лазы, которыми онъползовался, съ мѣстнымъ приходникомъ Ѳеодоромъ Черхавскимъ, оспоривающимъ ему право собственности. Наконецъ 1733 г. рѣшилъ дѣло епископъ Перем. Устрыцкій въ пользу монастыря.

на собственность монаст. 5 морг. 800 кв. саж. камерального лѣса въ замѣнъ за грунта монастырскіи, середъ того лѣса положены, въ объемѣ 6 морговъ 1333 кв. с.

Монастырь посѣдаетъ про то въ окружности Добромиля о 1 моргъ 533 кв. саж. менше, т. е. 160 морг. 288 кв. саж. Изъ того считается 125 м. 237 кв. сяж. пахатной (орной) земли, 3 м. 1570 кв. с. пасовиска и 31 м. 81 с. лѣса.[14])

По за предѣлами Добромиля посѣдаютъ Отцы 2 морги 1527 кв. сяж. пахатной земли, въ Перекопани (за Перемышлемъ) завѣщанной 1720 г. Іоанномъ Левчинскимъ на Службу Божую.

Большого значенія суть однако для нашего монастыря пріобрѣтенныи помѣстья: а) Букова б) Журавинъ съ прс. и в) участки на м. Угновѣ. — Якимъ способомъ стали Отцы здѣшняго монастыря посѣдателями тѣхъ имѣній, розскажемъ здѣсь подробно:

а) Село Букова Сб. окр. — **Самуилъ Яворскій, мечиносецъ Кіевскій, сложилъ на Службы Божіи, отправляемыи за него и его предшественниковъ, до рукъ игумена Добромильского монастыря, о. Меѳодія Гордовского, въ золотѣ сумму 50.000 зц., въ 1740 г., съ свободнымъ правомъ умѣщенія ей на необременномъ имѣніи (ad locandum super bonis mundis et liberis) и побиранія черезъ монастырь отсотковъ за жизни фундатора (stante vita). Тѣ денги получила въ годъ послѣ Цецилія изъ Брестянскихъ Дрогоевская, обезпечивши**

---

[14]) Монастырь посѣдалъ еще отъ бывшого посѣдателя Добромильского, князя Любомирского, право врубу въ лѣсахъ Гербултовскихъ, которое рѣшеніемъ надв. 1787 г. обновлено, отъ ц. к. Администраціи же 1831 г. на 32 саж. дерева обмежено, которое дерево монастырь на свой счетъ стинати и звезти собѣ долженъ.

Посѣдателька Тернавы, Бѣлоголовская, отдала монастырю за настоятеля мон. о. Поликарпа Волянского 1784 г. (Волянскій былъ управителемъ здѣсь отъ 4 Марта 1761 и отъ 1780) замокъ Гербултовъ въ вѣчное посѣданіе, (Грамота издана въ Тернавѣ 1. Марта 1784 г. а заинтабулевана въ магистратѣ Добромильскомъ 1792 г.) Позднѣйше возникъ упрямый споръ о сей „высокій замокъ" съ ц. к. Администраціею, желавшею оный собѣ присвоити; но такъ окружное якъ и краевое Правленіе признали замокъ Отцамъ съ тѣмъ, чтобы сходно съ указами прав. съ 1802 и 1828, древнихъ стѣнъ замка не разоряти подъ наказаніемъ 50 червоныхъ. — Сегодня есть замокъ забранъ Отцамъ и въ посѣданіи камеры на неизвѣстномъ основаніи.

оныи на своемъ имѣніи Букова. Черезъ перемѣну владѣльцовъ селенія перешло оно отъ благ. изъ Поцѣевъ Борженцкой на Александра Борженцкого. Той послѣдній неплатилъ уже наросты отъ монастырской истины, и попалъ въ банкрутство. По должности своей поднялась тогда ц. к. Прокураторія, стеречи право монастыря. Букову выставлено на публичныи торги, а понеже монастырь имѣлъ на ней истину съ ростами въ суммѣ 69083 злп. 10 грошей, сталъ онъ посѣдателемъ села. Остальное же изъ купной цѣны т. е. 4202 злп. 4 гр. признано лат. капитулу въ Перемышли яко взысканіе на массѣ Борженцкихъ, отъ чого платилъ монастырь отсотки по 1838 г, въ которомъ-то году сложилъ всю истину, зредукованную на 420 зол. 20¾ кр. а. в. — Послѣ покупки Б. явилось еще требованіе лат. пробоща изъ Фельштина къ отдаванію десятины отъ сего имѣнія, опираясь на томъ обстоятельствѣ, что всилу записи отъ 1555 г. тогдашней посѣдательки Ядвиги Ролёвой[15] належитъ отъ семи частей грунтовыхъ, набытыхъ черезъ схизматиковъ, складати десятину. Споръ съ того поводу былъ веденъ черезъ долшее время, вконцѣ однако рѣшили суды на некорысть монастыря. Онъ былъ принужденъ за 22 годы заплатити 300 рень. въ трехъ годовыхъ ратахъ, послѣ складалъ десятину въ зернѣ правильно до отбремененія земли. Тогда обчислено ежегодную десятину на 14 рень. 59½ кр. конв. мон. и, дабы отъ сплачеванья сей ренты на всегда освободитись, сложилъ его монастырь въ 20 разы умноженномъ количествѣ т. е. 299 р. 50 кр. м. к. (въ 1863 г.). Введеніе Добромильского монастыря въ посѣданіе Буковы послѣдовало 5 Мая 1792 г., декретъ же собственности издалъ ц. к. краевый Судъ во Львовѣ 20 Сентября 1796 г.

б) Село Журавинъ съ ирс. Полонинское Сян. окр.,[16] въ которого посѣданіе нашъ Добромильскій монастырь 1791 г. введенъ былъ, принадлежало прежде Михаилу Братковскому, мечиносцу Поморянскому. Той сперва обезпечилъ на своемъ помѣстьи Жу-

---

[15]) Г. 1462 дѣлились Буковою и иными добрами Іоаннъ, Николай и Северинъ (Zebrzyd?) Гербурты.

[16]) Передъ 1592 г. принадлежало то имѣніе Гербуртамъ; отъ тогда перешло она на собственность Ивана Демяновича Устрыцкого Матѣй Устрыцкій продалъ оное 1713 г. Павлу Комарницкому. Тойже переноситъ свои права до Журавина на Михаила Братковского въ 1717 г. — Г. 1723 является яко посѣдатель 3 частицъ Журавина (Дубошевское, Колостковское и Грыцыковское) нѣкій Василій Стрыжовскій. (См. акта монаст.)

равинѣ сумму 2.000 злп., призначенную 1723 г. Василіемъ изъ Унигова Устрыцкимъ на Службы Божіи, а въ два года послѣ завѣщалъ онъ самъ на тую цѣль 47.150 зп., которыи денги тоже остали на Журавинѣ. — Г. 1759, 27 Марта въ Добромили условилися наслѣдники Михаила Братковского, именно Станиславъ Братковскій и Григорій Яворскій. съ игуменомъ о. Анастасіемъ Петровскимъ относительно купна с. Журавина съ прс. и такъ, сплативши остальное количество изъ всей цѣны добръ, сталисъ Добромильскіи монахи владѣлцами помѣстій Журавина и Полонинска, оцѣненныхъ тогда на 55.000 зп.

в) Участки монастыря на Угновѣ Жолк. окр. — Николай Потоцкій, староста Каневскій и владѣлецъ Бучача, завѣщалъ на духовныи обязанности для нѣсколько монастырей Чина св. Василія В. сумму 100.000 злп. Изъ того опредѣлено на Добромильскій монастырь 30.000 злп. съ должностію отправленія за дателя 200 обѣдней и 340 молебеновъ. — По содержанію долговой записки Станислава Дзержека, составленной въ Львовѣ 10 Янв. 1778 г., получилъ тойже отъ Добромильского монастыря 30.000 зп. въ золотѣ, и обезпечилъ оныи на своихъ помѣстяхъ Угновъ. Махновъ, Дениско, Новоселка кардинальская и др., въ б. воеводствѣ Белзскомъ положенныхъ. Условленныи рости по 6 отъ 100 долженъ былъ Дзержекъ складати ежегодно монастырю въ понедѣлокъ по римскихъ Трехъ Царяхъ. Должникъ однако не платилъ наростовъ вовсе и оголосилъ наконецъ невозможность удержанія при имѣніи. Тогда получилъ монастырь за свой капиталъ съ наростами, выносящій 32.854 злп. 27 грош., (рѣшеніемъ ц. кор. Суда съ 1790 г.) розличныи участки доходовыи на Угновѣ, и то составляло первое его пріобрѣтеніе въ томъ мѣстѣ. Послѣ докупилъ монастырь: участокъ Гинтовда Дзевялтовского за 786 злп. (уговоромъ съ 22 Окт. 1795 г. во Львовѣ заключеннымъ), участокъ Тереси изъ Табенцкихъ Лѣсецкой за 2471 злп. 6 гр. (сдѣлка съ 25 Янв. 1799 г. во Львовѣ), наконецъ участокъ Освалда за 6624 злп. 15 гр. (5. Февр. 1796 и 1800 г.) — Монастырь посѣдалъ теперь пять, иныи вѣрители три участки съ розными рубрыками доходовыми, о сколько тыи до Дзержековой массы належали.

Тѣми пяти участками управлялъ монастырь на свой счетъ нѣсколько годовъ; послѣ же продалъ оныи нѣкому Черминскому за 100.000 злп. или 25.000 зр. съ тѣмъ, чтобы купная та цѣна остала на Угновѣ и наросты по 5% сплачеваны были монастырю.

Сдѣлка съ ей условіями перешла позднѣйше на Романовского. Черминскій платилъ отсотки правильно, преемникъ же его заплатилъ оныи въ первый годъ, за вторый далъ лишь только часть, а послѣ не платилъ ніякихъ наростовъ.

Вслѣдствіе тяжбы, веденной ц. к. Прокураторіею, отдѣлено участки монастырскіи и возвращено монастырю; сдѣлано однако такъ невѣрное изчисленіе, что монастырь отъ участковъ пропинаціи и млынового пожитка лишь только $9^4/_5$, Романовскій же $22^1/_5$ изъ 32 частей получилъ. При томъ актѣ заступлена была ц. к. Прокураторія ей конц. практикантомъ Д-ромъ Янохою. Сей, видячи ложность сдѣланныхъ коморникомъ Старжевскимъ (изъ Жолкви) росчетовъ, примѣтилъ свои сомнѣванія на актѣ съ тѣмъ, что монастырю долженъ стояти путь правный свободный, еслибы онъ въ дѣлѣ уважалъ себе оскорбленымъ.

Мимо всѣхъ усилій монастыря къ исправленію зла, остали имъ тыи $9^4/_5$ отъ 32 участковъ Угновскихъ по послѣдніи времена, и побираютъ посредствомъ аренды ежегодно 950 гулд. доходовъ.

Вмѣсто надѣленія земли или реалностей получалъ также монастырь отъ особенныхъ своихъ покровителей и благодѣтелей розличныи суммы грошевыи и тыи умѣщевалися на помѣстяхъ за наростами, которыи ежегодно отбыраемы, составляли дальшіи фонды къ содержанію здѣшнихъ Отцовъ и Братей. По содержанію „Инвентаря доходовъ отъ суммъ записныхъ съ 1747 г.“ явно, что монастырь имѣлъ суммы на имѣніяхъ Бѣлина, Боберка, Бориславичи, Верхраты, Долгомостиска, Комарники, Накло, Попели, Турка, Преворскъ, Челятичи и др. — Суммы, на добрахъ умѣщены, составляли 1741 г. капиталъ 281.278 злп. и доходы выказаны въ 1780 г. на 15.180 злп.

Г. 1783 предложилъ монастырь, вслѣдствіе строгого указа губер. изъ 5 Октября 1782, слѣдующее сознаніе: капиталъ 47815 р. в. в., доходъ 2928 р. 7 кр. в., розходы 4822 р. в.; сумма, о которую монастыръ принужденъ былъ съ должниками тяжбы вести, сягала высокость 17657 р. 24 кр. в. Монастырь самъ задолжился тогда на 1500 рень. в. — Въ 1783 г., 19 Августа, препоручено ц. к. правительствомъ

всѣмъ монастырямъ, чтобы для обезпеченія своихъ суммъ, умѣщенныхъ на имѣніяхъ частныхъ лицъ, постарались о интабуляцію посредствомъ ц. к. прокураторіи. Сегодня посѣдаетъ нашъ монастырь въ цѣнныхъ паперахъ розличного рода до 88.000 гулд. а на ипотекахъ всего 1.207 гулд. 50 кр., отъ которыхъ отсотки побираетъ.

Въ *помяницѣ* монастырскомъ, составленномъ за игуменства о. Кузмича въ 1725 г. и продолжающомся понынѣ, находымъ имена численныхъ благодѣтелей, игуменовъ и иныхъ лицъ духовныхъ и мірскихъ, упокоившихся съ временемъ учрежденія Добромильского монастыря. Подъ г. 1669 упоминается тутъ православный Господарь Молдавскій Мойсей Могила, а кромѣ упомянутыхъ нами благодѣтелей, надѣлившихъ монастырь землею, читаемъ и многихъ такихъ, которыи денежными дарами монастырь пособствовали, якъ н. пр. Кречковскіи, Устрыцкіи, Вислоцкіи, Комарницкіи, Попели, Яворскіи, Стопницкіи, Любомирскіи, Бѣлоголовскіи, Шершоны, Чернецкіи, Погорецкіи — а съ новѣйшихъ времепъ гр. Калиновскій, іеромонахъ Кохановичъ и др. А кромѣ наведенныхъ въ томъ очерку здѣшнихъ игуменовъ, встрѣчаемъ еще въ помяницѣ имена настоятелей и иныхъ лицъ монастырскихъ, якъ оо. Іелесея Коробчакевича изъ Перемышля съ 1683 г. (стр. 37) іером. Исаи отъ Сараценъ 1672 въ плѣнь забранного (стор. 38), іером. Нестора Светкевича изъ Вурка „иже на ризу Пр. Дѣвѣ даде сребра гривенъ 13, року 1705.“

Духовныи ***обязанности*** монаховъ здѣшней обытели обмежены сегодня на 222 обѣдней пѣтыхъ, 846 читаныхъ, 56 парастасовъ, 20 акаѳистовъ, 351 молебеновъ пѣтыхъ, 340 мол. читаныхъ.

Изъ заведеній существовало здѣсь отъ 1758 черезъ нѣсколько годовъ ***Богословіе*** догматическое для монаховъ, перенесенное послѣ (1771) въ Лавровъ. Сегодня есть здѣсь только ***Искусъ*** (новиціятъ) для молодыхъ людей, желающихъ вступити въ монашескій Чинъ; тутъ надобно имъ пребывати

одинъ годъ подъ наставленіемъ магистра. Искусъ сей учреждено вслѣдствіе рѣшенія Собора, отбывшогося въ Перемышли 1693 г. Императоръ Іосифъ II велѣлъ 1781 г. его закрыти. Видя въ томъ постановленіи австрійского правительства опасность для Чина, единственного въ нашей церквѣ, отнесся о. протоигуменъ (послѣ архимандритъ Жолковскій) Викторъ Дорожиньскій съ прошеніемъ къ правительству, вслѣдствіе чого импер. Леополдъ II позволилъ на новое открытіе того заведенія г. 1793.[17])

Число лицъ, посвятившихся монашеской жизни въ той обители, было прежде знатнѣйшее. По списку монаховъ было тутъ 1775 г. всего 26 лицъ, изъ тѣхъ 14 іеромонаховъ; 1783 г. 22 лицъ, изъ тѣхъ 9 іеромонаховъ; 1806 г. 11 іером.; 1859 г. 6 іером. и 5 новаковъ; въ 1867 же 4 іером. 1 братъ прокураторъ и 10 новаковъ.[18]) Игуменовъ всѣхъ понынѣ было — слѣдуя списку о. Иневича — до 40; нѣкоторыи изъ нихъ, якъ оо. Тарногородзкій, Паславскій и Галичковичъ исправляли ту должность вторично. О благополезныхъ подвигахъ настоятелей сего монастыря съ древнѣйшихъ временъ, не можемъ больше повѣствовати, якъ то что мы уже при розличныхъ способностяхъ о нихъ сказали. Нѣкоторыи изъ нихъ оказали своему монастырю великіи заслуги, который за то память ихъ высоко почитаетъ. Первое мѣсто между иными держитъ игуменъ Кузмичъ, которого изображеніе якъ и о. Паславского, его наслѣдника, тутъ встрѣчаются.[19])

---

[17]) Г. 1768 преподавалъ здѣсь Богословіе о. Стебницкій, магистровъ должность исправляли въ прошломъ столѣтіи между иными оо. Ант. Подгурскій около 1740 бывшій пресбитеръ церкви св. Николая во Львовѣ, Винкентій Бѣлинскій 1746 г., Назарій Коттоній 1775 г., Августинъ Дидицкій 1778 г.

[18]) По новѣйшей нормѣ почислено на содержаніе 24 лицъ монастырскихъ, именно: 7 іеромонаховъ по 200 гулд, 2 монаховъ лаиковъ по 150, 10 новаковъ по 120, 1 повара (кухаря) 72 (кромѣ обиталища и кушанья, что, изъявши млынаря, всѣ прочіи монаст. слуги получаютъ) 1 кухты 36, 1 огородника 48, 1 повозчика 48, 1 млынаря на Дренчаковѣ 36 гулд. Послѣднему отступается кромѣ того 3 участки мѣрки.

[19]) Портретъ о. Кузмича виситъ въ трапезѣ (гдѣ есть тоже изображеніе основателя Гербулта), о. Паславского на корридорской стѣнѣ. Позирая на тыи серіозно

Дѣятельность прочихъ настоятелей и важнѣйшіи событія монастыря въ послѣдніи времена Польщи и за австрійского правленія наводимъ здѣсь, якъ слѣдуетъ, въ хронологической системѣ.

Предъ и послѣ о. Гервасія Паславского, который 1739 г. (послѣ смерти о. Кузмича) и вторично съ 1743 по 1759 г. игуменомъ будучи, дѣло постройки новыхъ зданій церковныхъ продолжилъ и совершилъ, — слѣдовали ежегодно иныи отцы яко довременныи настоятели, то подъ именемъ намѣстниковъ то председателей по г. 1766,[20]) въ которомъ поставлено игуменомъ о. Ампліата Крижановского, а когда той 1776 перенесенъ былъ въ монастырь Кристинопольскій, прибылъ сюда яко игуменъ о. Салустій Коблянскій и оставалъ здѣсь по 1780 г., будучи параличкованымъ.

Доперва отъ 22 Дек. 1784 о. Анастасій Петровскій, выслуженный протоигуменъ, могъ щиро занятись укончательнымъ приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ монастырскихъ. За его игуменства сталъ Добромильскій монастырь посѣдателемъ Журавина, Буковы, участковъ Угнова, поля Радечъ въ Добромили (см. Журавинъ и пр.) Въ полъ года по урядовомъ отобраніи Буковы на собственность монаст. (1792) нашъ трудолюбивый игуменъ уже не жилъ. Смерть его похитила въ самъ день св. Михаила 1792 г. съ великимъ жалемъ для здѣшного монастыря.

Г. 1792 – 1797. Теперь требовалъ монастырь къ стереженію лишь только пріобрѣтенныхъ правъ весьма способного

пріятныи лица съ поважною бородою, на ихъ поважныи ризы и игуменскій жезлъ въ руцѣ — мимовольно пронимается всякій почтеніемъ для представленныхъ. Первый упокоился 1739, вторый 1759 г. — О. Гервазій присутствовалъ яко конзульторъ капитулу въ Дубнѣ 1743 г., гдѣ рѣшено присоединити Перемышльскую обитель св. Іоанна къ монастырю Добромильскому.

20) Предъ вторичнымъ игуменствомъ Паславского были здѣсь оо. Гордовскій, Езехіилъ Бончаковскій (1740—1743) послѣ Паславского: оо. Викторъ Макулинскій (1760) Вигилій Шадурскій (1761) Волянскій, Іос. Дзёковскій (1762) Онуфрій Братковкій (1763) Өеофилактъ Орыщицъ (1764).

настоятеля. Ожиданіямъ тѣмъ удовлетворилъ ново поставленный игуменъ о. Амвросій Галичковичъ даже съ опасностію своей жизни, якъ вскорѣ увидимъ.

Когда Букова сталась собственностію монастыря, вдирались часто смежныи помѣщики въ ей предѣли, въ цѣли присвоенія собѣ лѣса или кусня поля; но бодрость о. Амвросія всегда остановляла ихъ хищность, опираясь на чертежъ (планъ) владѣнія монаст. на Буковѣ. Не могучи такъ правнымъ путемъ монастырь оскорбити, выдумалъ нѣкій панъ Іосифъ Бялобржескій, владѣлецъ Кунова, Товарни и др. любопытный способъ къ достиженію своей цѣли. Шло ему предовсѣмъ о похищеніе карты Буковской, въ недостатку которой казалось ему легче прійти въ владѣніе кусня земли монастырской.

Переодѣвшися по тому въ платье простыхъ розбойниковъ и намазавши лице сажею, напалъ онъ съ своею шайкою одной слотной осенной ночи дворъ Буковскій, гдѣ въ то время игуменъ съ своими людьми пребывалъ. Повязавши дворскихъ людей и вломившися послѣ въ компату игумена, преодолѣли его по долшомъ опорѣ и били палками такъ долго, пока имъ казалось, что еще живетъ. Во время того смотрѣлъ начальникъ шайки за картою Буковы, а найшовши схоронилъ ю у себе и ушелъ съ товаришами. Тяжко оскорбленный о. Амвросій очутился и пришелъ доперва послѣ двумѣсячного старанного леченія до здоровья, съ изъятіемъ пальцовъ у руки, которыи уже на всегда остали потолоченными и искривленными. Похищеніе карты Буковы казало подозрѣвати Бялобржеского яко зачинщика напада; но понеже не было явныхъ доказовъ противъ сего помѣщика, донесено тое цѣлое событіе въ дворѣ Буковскомъ принадлежному Суду Самборскому. Въ нѣсколько времени, коли уже о томъ не говорено, случилось, что одинъ изъ Буковскихъ жителей, на праздничу въ Куневѣ забавляющихся, нашелъ тамъ брудную въ трубку сверненную бумагу, которую тайно въ

сапогахъ схоронивши, принесъ въ Букову и отдалъ о. Галичковичу. Бумага та была картою Буковскою. Началось истязаніе. Однихъ виновниковъ открыто и схвачено, другіи спаслись бѣгствомъ.

Когда однако неудавалось игумену головного виновника въ темницу посадити, поднялъ онъ (о. Амвросій) въ своей горячности весьма самовольное дѣло. Разу одного велѣлъ онъ Бялобржеского похватити, и связанного отставилъ самъ, въ сопровожаніи 40 до 50 вооруженныхъ селянъ въ Самборскій Уголовный Судъ. — Понятно, что тутъ плѣнника свободно пущено, поступокъ же игумена совсѣмъ не похвалено. Тяжебное дѣло укончилося 1798 г.[21])

---

21) Событіе то обстоятельно и любопытно списанное въ актахъ монастырскихъ подаемъ здѣсь по дословному содержанію:

„. . . Nadzwyczajna gorliwość o dobro klasztorne tegoż J. X. Ambrozego Superiora w następujące wprowadziła nieszczęście. Po odebraniu urzędowem, jako w aktach klasztornych doczytać się możesz, Bukowy w dziedzictwo, różni ościenni Panowie nie zaniedbali się w granice wdzierać Bukowy, chcąc sobie przywłaszczyć niecoś, jako od Xięży częstokroć i teraz bywa zwyczaj. Krótko mówiąc, tą samą myślą po długich prawnych drogach chciał sobie postąpić i W. P. Józef Białobrzeski, dziedzic Kuniowa, Towarni i t. d. i część lasu z polem do Bukowy według intromissyi i mapy należącem, sobie przywłaszczyć, ale X. Ambrozego zawsze miał na przeszkodzie. Zatem by na nowo w sądzie rozpoczętą sprawę Wnv P. dziedzic Kuniowa etc. wygrał, następujący plan do dopięcia zamiaru sobie ułożył: Namówiwszy swych służących i wierniejszych poddanych dobrze opłaciwszy, i twarze sadzą osmarowawszy, i w odzienie opryszków przebrawszy i sam w podobnym mundurze na czele ich stanąwszy, porą jesienną dość pożno w nocy dla wielkiego błota konno przybyli do Bukowskiego dworu. Był tam niedaleko teraźniejszego folwarku, może 350 kroków ku zimowemu wschodowi na południe wspaniały pałac drewniany, wielkie mieszkanie i wygodne mający, podług gustu dawnego wybornemi malowany farbami, z piecami różnej formy z 4 kachlów składającemi się, i wodą z 3 stron oblany J. W. P. Borzęckiego, dziedzica Bukowy ostatniego. J. X. Ambrozy przyjechawszy do Bukowy nie bez służącego i straży zwyczajnej, w owym jak zawsze obnocował pałacu. Opryszki, daruj Panie! bo inaczej niemogę pisać, ponieważ z ust samego J. X. Ambrozego słyszałem, napadszy na pałac, najpierw stróża i służącego cichaczem ręce z nogami wtył związanemi i pod schody z zagrożeniem śmierci zapakowawszy, wyłamali drzwi do pokoju, w którym J. X. Superior tylko co zasypiać zaczął, zostawiwszy jednego towarzysza z latarnią pod płaszczem czyli świtą na kurytarzu. Na ten łoskot ockniony X. Ambrozy wyskoczywszy z łóżka i porwawszy sztabę żelaza u nóg łóżka, na którem spoczywał, jak na szczęście, do rąk, długo

Г. 1793 присутствовали всѣ монахи Добромильскіи при похоронѣ епископа М. Рыла.

Дня 24 Нояб. 1797 оставилъ о. Амвросій сей монастырь, а его мѣсто занялъ теперь о. Иларіонъ Тарасовскій. Онъ заботился о преведеніи погорѣвшихъ зданій домоводства въ прежнее состояніе. — Около 1802 г. желалъ епископъ Перемышльскій (Ангелловичъ) за согласіемъ монарха, перенести оо. Добромильскихъ въ Перемышль, и умѣщеннымъ тамъ въ коллегіи по-іезуитской отдати въ управленіе школы гимназіяльныи. Тому однако сильно супротивились протоигуменъ Доровей Михальскій и о. Ѳеофанъ Голдаевичъ, вицеректоръ сѣменища Перем.

Г. 1803. Игуменъ Аѳанасій Михальскій (поставленъ 24 Сент.) Его стараніемъ было, поднести доходы монастырскіи изъ Буковы и Журавина. Въ послѣдномъ мѣстѣ построилъ на Сянѣ млынъ и тартакъ. Онъ имѣлъ много скорбы съ помѣщикомъ Боберки, съ которымъ спорячи, наконецъ при сво-

---

nie pozwalał do siebie przystępu. Ale jak na nieszczęście! Pludry pestrowe słabym sznurkiem ztyłu ściągnięte, pękły, a oplątawszy mu nogi daly rabusiom łatwość obwalenia go na ziemię. a tam leżącego bili po wszystkich częściach ciała bez miłosierdzia na śmierć po pociemku pałkami. Nieszczęśliwa gorliwości o dobro klasztoru swego ofiara, tyle przynajmniej przytomności miała, iż wtył splecionemi rąk palcami głowę ochroniła. W czasie téj smutnéj tragedji naczelnik zbójców wymacaną Bukowską mappę wziął do siebie. Nabiwszy się dosyć niewinnego Xiędza i już wątpiąc o jego życiu, przykładają ucha czyli dysze? Lecz męczennik zamknąwszy duch w sobie, należycie udał zamordowanego. Tu na odchodzie rzecze jeden: Huncwot pop już nie żyje! i dał mu poprzek tyłek jeszcze jednę pałkę. Co gdy powtórzyć chciał, rzekł do niego inny: Daj pokój, nie pastw się nad umarłem ciałem. — I tak powsiadawszy na konie, rozsypali się różnemi ścieżkami w lasy. Tak powiadał mi dalej X. Ambrozy; gdyby ów łotr drugie uderzenie był nałożył, dla bolu nieznośnego musiałbym krzyknąć. Bieg koni dał poznać skrzywdzonemu, że się zabójcy już oddalili i tak skrwawiony i zsiniały przybiegł do okna folwarcznego w jednej koszuli, do którego mocno zastukawszy i zawoławszy: ratujcie! padł bez duszy. Czeladź z ekonomem naturalnie przestraszona wybiegłszy i leżącego w koszuli pod oknem postrzegłszy, poznała pana swego, w którym ledwie dotarłszy ducha, rozbiegła się po wsi aż do cerkwi, końcem dzwonienia na gwałt; ale daremnie! przepadło! — Rabusie już pouchodzili. — Jednak do czasu dzban wodę nosi. Biédny męczen-

ихъ правахъ удержался. — Въ 1807 погорѣли зданія домоводства монастырского въ Добромили.

Г. 1810 былъ администраторомъ монастыря о. Софроній Полянскій по день 1 Ноября т. г. Отъ сего времени управлялъ (по 1812 г.) вторично о. Галичковичъ.

Г. 1812 былъ черезъ короткое время здѣшнимъ настоятелемъ о. Модестъ Гриневецкій, д-ръ св. Богословія и профессоръ догматики на Львовской академіи. Не совершивши одного года возвратился онъ опять на свою катедру.

Недолго также пребывалъ здѣсь яко игуменъ Юліянъ Здюшиньскій, бо уже того самого года (1812) избрано его архимандритомъ Жолковскимъ, смотря на знаменитыи его заслуги во время его 12 лѣтного протоигуменства и прокураторства Чина.

За годъ 1813 былъ управителемъ монастыря о. Ефремъ Костецкій, наставникъ новаковъ.

---

nik był najpiérwej kurowanym w mléku kwaśném w korycie po kilka godzin na dzien leżąc, potem innemi środkami i tak do tygodni 8 przyszedł do pierwszego zdrowia; lecz palce u rąk były odtąd pokrzywione i roztłuczone, osobliwie 3 środkowe. Gdy się tak stało, nikt niemógł zgadnąć, co to za jedni sprawcy byli? Lecz nienalezienie mappy Bukowskiej kazało się skrzywdzonemu domyslić, kto był owych rabusiów dowódzcą: jednak dla niedostatku dowodów nie można się było winowajcy czepiać, tyle tylko, że cała rzecz jak się stała, sądowi kryminalnemu i politycznemu przedstawiona, wziętem visum repertum zatwierdzoną została. — Gdy powoli o tym smutnym wypadku ludzie zapomnieli, wieśniacy Bukowscy i Kuniowscy według jesiennego zwyczaju na ucztę się zapraszać zaczęli; gdzie będąc z Bukowy para ludzi (szkoda tylko że nazwiska nie zanotowano) na uczcie u wieśniaka Kuniowskiego, przypadkiem stanąwszy jeden na przyspę około chalup. zwyczajną, postrzegł papier w trąbkę zwinięty dymem i słotą znacznie uszkodzony, który cichaczem za cholewę schowawszy i z przyjacielem pożegnawszy się powrócił do Bukowy, i lubo niewiedział co to jest, natychmiast zaniósł ten papier do swego pana a ten był zaginiona mappa. Tu dopiéro rozpoczął się kryminalny proces, schwytano winowajców, jednych do kryminału, a drudzy ze wśi Kuniowa pouciekałszy, błąkali się długo po cudzych miejscach pod zmyślonem imieniem, o czem jeżeli chcesz, czytaj komissyę kryminalną w Aktach Dominium Bukowy w Archiwum klasztornem złożoną. Nareszcie po długiej utarczce w sądach z W. P. dowódzcą owej rozbójniczej bandy, gdy Im. X. Ambrozy do kryminału żadną miarą zapakować go nie mógł, razu pewnego namówiwszy niektó-

Г. 1814. За игуменства о. Венедикта Орачевского, (отъ 4 Мая), которому яко больному придано въ сотрудника о. Софронія Полянского, бывшого префекта Бучачской гимназіи, — вымѣнено кусень дубового лѣса въ Буковѣ за лѣсъ еловый съ Сусѣдовичами и условленося съ громадою Буковскою о половину пасовиска.

Періодъ 1822—1831 былъ для нашого монастыря неблагопріятнымъ. Уже въ началѣ игуменства о. Венедикта Ольшанского, поставленного здѣсь 14 Ноября 1822 г., были рестанціи податковыи на помѣстяхъ монастырскихъ. Тоже за игуменства Іоанникія Гегія (поставл. 19 Сент. 1827 г.) неплачено податей по причинѣ великого неурожая, якій конечно послѣдовалъ черезъ недостатокъ дождя и великій жаръ солнечный въ лѣтѣ и на веснѣ. Дабы злу по возможности запобѣгчи, присылалъ сюда протоигуменъ Хомчиньскій запомоги грошевыи на содержаніе Отцовъ, но и тыи оказались недостаточными, ибо по отъѣздѣ (13 Окт. 1829) о. Іоанникія въ Лавровъ, монастырь былъ принужденъ, много росписокъ долговыхъ заспокоити.

И 1829 г. состояніе монастыря не получшилось. Былъ тутъ тогда игуменомъ, отъ 1 Октября с. г., о. Венедиктъ Полянскій, консульторъ Чина и бывшій прежде проф. гимназіи Бучачской. Голодъ водворился въ Буковѣ вслѣдствіе тяжкои зимы и весьма поздной весны. Жители Буковскіи, не могучи найти помощи на мѣстѣ, приходили за запомогою въ монастырь Добромильскій, который, хотя самъ бѣдствовалъ, куповалъ для нихъ ячмень и овесъ на житье. Сближилась

rych sobie przychylniejszych w czasie przejeżdżania się po granicy, P. Herszt złapany i do J. X. Ambrozego przyprowadzony, któremu kazawszy ręce wtył związać a sobie 4 konie siwe do powozu założyć, przez 40 lub 50 chłopa kosami uzbrojonego przed sam kryminał piechotą do Sambora zaprowadził, sam poprzód pysznie jadąc. Tu zastanów się czytelniku co narobiła gorączka Węgrzynowi (О. Галичковичъ былъ родомъ зъ Уйгели въ Венгріи) wrodzona! Oto natychmiast winowajcę rozwiązanego do domu puszczono, a sprawcę hańby obywatelowi uczynionéj bardzo nie pochwalono."

пора къ зимному посѣву, а не было зерна г. 1830. — Тогда отбывался въ Креховѣ Соборъ Чина подъ предсѣдательствомъ епископа Снѣгурского. По окончeніи всеобщихъ дѣлъ Чина звернено увагу отцовъ на предложеніе о. игумена Добромильского, относительно подпоры для его монастыря. Присутствующіи отцы рѣшили сложити 600 злрн. За тыи гроши куплено зерна и роздѣлено на посѣвъ. Бучачскій монастырь далъ для Добромильского кромѣ 100 злрн. грошми, еще 30 корц. жита.

О. Венедиктъ оказалъ въ тѣхъ такъ прикрыхъ временахъ своему монастырю многіи заслуги. Онъ заботился о приведеніи дѣлъ монаст. въ лучшее состояніе, исправилъ зданіе монастырское обновленіемъ его покрытія, перестроилъ зданія въ помѣстяхъ, а что важнѣйшее всего: онъ прибавилъ до оныхъ 600 рень., на запомогу взятыхъ, еще 800 рень. изъ приватныхъ своихъ средствъ. Тѣмъ больше должна была доткнути смерть его отцовъ Добромильскихъ, которая слѣдовала уже 19 Іюля 1831. Холера забрала отцамъ благодѣтельного настоятеля, за которого душу ежегодно въ день смерти Службы Божіи отправляютъ.

Наслѣднику его, которымъ былъ о. Никифоръ Трушъ, консульторъ Чина, остало предовсѣмъ занятись дѣломъ податковымъ. Рестанціи податей, должныхъ правительству, выносили отъ части доминикальной 2.252 р. 29 кр. м. к., за громаду сельскую 789 р. 16 кр. м. к. Тогда явился указъ прав., освобождающій отъ плаченья подати за 1831 г. и другій съ той же дати (18 Окт. 1831), въ которомъ говорится, что каждый изъ подданныхъ галицкихъ, съ минувшого десятелѣтія въ рестанціяхъ грунтового податка бывшій, будетъ увольненъ отъ половины долга, если другую половину въ продолженіи одного года внесетъ въ окружную кассу. Пользуясь тѣмъ актомъ монаршимъ, монастырь нашъ заимствовалъ отъ Львовскихъ отцовъ 6048 р. 23 кр. в. вал.; тѣми грошми заплатилъ долгъ податковый за себе и громаду, кото-

рая снова со своей стороны одолжилась, монастырь въ трехъ годовыхъ ратахъ заспокоити.

Г. 1834 дано новый помостъ въ церкви вмѣсто давного керпичного; слѣдующого же года покрыто церковь и колокольню новою кровлею, тоже дано новыи подпоры и столпы при церкви.

Г. 1838, Августа 8 дня, отбылся тутъ Соборъ Чина св. В. В. Галицкой области подъ предсѣдательствомъ епископа Снѣгурского. — На томъ соборѣ постановлено перенесенье о. Труша въ Бучачскій, а оттуда о. Радецкого, протоконзультора Чина, въ Добромильскій монастырь на игуменовъ. Отъ того рѣшенія и тогда не отступлено, когда тѣ отцы, въ предчувствіи може своей судьбы, сильно противъ той перемѣны протестовали. И случилось, что отецъ Трушъ, выѣхавшій 19 Октября 1838 на игумена въ Бучачъ, уже 30 Сентября 1838 упокоился; о. Радецкій же, прибывши въ Добромиль, уже первого года запалъ въ тяжкую недугу, которая 27 Ноября 1841 смертью кончилась. Дѣятельность о. Радецкого въ короткомъ времени благополучного своего состоянія обмежилась на скопаніи горы за обителіею, для отдаленія воды дождевой отъ стѣнъ монаст., также занимался онъ строеніемъ свода въ той части обители, которая создана для связи съ колокольнею. Яко заступникъ игумена управлялъ монастыремъ во время его недуги о. Кундратъ. Отъ доходовъ Угновскихъ сплаченъ долгъ Львовскому монастырю съ 1832 года.

Г. 1839, 5 Ноября, вступилъ сюда яко новицій б. п. о. Модестъ (Михаилъ) Гнатевичъ, б. профессоръ Бучачской гимназіи.

Г. 1841 былъ довременнымъ управителемъ монастыря наставникъ новаковъ о. Винкентій Михайловичъ. Тогда пущено Букову первый разъ въ аренду, якоже и млынъ Дренчаковъ съ прилежающимъ полемъ.

Г. 1842. На соборѣ Лавровскомъ избранъ и 18 Декаб. т. г. поставленъ игуменомъ Добромильскимъ о. Модестъ Мацѣевскій, исправляющій до сей поры должность управителя школы норм. въ Бучачѣ. Въ началѣ того игуменства найдено нового арендатора для Журавина, который вмѣсто давнѣйшихъ 600 и 700 рень. ежегодно сплачеваемыхъ чиншовъ, платилъ 1300 рень. м. к. Также умножились доходы на Угновѣ, а когда еще нѣсколько великихъ облигацій вылосовано, взросли ежегодныи доходы монастыря на около 5.000 рень. м. к. При спріяющихъ тѣхъ обстоятельствахъ возможно было теперь подумати о. Модесту о розличныхъ потребныхъ поправкахъ около монастыря. Такъ н. пр. дано новую кровлю на обители, построено каменную стѣну окрестъ огорода. — Въ Февралѣ 1846 г. возникла была извѣстная польская мятежь. Въ то само время утворилась тоже шайка, непокоившая окрестныи дворы. И отцы наши опасалися черезъ долшее время ихъ напада. Многихъ изъ нихъ похвачено послѣ подъ Подмостьемъ и наказано въ Добромили. Была то простая сволочь, корыставшая изъ тогдашнихъ непокоевъ, дабы на свой счетъ плѣнити. Говорятъ, что они при истязаніи признались въ намѣреніи, и монастырь посѣтити.

Дня 20 Сентября выѣхалъ о. Мацѣевскій на настоятеля Бучачского монастыря, а мѣсто его занялъ здѣсь съ 13 Ноября 1846 г. о. Гедеонъ Сѣчевскій, прибывшій сюда отъ Краснопущи. За его игуменства, 1858 г., пріймалъ монастырь яко достойныхъ своихъ гостей: отпорученника апостольского, епископа Гаганца и епископа Перем. Яхимовича. — О. Гедеонъ упокоился здѣсь 8 Іюля 1863.

Съ того времени по 1866 г. остаетъ намъ только о одномъ пожарѣ упомнути, вслѣдствіе которого монастырь утерпѣлъ потерю на 1500—2000 гулд. Вечеромъ 8 (20) Февраля 1866 г. возникъ огонь въ конюшни, подложенъ однимъ въ монастырь принятымъ 17 лѣтнымъ молодцемъ сиротою,

и такъ сгорѣло 7 коней, до 16 возовъ хорошой команицы, а въ коморцѣ розныи пахатныи орудія.

Съ 1 Ноября 1862 дѣйствуетъ тутъ яко игуменъ о. Иневичъ, бывшій настоятель монастыря и гимназіи Бучачской. Его стараніемъ приводятся всѣ монастырскіи и церковныи дѣла въ цвѣтущее состояніе, а полное оцѣненіе дѣятельности сего правого Мужа въ пользу монастыря, церкви и отечества оставляемъ будущности.

Прежде, нежели попращаемся съ монастыремъ, да будетъ мнѣ свободно, прибавити нѣчто изъ личныхъ своихъ впечатлѣній, испытанныхъ отъ первой хвили короткого здѣсь пребыванія.

Знаемъ политиковъ, которыи величаютъ времена, когда не дѣлано розличія между народностями, а всѣхъ жителей края уважано за одно и тоже. Такъ радовались и у насъ іезуиты сквернымъ своимъ успѣхомъ, сдѣлавши сперва роздоръ между братіею, а послѣ сотворивши неприродное, поддѣльное единство на Руси — и справедливо тужатъ они нынѣ за тѣми недавными еще временами, хотяй именно се обстоятельство причинилось къ паденію когда-то счастливой, бо толерантной и могущественной державы. Саму же высшую степень того іезуитского счастья достигнуто у насъ не за временъ Польщи, а, якъ знаемъ изъ собственныхъ опытовъ, уже за владѣнія Австріи въ епоку Метерниховскую. Мечта іезуитская усилилась подъ абсолютнымъ правленіемъ больше чѣмъ прежде. Іезуитскіи школы и воспиталища заполнялись русскою молодежію. Тогда-то и перешли останки высшого русского сословія въ таборъ противниковъ народа. Потомки такихъ Устрыцкихъ, Винницкихъ, Шептицкихъ, Комарницкихъ и множество иныхъ дворянскихъ родовъ, въ монастырской исторіи упомянутыхъ а крѣпко преданныхъ народу своему и питомой церкви, поддалося уже за нашей памяти враждеб-

ному притѣсненію, а вслѣдъ за ними пошли — естественно — и ихъ слуги. А когда и наше священство стало заводити чужіи нравы въ семействѣ своемъ и обрядъ церкви обезображати, тогда уже слѣдовали тіи хорошіи времена для политическихъ противниковъ нашого народа, который прежде не зналъ розличія, бо всѣ его члены составляли одну народную цѣлость. Но тіи времена проминули, дѣло іезуитское яко насильное, неправедное и искусное упадаетъ; къ рускому организму возвращаются его составныи части назадъ, т. е. дѣлаютъ по враждебнымъ понятіямъ время несогласія, и такъ долго дѣлати будутъ, допока не послѣдуетъ опять часъ природного единства между всѣми сословіями на Руси.

Слѣдствія того процеса нашихъ временъ досмотрѣлъ я тоже внутрь Добромильского монастыря. Идея настоящого времени, благородное стремленіе къ воздвигненію народа и церкви отъ крайного порабощенія, нашла и въ монастырскихъ стѣнахъ своихъ послѣдователей и своихъ противниковъ. Славити Бога, число послѣднихъ стается и тутъ чѣмъ разъ меншее. Свычайное мнѣніе между нами, водворившееся отъ прежде, должно относительно нашихъ монаховъ вообще уступити лучшему. Посѣщая Отцовъ и Братей зъ особна, узналъ я о добромъ росположеніи ихъ духа; не всѣ остаются на заду, а поступаютъ съ розвивающеюся народною жизнею напередъ. Я узналъ, что наши плоды словесныи имъ не чужіи, а языкъ народный преодолѣваетъ языки иностранныи, употребляемыи ними еще до недавна.

Нѣсколько словъ объ отношеніяхъ и нынѣшнемъ состояніи города Добромиля.)*

По изслѣдованіямъ историковъ пришли Гербурты на Русь около 1380 г. и основали сперва замокъ, послѣ городъ Фельштинъ, во память своей первой родинной посѣлости на Шлезіи, званной Feldstein или Felsstein. Отъ того родинного гнѣзда писались они всегда Гербуртами (Гербултами или Гербортами) отъ Фельштина (или Фульштина); а послѣ розродившися, принимали они свои прозвища отъ учрежденныхъ ними мѣстностей и овладѣнныхъ имѣній.

---

*) Когда дѣло мое въ монастырѣ сближалось къ своему концу, пускался я въ городъ, чтобы осмотрѣти его достопамятности, и вступалъ послѣ до русского приходника, который охотно удовлетворялъ моей любопытности, повѣствуя о прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи города и его жителей, о сколько ему изъ преданій и собственного опыта извѣстно было. — Къ вѣрному представленію давной судьбы города нужныи однако положительныи источники, а тѣми суть безсомнѣнно сохраняющіися подлинныи его грамоты. За посредничествомъ мѣстного приходника надѣялся я яко незнакомый найти тутъ свободный доступъ къ городскому и костельному архиву, что было для мене весьма возжеланнымъ обстоятельствомъ. Мнѣ обявлено, что достиженіе сей цѣли такимъ путемъ будетъ трудно, римскій бо приходникъ сдѣлалъ свои акта недоступными, а магистратъ съ своимъ архивомъ стоитъ подъ вѣдомствомъ ц. к. повѣтового Уряда, гдѣ такъ якъ и на пробоствѣ путешественники моего рода находятъ всегда своихъ антагонистовъ. Не смотря на то, я рѣшился слѣдующого дня предложити свое требованіе принадлежнымъ авторитетамъ, и попращался на сей разъ съ о. Пелеховичемъ.

Между тѣмъ получилъ я другого дня возваніе, отъ г. начальника, къ личному явленіюся въ урядѣ повѣтовомъ. Г. Коржнекиъ

Къ такимъ мѣстамъ причисляется и нашъ *Добромиль*, отъ которого прозвалися его владѣлцы Гербуртами Добромильскими (см. грамоту съ 1613 въ ист. мон.). Добромиль, основанъ первоначально яко деревня, получилъ, по нѣкоторымъ толкамъ, свое имя отъ „добра — миля" (такъ означали его отстояніе отъ Фельштина), и лежитъ въ прежней земли Перемышльской воеводства русского, нынѣ въ округѣ Сяноцкомъ восточной Галиціи. — Давныи авторы немного заботились о однообразномъ писаніи названія якового мѣста или личности; въ томъ отношеніи видима у нихъ большая

(такъ звался начальникъ бец. съ роду Чехъ) принялъ мене весьма прилично, а представляя мнѣ конечность такой бодрости урядовой въ такъ опасныхъ для державы временахъ (тогда была война съ Пруссіею), затребовалъ отъ мене карты легитимаційной. Я удовлетворилъ скоро тому желанію, а сверхъ того предложилъ г. начальнику, къ большому его успокоенію, всѣ собранныи до теперь данныи о Добромили. Г. начальникъ узналъ тогда трудъ мой полезнымъ и объявилъ, что онъ готовъ послати со мною одного изъ своихъ слугъ въ городскую канцелярію, съ приказомъ, чтобы мнѣ акта городскіи къ осмотрѣнію предложено.

Въ городской канцеляріи нашелъ я саму лучшую волю, но тая къ великому моему сожалѣнію немогла осуществитися; всѣ бо старинныи грамоты были запечатаны въ одной связцѣ печатьми городскою и г. адъюнкта бецирковго, а понеже сей послѣдній былъ на нѣсколько дней выѣхалъ изъ Добромиля, негодилось по мнѣнію г. начальника печать, адъюнктомъ приложенную, отрывати. Ждати на его поворотъ, мнѣ небыло наручно, а такъ долженъ я на теперь довольствоватись тѣмъ, что по нынѣшній день списали о Добромили розличныи описыватели и исторіографы.

Извѣстія о Добромили и Гербуртахъ находятся въ сочиненіяхъ: Sim. Starovolscii Polonia, Wolferbyti 1656 p. 38, 40. (2. изданіе). — Cellarii Andr. Regni Poloniae M. D Lith. novissima descriptio, Amstelodami 1659 p. 329. — Ew. hr. Kuropatnicki, Geografia Galicyi, Lwów 1786 — Pamiętnik Sandomiérski, Warszawa 1830, Cz. II str. 207 — Lwowianin 1836 str. 113 (съ илл.) — Przyjaciel Ludu, Leszno 1843 T. II str. 259 (съ илл.) — Starożytna Polska przez M. Balinskiego i T. Lipinskiego, Warszawa 1850 II cz 2. str. 643 (отъ части сост. изъ упомянутыхъ здѣсь источниковъ) — Galicya w obrazach (съ илл. монаст.) — Гал. истор. Сбор. III, Львовъ 1860. прим. 39. — Сярчинского рукопись (скудно) въ библ. Оссол. въ Львовѣ — и др. сочиненія, о которыхъ узнати можно въ Памятницѣ Сандомирскомъ съ 1830 г.

свобода, по большей части шли они за слышанымъ звукомъ, не уважая на етимологію. Такъ Келларій и Старовольскій называли нашъ городъ то Dombrovilia, то Dombromilia и Dobromilia.

Іоаннъ Гербуртъ Фелштинскій, владѣлецъ Фельштина, Глубокой и Добромиля, основалъ въ началѣ XVI вѣка въ Добромили замокъ и вскорѣ потомъ, т. е. 1531 г., римское приходство для сей окружности, гдѣ тогда новыи селенія возникали и число жителей всякого вѣроисповѣданія умножалось.

Въ привилегіи королевской, изданной въ пользу г. Фельштина 1551 г., находимъ, что владѣлцами сей мѣстности были тогда братья: Станиславъ, Валентій, Николай и Іоаннъ Гербурты.

Въ 15 годовъ послѣ является уже Станиславъ Гербуртъ посѣдателемъ Добромиля. — Читаемъ, что Король польскій Сигисмундъ Августъ, награждая вѣрныи и полезныи услуги Станислава Гербурта, каштеляна Львовского и настоятеля жупъ русскихъ, дозволяетъ ему ***1566 г.*** перетворити село „Добромиль" въ городъ, надѣляетъ оный правомъ магдебурскимъ, назначаетъ здѣсь 2 ярмарки ежегодныи и торги по Четверткамъ, и увольняетъ городъ отъ оплаты податей, поборовъ и должностей на 15 годовъ.

Родина Гербуртовъ отличалась всегда благородными своими душевными свойствами и науками (tyle w rozum zamożni ile Ostrogscy w bogactwa.[22]) Особенно достопамятнымъ

---

[22]) Таковое мнѣніе о Гербуртахъ было общимъ у польскихъ писателей. Гербурты занимали въ республицѣ польской важныи становища. Упомянутый нами Валентій Г. былъ яко епископъ Перемышльскій лат. обр. избранъ посломъ Сигисмунда Августа на Соборъ Тридентскій (упок. 1572). Онъ и братъ его Іоаннъ, каштелянъ Сяноцкій, отпочиваютъ въ костелѣ Фельштинскомъ, гдѣ подъ изображеніемъ Іоанна читается слѣдующая напись:

W poszelstwiech w czudzich stronach pospolitey rzeczi,
Sluzil, thes do Franczyei jezdząc dla iei pieczy,
Y do Szweczіie, thesz piorem iei sluzil

есть для насъ Іоаннъ Счастный (Феликсъ) Гербуртъ Добромильскій. Сей ученый и благородный мужъ извѣстный намъ яко защититель русского народа и его вѣры насупротивъ посягательствъ Рима и Польщи.[23]) Онъ учредилъ монастырь Ч. св. В. В. 1613 г. (см.), завелъ у себе печатню, завозвавши сюда Іоанна Шелигу изъ Кракова, въ которой печатались его издержками (1611-1615) сочиненія историческіи Кадлубка, Іоанна Длугоша, Орѣховского и пр.;[24]) — угощалъ на своемъ замку ученыхъ и славныхъ людей своего времени, и самъ всегда трудился умственно яко историкъ и политикъ.

Родина Гербуртовъ вымерла около 1645. Преданіе гласило, будто каждый изъ Г. умераючи, перетворялся въ орла и гнѣздился на прилежащихъ скалахъ. Якъ долго почитано тіи орли, такъ долго спріяло счастье Гербуртамъ; но одинъ изъ нихъ отважился убити орла, тогда померъ ему сынъ яко послѣдній съ роду.

Послѣ смерти Іоанна Счастного Гербурта, 1622 г., владѣлъ въ Добромили зять его Станиславъ Конецпольскій, потомъ около 1660 г. зять Конецпольскихъ, Альбрехтъ Красин-

---

Pisacz wiele praczy użył.
Slawa y dlia cznoth jego cziny niesmiertelnim
W niebie dozywoczie thim żyie skazitelnim
Potomkom obraz twarzi tu s kstaltem zostawil,
W pismach y w swych poslugach cznoth wzorem byl.

Яко труды литературныи Гербуртовъ большого объема извѣстны сочиненія подъ загл.: Statuta regni Poloniae a Joanne Herburtho de Fulstin, Cracoviae 1567 fol. — и — Joannis Herburti de Fulsztyn Chronica sive historiae Poloniae compendiosa descriptio, Dantisci. 1609. (см. источ.)

[23]) Самымъ лучшимъ доказательствомъ его преданности къ роду русскому есть письмо его, въ латинскомъ языцѣ составленное, къ Папѣ Павлу V съ 5 Августа 1616, гдѣ онъ считаетъ себе рускимъ а отечество свое, которое защищаетъ, великимъ русскимъ краемъ и проч. — Тоже: Zdanie o rodzie ruskim Herburta. (См. Гал. истор. Сборникъ изд. общ. Гал. русс. Матицы В. III Львовъ 1860, прим. 39).

[24]) Заглавіе изданного здѣсь сочиненія Длугоша гласитъ: Historia Poloniae Joannis Długossi seu Longini Canonici Cracoviensis in tres thomos digesta, Autoritate et Sumptibus Herbulti Dobromilski edita, Dobromili, In officina Joannis Szeligae A. D. 1615. -- Орѣховского: Annales regni Poloniae и т. д.

скій. Послѣдній изъ владѣлцовъ, сродникъ Красинскихъ, былъ принужденъ отступити ц. к. камерѣ имѣнія свои, яко въ соловарни богатыи, въ замѣнъ за Рогатинъ и др. помѣстья.

Добромиль принадлежалъ отъ давна къ важнѣйшимъ городамъ. Уже въ XVII столѣтіи упоминаютъ писатели о Добромили, яко городѣ большого значенія. Старовольскій говоритъ, что Фельштинъ и Добромиль были знаменитшіи городы (Fulstinia et Dobromilia oppida celebriora), и упоминаетъ, что въ послѣднемъ мѣстѣ соль варилась (apud Dobromiliam, Samboriam et Solum (Старасоль) sal decoquitur). Келлярій упоминаетъ, что нашъ городъ Добромиль положенъ въ сосѣдствѣ Фельштина (Fulstinia, Felstin, et Dombrovilia duo oppida vicina).

Около 1584 было въ Добромили (слѣдуя рукописи „Genealogia dziedziców Państwa Dobromila“ стихомъ составленной) 7534 жителей христіянскихъ, 524 домовъ деревянныхъ и каменныхъ, также 4 церкви. На дворѣ Гербуртовъ проживало 422 людей къ послугамъ и стражи. За то не было здѣсь евреевъ.

Г. 1647 установлено здѣсь складъ винъ угорскихъ, а ярмарки привлекали сюда не только купцовъ краевыхъ, но также изъ Венгріи и Шлезіи.

Нынѣ нѣтъ и половины тѣхъ жителей, вмѣстѣ съ евреями, которыи во имя равноправности выпираютъ нашихъ запущенныхъ мѣщанъ христіянскихъ въ далекіи заулки, такъ что по мнѣнію здѣшняго г. приходника, заледва 27 родинъ христіянскихъ остало еще вольными отъ еврейского гнета, прочіи совершенно упадаютъ.

По счетамъ урядовымъ съ 1857 г. состояло народонаселеніе Добромиля изъ 2572 жителей мѣстныхъ и 101 иностранныхъ; именно было здѣсь 652 христіянъ (по большей половинѣ русскихъ обр. греч.) и 1920 евреевъ. — Всего

считалось въ томъ году 268 домовъ. Имѣніе города выносило 40174 гулд., долги 1806, доходы 3300 а издержки 3513 гулд. Въ томъ отношеніи Добромиль послѣдній между городами восточной Галиціи. (См. Шематизмъ прав. за 1859 г.)

Жители занимаются рукодѣліями, многіи трудятся на Лядской соловарни и отъ части при земледѣліи. Посѣдателей земли здѣсь очень мало; въ 1857 счетано ихъ 17. Кромѣ того выказано здѣсь тогда до 180 ремесленниковъ (въ великой части шорниковъ), также близъ 40 торговщиковъ еврейскихъ.

Ярмарки назначены для Добромиля въ слѣдующіи дни: 29 Января, въ день по Вознесеніи Господ. (по русс. мѣсяц.), 11 Іюня, 26 Іюля (4 нед.) 29 Сентября (2 нед.); — торги седмичныи по Пятницамъ. — Торги скотинныи довольно еще численно посѣщаемы отъ окружного народа.

Въ „Przyjaciel Ludu" (см. источ.) находимъ небольшую статью о Добромили. Въ ней представляетъ авторъ нашъ городъ яко цвѣтущій, хотя рынокъ заполненъ еврействомъ. Величаются многіи и славныи ярмарки, а между тѣми ярмарка большого значенія на св. Михаила, цѣлоседмичная; о ней теперь здѣсь не знаютъ. Далѣй говорится о численныхъ каменныхъ домахъ и опрятныхъ гостинницахъ. Не опровергаемъ то мнѣніе, что оногда здѣсь такъ было; но сегодня встрѣчается здѣсь лишь только одна гостинница въ посѣданіи христіянина (Рихтера), и та, якъ думаемъ, не въ найлучшемъ состояніи. — Одна природа вполнѣ удержала тутъ свою поезію, ибо положеніе города между взгорями надъ р. Вырвою есть въ самомъ дѣлѣ привлекательное.

Среди такихъ ненадежныхъ отношеній утѣшительно есть узнати, что здѣсь являются по временамъ чиновники, которыи, употребляя свою власть во благо народа, стараются поднести его образованіе, а тѣмъ и бытъ его матеріяльный. Такимъ мужемъ былъ въ Добромильскомъ повѣтѣ нѣкій г. Тур-

неръ, который въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1865 г., своимъ неутомимымъ трудомъ и промовами въ русской рѣчи къ селянамъ, системизовалъ 12 школъ народныхъ, т. е. 9 тривіяльныхъ а 3 приходскіи. (См. „Слово“ съ 1866 г.)

Розвалины *замка*, созданного въ началѣ XVI вѣка Іоанномъ Гербуртомъ, и положенного на юговостокъ отъ Добромильского монастыря надъ селомъ Тернавою, указуютъ слѣды прежней его заможности. На фронтовой стѣнѣ замчища видны еще надписи, отъ части повреждены, съ гербомъ и годомъ созданія, римскими выписаны буквами и числами. Отъ года созданія слѣдны еще числа MD.., также не истерты еще совсѣмъ начальныи буквы: T. H. S. F. (или I. H. S. P. что могло значити: Joannes Herborth Succamesarius Premisliensis — имя и чинъ создателя замка), и слова: Thesaurus regius — Diademata Poloniae — Obrona nasza.

Его пріукрашали розныи аллегорическіи живописи и написи, относящіися къ наукамъ, правамъ, свычаямъ и къ заговору во времена Сигисмунда III, въ которомъ много участвовалъ и Іоаннъ Счастный Гербуртъ. Въ Памятницѣ Сандомирскомъ, (изд. въ Варшавѣ 1830 г.), изчисляются подробно аллегорическіи изображенія и написи, якіи прежде здѣсь были. — И такъ были н. пр. надъ вратами представлены четыре башни въ розныхъ краскахъ. Первая (червеная) имѣла на своихъ окнахъ напись: Святыня трудовъ („Kosciół pracze“) съ изображеніями по одной сторонѣ всякихъ военныхъ орудій, а по другой 16 книгъ съ именами ихъ авторовъ. Вторая башня (бѣлая) представляла святыню благонравія („K. cznote“); на ей окнахъ выписаны: сеймы, сеймики, съѣзды, рокоши, войны и пр. Третая (лазурная) изображала святыню славы („K. sławe“), съ указаніемъ, якимъ шляхтичъ быти долженъ. Четвертая (темная) имѣла напись: Святыня зависти („K. zazdroszczi“). Въ окнахъ ей изображены 4 роды змѣи съ именами,

якъ бунтовщикъ, затѣйщикъ, и т. под. — По лѣвой сторонѣ башней или святынь изображены были тѣ мужи, которыи шли черезъ тіи святыни отъ 700 по 1600 г., а по правой тіи, которыи входятъ доперва въ святыню: якъ Гербортъ, кн. Радзивилъ, Станиславъ Браницкій и др. На стѣнѣ насупротивъ вратъ были образы императора Рудолфа, короля Ольбрахта и его жены, Гербуртовъ и пр.; кромѣ того находилось здѣсь множество стиховъ, панегириковъ и умныхъ изреченій.

Замокъ сей отперъ счастливо покушенія вороговъ, а преданіе говоритъ, что гарнизонъ его хоробро боронился, бросаючи на вдирающихся камени, бельки, кипящее просо и пр. — По преданію пребывала тутъ также королева Бона, а предъ 50 годами были еще слѣды велелѣпныхъ комнатъ.

Нынѣ существуетъ въ городѣ одна каменная ***церковь*** подъ названіемъ ***Сошествія св. Духа.*** Она строилась близъ 40 годовъ и недавно доперва окончена. Есть довольно просторонная, имѣетъ видъ костеловки, съ невеликою вежею на передѣ. Внутрь царскіи врата еще безъ иконастаса.

Гдѣ была одна старинная церковь, тамъ теперь зданія и грунта приходскіи. Церковь на торговицѣ повалилась 1828 г.

Костелъ римскій крестообразно съ каменя построенъ, сперва подъ названіемъ св. Тройцы, послѣ обновленъ (1719 г.) и черезъ архіепископа Сѣраковского посвященъ п. т. ***Распятія Христова.***

Госпиталь близъ костела созданъ на повершіе, принадлежалъ прежде русской церкви; нынѣ обитаютъ тамъ священники римскіи, а прочіи части сего дома, якъ и властивый домъ пробоства арендуютъ они приватнымъ лицамъ, на почту и нотаріятъ.

Въ Добромили было (отъ 1855—1867) ц. к. Управленіе повѣта, занимающого пространство $8\frac{1}{10}$ мнль квадр. съ

24898 жителями (1857 г.) въ 55 громадахъ мѣстныхъ а 50 катастральныхъ; тоже изслѣдовательный Судъ для повѣтовъ Добромильского, Лютовиского и Устрыцкого. Нынѣ принадлежитъ городъ съ своимъ повѣтомъ къ новому повѣту Бѣрецкому. Остали здѣсь: Судъ повѣтовый, Канцелярія податей, Економія камеральная, Почта, Магистратъ городскій и два Приходства (греч. и рим. кат).

Евреи имѣютъ здѣсь своего рабина.

Изъ заведеніи существуетъ въ Добромили Школа тривіяльная, съ 2 учителями и почти 250 учениками.

Пространство самого города Добромиля есть малое, заледва 414 морговъ занимающее. За то окружаютъ его село ***Гучко*** и колонія нѣм. ***Енгелсбрунъ*** отъ всѣхъ сторонъ. Говорятъ, что Гучко древнѣйшее поселеніе отъ Добромиля, и что такъ онъ якъ и Енгелсбрунъ на грунтахъ Гучка основаны.

Соловарня была на Гучку въ направленіи къ монастырю, тамъ, гдѣ теперь зданія камерального управителя, лѣсного и др., а даже и нынѣшняя, предъ 50 годами перенесенная, соловарня близъ Ляцка лежитъ на грунтахъ Гучка, хотяй зовется „Ляцкою Жупою“ для розличія отъ давнѣйшей. На Гучку находятся уряды правительственныи. Здѣсь были также 2 церкви, такъ якъ въ Добромили; теперь нѣтъ ни одной.

Нѣмецкая колонія Енгелсбрунъ датуется отъ императора Іосифа, и дѣлится на Оберъ- и Унтеръ-Енгелсбрунъ.

Остается для насъ вопросъ о давнѣйшихъ отношеніяхъ Добромиля и Гучка. — Съ мнѣніемъ, будьто бы Добромиль возникъ „яко городъ“ на счетъ первоначального селенія Гучка, трудно согласитися; Добромиль бо существовалъ уже яко село прежде, и яко такое съ тѣмъ самымъ именемъ вошло въ рядъ городовъ. Гучко могло прежде побочь Добромиля

быти особымъ селеніемъ, а доперва въ послѣдствіи статись предмѣстьемъ Добромиля, яко города, и уважатись за одно и тоже. Въ актахъ монастырскихъ давнѣйшихъ не упоминается на жадномъ мѣстѣ Гучко, а всегда находимъ Добромиль. Дня 7 Мая 1613 издаетъ І. Феликсъ Гербултъ (якъ то онъ на грамотахъ подписовался) грамоту, всилу которой продаетъ онъ городское приходство (miejskie popowstwo) о. Тимоѳею, намѣстнику Добромильскому, за 420 злп. — Года 1685 былъ пресвитеромъ предмѣстья Добром. о. Семіонъ Коростеньскій — о Гучку слѣдовъ нѣтъ. Может быти, акта городскіи изъяснили бы сей вопросъ и рѣшили остаточно. Закѣмъ случится способность къ осмотру грамотъ города Добромиля, очень вѣроятнымъ будетъ такое предположеніе.

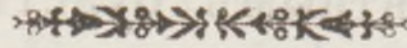
Фактомъ есть, что въ началѣ занятія Руси Галицкой черезъ Австрію, когда еще отношенія края были въ крайномъ замѣшательствѣ, многіи мѣсточка и большіи городы потеряли черезъ жадность нѣкоторыхъ владѣлцовъ много изъ своихъ привилегій; мѣщанъ меншихъ мѣсточокъ обращено въ селянъ, якоже и предмѣстья большихъ городовъ ставались особыми сельскими громадами, а то по причинѣ панщизны и поборовъ.

Такая судьба могла достигнути и предмѣстья Добромильскіи, которыи нынѣ составляютъ село Гучко и Енгелсбрунъ, окружающіи городъ со всѣхъ сторонъ.[25])

---

[25]) О такихъ оскорбленіяхъ и притѣсненіяхъ гражданъ упоминаетъ также Садокъ Барончъ въ своемъ сочиненіи: „Pamiątki Jazłowieckie“ подъ гг. 1782, 1785, 1789, 1793. Когда въ послѣднемъ году вторично отказано мѣщанамъ Язловецкимъ ихъ требованіе относительно заведенія городского магистрата, усилилось гоненіе ихъ съ стороны доминіи въ большей мѣрѣ. Економъ Язловецкій, именемъ Жуковскій, приказалъ тогда розобрати каменныи стѣны дома „золотого“ при улицѣ армянской и употребилъ матеріялъ къ постройцѣ пивоварни. Мѣщане опирались противъ той самоволи на основаніи своихъ грамотъ; тогда сказалъ имъ економъ: „Wy sobie przywilejami okna pozalepiajcie!“ и дабы въ будущее время не было чѣмъ заставлятися, велѣлъ онъ забрати насильственно всѣ акта мѣщанамъ, и самъ оныи уничтожилъ. Совершивши то злобное дѣло, сталъ отнимати городскіи земли. Вслѣдствіе того поднесъ городъ

спорное дѣло уже 15 Мая 1794, и избралъ своими полномочниками въ томъ дѣлѣ двухъ гражданъ, которымъ отдано городскую печать. Но ц. к. окружное Правленіе приказало (1798 г.) отобрати отъ нихъ печать и сложити въ доминіи, съ угрозами наказанія мѣщанъ, скоро бы они свои тщетныи жалобы продолжати намѣряли. — При конскрипціи 1793 г. желано мѣщанъ въ селянъ обратити. — Примѣтити еще нужно, что городъ Язловецъ потерялъ важнѣйщіи свои грамоты еще 1782 г., которыи высланы вслѣдствіе указа губернского къ потвержденію, загинули (?) въ дорозѣ. Г. 1785 наложилъ помѣщикъ на городъ поборы „очкового“ и „шнурового,“ что было доселѣ здѣсь неизвѣстно.

Львовская лѣтопись.

ВВЕДЕНІЕ.

Львовская Лѣтопись была въ первый разъ въ отрывкахъ и весьма ошибочно напечатана латинскими буквами подъ названіемъ Русской кроники (Kroniki ruskiej od roku 1498 do roku 1649), въ польскомъ науковомъ журналѣ издаваемомъ въ Краковѣ подъ заглавіемъ: Kwartalnik naukowy, Kraków. 1835. Том II стр. 86 1836 III стр. 315 до 319, помѣщена тамъ же Казим. Влад. Войцицкимъ. Послѣднюю часть ея подалъ въ сокращенномъ польскомъ переводѣ, въ томъ же журналѣ, В. А. Мацѣевскій въ статьи: Ułamki historyczne I. O Kozakach, стр. 283—320. Порядочный списокъ лѣтописи Львовской изъ подлинника, находящогося въ архивѣ Львовского Ставропигіального Заведенія, доставленный Д. Зубрицкимъ М. Погодину, былъ напечатанъ въ Русскомъ Историческомъ Сборницѣ 1838 года кн. 3. Но, понеже изданіе упомянутого Сборника едва въ одномъ ексемплярѣ въ Львовѣ находится, вознамѣрилъ я Львовскій Лѣтописецъ, дла важности историческогo содержанія его, такъ по первому изданію того же, якъ и по новѣйшему, хотя не совсѣмъ исправному списку, находящемся въ посѣданіи Госп. А. Головацкого, исправляя и дополняя тотъ же примѣчаніями моими, вторично печатью обнародовити.[1])

[1]) Подлинникъ лѣтописи, находящійся нѣкогда въ библіотецѣ Львовского Ставропигіального заведенія, утраченъ для недостатка досмотра надъ подобного рода памятниками.

О сочинители сего лѣтописца ничего мнѣ не вѣдомо, кромѣ краткихъ извѣстій, которыя онъ самъ о себѣ подъ годомъ 1621 подаетъ говоря: что въ томъ году онъ начался учити въ Межибожѣ (на Подоліи), у дьяка Дмитра Щирецкого, и что тогоже года отецъ его скончался, и онъ самъ болѣзновалъ горячкою, которою, возвратившись въ родительскій домъ, заразилъ всѣхъ своихъ домашныхъ.

Судя по весьма опольщенномъ языцѣ нашой лѣтописи, кажется, что сочинитель ея былъ мѣщаниномъ, или перебывалъ на дворахъ польскихъ вельможъ, ибо подробно повѣствуетъ о проказахъ и похожденіяхъ тихъ же. Впрочемъ проживалъ онъ также во Львовѣ, понеже расказуетъ о разныхъ событіяхъ здѣсь совершившихся. Наконецъ, въ 1630 году, находился сочинитель сего лѣтописца въ славномъ Межигорскомъ монастырѣ близъ Кіева, повѣствуя объ осадѣ его Поляками.

Изъ словъ лѣтописца въ томъ же году приведенныхъ: „При пану Гетману (Тарасѣ) Отцовъ было отъ нашихъ пять,“ казалосьбы, что онъ былъ монахомъ, или покрайней мѣрѣ пренадлежалъ къ церковному причту.

Въ интересѣ исторической науки, не можемъ, на мѣстѣ томъ для нашихъ достопочтенныхъ читателей, не сдѣлати короткій перечень южно-русскихъ лѣтописей, съ XVII и XVIII вѣка, куда относится издаваема нами Львовская лѣтопись, едва не начинающая цѣлый рядъ послѣдующихъ лѣтописей XVII столѣтія, ибо такъ званная Козацкая Кроника, писана въ Переяславѣ 1636 года, изъ которой уцѣлили отрывки въ лѣтописи Величковой, не дошла въ своей цѣлости до нашихъ временъ. Такимъ образомъ, пока не откроются древнѣйшія полныя лѣтописи, будетъ между уцѣлѣвшими южнорусскими лѣтописями

1. Львовская лѣтопись, начинающаяся съ 1498 года, но, кажется, не полная прерывающаяся на 1649 году.

2. Самоила Васильевича Вилички Лѣтопись о событіяхъ въ западной Руси въ XVII вѣцѣ. Составлена

въ селѣ Жукахъ Полтавского уѣзда, неоцѣнимая по множеству официальныхъ документовъ, писемъ Хмелницкого и другихъ лицъ, вообще по обширности изложенія и рѣдкому безпристрастью. Жаль только, что утрачено въ ней описаніе важныхъ въ исторіи Южной Руси годовъ 1649, 1650 и 1651. Издана временною Коммисіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ 1848—1851 года, 2 Томы.

3. Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкого и междоусобіяхъ, бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти, доведена продолжателями до 1734 года. Издана импер. обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ, редак. О. Бодянскимъ. Москва. 1846 г. Тая лѣтопись находится также въ переводѣ на великорусскомъ языцѣ.[2])

4. Григорія Грабянки Гадячского полковника Лѣтопись съ древнѣйшихъ временъ до 1709 года т. е. до избранія Гетмана Скоропадского, писана въ Гадячѣ. Издана Кіевскою времен. Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1854. Тая лѣтопись занимаетъ середину между лѣтописью Величка и Самовидца и служитъ дополненіемъ той и другой при изложеніи епохи Хмелницкого. Она служила источникомъ для Исторіи Руссовъ Конисского, и для сочиненія Ригильмана Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Дѣльное извѣстіе о сей лѣтописи Грабянки подалъ М. Максимовичъ въ Москвитянинѣ 1855 года.

5. Черниговскій краткій Лѣтописецъ, напечатанъ Н. Бѣлозерскимъ въ Южныхъ лѣтописяхъ Кіевъ 1856. Томъ I. Первая часть его съ 1587—1692 писана на правой странѣ Днѣпра, вторая отъ 1693—1750 года въ Черниговѣ. Той лѣтописецъ, похожъ формою свою на Львовскій, содер-

---

[2]) Въ печат изданіи по списку доставленному О. Бодянскому П. Кулѣшомъ находится много буквальныхъ ошибокъ. Такъ на пр. подъ 1649 г. гдѣ говорится о похожденіяхъ Козаковъ въ нашихъ прикарпатскихъ странахъ... (козаки) и по за Днѣстромъ коло Галича замковъ доставали, межи иными и Плевского (вм. Пневского — Пнёвье) замку за Надворкою (Надворною) доставали.“ Замокъ въ селѣ Пнёвѣ стоитъ до сихъ поръ въ розвалинахъ.

житъ въ себѣ не мало новыхъ важныхъ подробностей, но притомъ имѣетъ много анахронизмовъ и ошибокъ не исправленныхъ издателемъ ея.[3])

6. Леонтія Боболинского инока монастыря Выдубицкогокіевского Кроника или Лѣтопись, сочинена 1699 года мѣсяца Апрѣля 23. По формѣ своей есть то компиляція свѣдѣній о произшествіяхъ церковной и гражданской исторіи отъ сотворенія міра до начала XVII вѣка, составлена изъ библіи, изъ латинскихъ, греческихъ и польскихъ историковъ, изъ Литовскихъ хроникъ, изъ лѣтописи Нестора, Чети-Миней и т. д. Важнѣйшіе отрывки изъ нея напечатаны при концѣ Лѣтописи Григорія Грабянки стр. 273—327 заключаютъ въ себѣ новыя свѣдѣнія для исторіи югозападной Руси, такъ напримѣръ: О Ивонѣ Господару Волоскомъ. — Повѣсть о Подковѣ господару Волоскомъ. — О первомъ и второмъ Бисурманскомъ приходѣ подъ Чигиринъ, о преславной побѣдѣ надъ Турками и Татарами и проч. — Листъ до ксіонженця Іереміи Корыбута Вишневецкого того часу писаный, якъ изъ Русина Ляхомъ зосталъ въ року 1634 г.[4])

---

[3]) Къ такимъ любопытнымъ подробностьямъ принадлежитъ на примѣръ описаніе послѣднихъ минутъ жизни Гетмана Выговского. „Татаре, да Чернецкій и Маховскій Ивана Выговского казали розстреляти; а онъ на той часъ, въ избѣ поклякнувши, читалъ акаѳистъ Пресвятой Богородицы. Поховапъ у Великомъ Скитѣ (близъ села Манявы Станиславовского округа) и съ женою своею, Стеткевичовною, которой когды сказано, же пана забито, пала и умерла, зоставивши сына своего, еще не великого.“ стр. 29. Слѣдовательно И. Выговскій не былъ погребанъ въ обители Чигиринской, якъ думаетъ М. Максимовичъ, ани въ Рудѣ, Стрыйского округа, въ его имѣніи, якъ пишетъ Еиёловскій въ своихъ памятникахъ.

[4]) Такого же рода компиляціею есть также Кройника (съ 1842—1597), списана іеромонахомъ Михаиломъ Павловичемъ Лосицкимъ, подъ названіемъ Густинской Лѣтописи, помѣщена въ прибавленіяхъ къ Ипатіевской Лѣтописи, напечатаной въ II томѣ Полн. Собр. Русс. лѣтописей СП. 1843 стр. 231—373. Рукопись кроники М. П. Лосицкого имѣетъ на листѣ 179. Лѣтописецъ о первомъ началѣ и созданіи монастыря Густинского, который есть такъ сказавши, послѣдній живый отголосокъ па русскомъ югѣ древлемонашеского Несторовского лѣтописанія, къ которому, по своему духовному намазанію подходитъ въ началѣ XVII вѣка составленное іеромонахомъ Игнатіемъ изъ Любарова: „Житіе и жизнь преподоб. отца нашего Іова, и о скончаніи его, и о съставленіи Святыя обители Скитскыя, въ кратцѣ списано,“ открыто мною и напечатано въ Галицкой Зорѣ яко Албумъ 1860 г. стр. 225-251.

Надо еще здѣсь упомянути о хронологическихъ спискахъ Гетмановъ, напечатанныхъ О. Бѣлозерскимъ вмѣстѣ съ Черниговскою Лѣтописью, подъ заглавіями:

1. Лѣтоизобразительное описаніе т. е. коротенькая лѣтопись о событіяхъ съ 1506 по 1783 годъ, наипаче, кто именно когда былъ Козацкимъ Гетманомъ."

2. Хронологія Гетмановъ, составлена въ половинѣ прошлого столѣтія, монахомъ Гадяцкого монастыря (по догадцѣ М. Максимовича Русск. Бесѣда 1857 III крит. стр. 53). Имѣетъ дѣльныя и для историка новыя замѣтки о Гетманахъ, заимствованныя изъ старинныхъ монастырскихъ памятниковъ.

3. Имянная Перепись Гетмановъ, принадлежащая къ знаменитому сочиненію Аѳанасія Шафонского о Черниговскомъ намѣстничествѣ, не вошедшая въ печатанное его изданіе 1851 года.

Быти можетъ, что со временемъ открыются еще новы сюда относящіися письменныи памятники составлены на русскомъ языцѣ, которыи до сихъ поръ скрываются въ нашихъ монастырскихъ архивахъ и библіотекахъ частныхъ лицъ. Ко причинамъ такъ скуднаго исторического матеріала, изъ послѣднихъ двухъ столѣтій, сберегшагося на отечественномъ языцѣ, надо отнести и тое обстоятельство, что, съ опольщеніемъ просвѣщенного сословія на южнозадной Руси, русскіи люди стали составляти свои записки о современныхъ событіяхъ на польскомъ языцѣ, якъ на примѣръ Іоакимъ Ерличъ свой Лѣтописецъ съ 1620 по 1673 годъ, писанный по большой части въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, хотя начало къ подобнаго рода фамилійнымъ и историческимъ запискамъ (памятникамъ) положилъ Ѳеодоръ Евлашевичъ Новгородскій подсудокъ своимъ на западнорусскомъ языцѣ составленнымъ родовымъ памятникомъ съ 1546 по 1602 годъ.[5])

---

[5]) Лѣтописецъ І. Ерлича издалъ К. В. Войцицкій въ Варшавѣ 1853 въ двухъ томахъ, по не совсѣмъ исправномъ списку сберегшемся между рукописями поль

На сей разъ, чтобы покрайней мѣрѣ заступитити недостатокъ полнѣйшихъ лѣтописей, начиная съ XV вѣка, обративши уже давнѣйше вниманіе нашихъ любителей отечественной исторіи на важность историческихъ записокъ, находящихся по полямъ нашихъ старинныхъ рукописей и старопечатанныхъ книгъ,[6]) и чтобы доказати такимъ способомъ большую пользу и значеніе для исторіи подобного собранія записокъ, сдѣланныхъ нашими предками, постановилъ я, яко дополненіе нашей Львовской лѣтописи, со временнымъ печатью обнародовити такое собраніе записокъ подъ заглавіемъ: Галицкорусской сводной лѣтописи, яко первую значительную часть моего труда въ томъ предметѣ, для поученія и подражанія, и тѣмъ же для дальшего разшоренія и дополненія, новыми записками изъ всѣхъ странъ нашей области, сей въ своемъ родѣ новой Галицкорусской сводной лѣтописи. Наконецъ, сообщу печатью, составленную мною тогоже рода Русско-Ромынскую Лѣтопись, свидѣтельствующую о давной тѣснѣйшой гражданской и церковной связи галицкорусского народа съ Молдаворомыніею и владѣтелями ея.

Львовъ въ навечеріе Св. Апостола Андрея Первозваннаго 1867.

А. С. Петрушевичъ.

ского историка Альбетранди, подъ заглавіемъ: Latopisiec albo Kroniczka różnych spraw i dziejów dawnych i terazniejszych czasów, z wieku i życia mego na tym padole swiata, ile pamięć moja mogła znosić i wiedzieć, o czem z czytania jako i zwidzenia na pismie po sobie wkrótce i na potomne czasy potomkom moim zostawuję. ... Фамилійнія записки подъ заглавіемъ: Pamiętnik Teodora Jewłaszewskiego Nowogrodzkiego podsędka 1546 - 1604, издалъ въ Варшевѣ 1860 года князь Т. Любомирскій, которыхъ переводомъ изъ русского подлинника занимался Евгеній Цѣмьевскій. Собственноручная рукопись Ѳ. Евлашевского сохраняется въ библіотецѣ Графа Потоцкого въ Вилановѣ, и удостоятся совсѣхъ мѣръ изданная быти съ большою точностью на западнорусскомъ языцѣ подлинника, которого новомодный польскій переводъ лишилъ его древняго изложенія — колорита.

[6]) См. Науковый Сборн. 1866. I, стр. 1—7. Разсужденіе о важности историческихъ Записокъ и надписей, яко источницѣ для пашей исторіи. А. С. П

Исписаніе лѣтомъ отъ Рождества Христова 1498 и по немъ идущыхъ.

1498. Татаре проводныи (т. е. нашедшіе на Русь въ проводную недѣлю, которая въ томъ году приключилась 22 Апрѣля.[7])

1500. Татаре Ярославъ спалили, и Турцы Рогатинъ завоевали.[8])

1501. Тожь.

1518. Битва (у) Сокаля была.[9])

1524. Татаре были на Подолю, и Чурилова замку доставали.[10])

1525. Турцы Рогатынъ доставали.[11])

1542. Саранча о Матцѣ Божой.

1548. Ярославъ погорѣлъ.

1549. Арсеній владика умеръ Львовскій.

1555. Угорская королицъя ѣхала исъ сыномъ.[12])

---

7) Въ томъ году Волохи съ Турками и Татарами вторгнули на Русь и увели съ собою до 100,000 плѣнниковъ. Числа въ подлинницѣ означены церковными буквами.

8) Татаре Крымскіи тогда дошли подъ городъ Люблинъ, потомъ впали на Литву.

9) М. Бѣльскій въ своей кроницѣ упоминаетъ о томъ нанаденіи Татаръ подъ 1518 и 1519 годами.

10) Городъ Чуриловъ, потомъ Джуринъ названъ, лежитъ при устьи Волчицѣ въ Морахву, основанъ въ XV вѣцѣ славнымъ родомъ Чуриловъ.

11) Около сего времени увели съ собою Татары извѣстную подъ именемъ Роксоланы дочеръ русского священника, якъ говоритъ народное преданіе, бывшою потомъ женою Султана Солимана I.

12) Д. Зубрицкій крон. города Львова стр. 177 пишетъ, что въ 1556 году въ суботу предъ недѣлею Reminiscere (28 Февраля) пріѣхала въ Львовъ Исабелля угорская королева, дочерь усопшого, а сестра господствующого короля съ сыномъ своимъ Іоанномъ Сигисмундомъ, и перебывала нѣсколько мѣсяцей во Львовѣ.

1556. Ляхове до Инфлянтъ ишли на войну.[13])

1558. (Въ) Зимѣ Татаре были на Подолю.

1560. Моръ былъ въ Ярославли.

1562. Замокъ будовано Ярославскій и Домшу Господара Волоского стято.[14])

1567. Татаре были на Подолю.

1568. Снѣгъ упалъ по Воскресеніи.

1570. Морозъ поморозилъ жито, Мая (въ) подполню.

1573. Король Августъ (Сигисмундъ) умеръ.

1574. Французъ (Генрихъ) король утѣкъ (18 Іюля). Іона господаръ Волоскій битву точилъ съ Цесаромъ Турецкимъ.

1575. Татаре о Покровѣ были.[15])

1576. Стефанъ Баторый король насталъ.

1578. Баторій (Стефанъ) былъ во Львовѣ и поѣхалъ на ловы; а казалъ козака (Ивана) Подкову стяти, бо посолъ Турецкій скаржилъ на него, що Татаровъ былъ, якъ и до Польщи не допущалъ.[16])

Тогожъ року земля трясласе.

1582 Ляхове одмѣнили календарь.

1586. Стефанъ король умеръ.

1587. Жыкгмонтъ III король насталъ.

Тогожь року церковь Святой Пречистой (Успен. Пресв. Богородицы въ Львовѣ) закладано.

1588. Татаре Спаскіи (т. е. около праздника Преобрженія Господня напавшіи на Русь). Подъ Краковомъ бытва была (т. е. разбитіе Максиміліана архикнязя ракузского гетманомъ Замойскимъ подъ Бычиною).

---

[13]) Была такъ званное pospolite ruszenie (народное ополченіе) противо Вильгелма Фирстенберга великого магистра мечныхъ иви Инфлянтскихъ кавалеровъ.

[14]) Господарь Стефанъ Томша былъ мечемъ стятъ 5 Мая 1564 года въ Львовѣ. Д. Зубрицкій крон. Львов. стр. 187.

[15]) Опустошили Русь даже за городъ Решовъ, тогда разорили и предмѣстья Львова въ суботу по Св. Михаилѣ. Д. Зубр крон. Львова.

[16]) О томъ произшествіи пишетъ подробно Д. Зубр. кроника Львова стр. 202.

1590. Татаре Галичь спалили.

1591. Дорожня была: жито было по золотыхъ 9 колода.

1592. Унія настала такимъ способомъ, ижъ Потей владика Володомерскій, и Кирилъ Терлецкій, владика Луцкій, именемъ владики Львовского, такъ же и Пѣньского, и Митрополита Кіевского Рогозы, ѣхавши до Папѣжа, поклонилися ему, и повѣли: же мы суть присланы на тое, абыхмо Унію приняли отъ вшиткихъ съ посполитой шляхты, и отъ священниковъ, и отъ людей. Онъ тому радъ бивши барзо, одослалъ ихъ до короля, абы имъ привилей надалъ, и далъ имъ, що и до сего часу мучатъ Христіянъ, якъ слуги и предтечи Антихристовы. О томъ всѣмъ вышей шероце Перестрога листъ 49 и прочіи.[17])

1594. Татаре вышли были и Галичь спалили, шкоды много учинили.

1595. Моръ былъ великій въ Перемышли и Волв...[18])

1596. Въ пятокъ свѣтлый земля ся трясла.

Наливайко до Венкгеръ (Угоръ) ходилъ.

1597. Наливайка згублено.[19])

1598. На дахахъ, по домахъ щось писало, и падало на землю, що и люде слыхали, якъ о землю чимъ ударивъ, а потому скотъ здыхалъ барзо.

Тогожъ року первой недѣлѣ поста (26 Февр.) гримѣло и блискало.

---

17) „Перестрога зѣло потребная на потомные часы православнымъ Христіаномъ, святые каѳолическіе восточные церкве сыномъ..." Тое историко-полемическое изслѣдованіе о началѣ и распространеніи Уніи въ Литвѣ и Западной Руси, и о дѣйствіяхъ ея поборниковъ, сочиненное нѣкоторымъ Львовскимъ священникомъ (1600—1605). бывшимъ на Берестскомъ соборѣ въ предостереженіе неунитамъ, чтется напечатано въ Акт. относящ. къ исторіи Запад. Россіи IV. Nr. 149 стр. 203—236, доставленное въ археограф. Коммисію корресп. Д. Зубрицкимъ въ спискѣ съ подлинника, хранящагося въ Львовской Ставроп. библіотецѣ подъ Nr. 406. на стр. 99 до 131 рукописи.

18) Въ списцѣ Я. Головацкого: и околѣ.

19) Павло Наливайко козацкій Гетманъ былъ сожженъ въ Варшавѣ, гдѣ улица, за огородомъ Красинскихъ, яко мѣсто казненія его, была названа Налевайки, нынѣ исковеркана въ названіе Nalewki.

1599. Моръ былъ великій во Львовѣ, що мовили и птахъ, якъ летѣлъ презъ мѣсто, впалъ и здохъ.

1600. Мигаля быто (sic) Ляхове.[20]

1602. Радимна выгорѣла вшитка.[21])

1604. Царъ до Москови ишолъ.[22])

1605. Стадницкій Лѣскій старосту Перемыского забилъ.[23])

Тогожъ року царъ Московскій ся явилъ, и ве Львовѣ былъ. Мнишко, воевода рускій, дочку за него давъ, и до Москвы его проводилъ на паньство, и осадилъ его былъ; еднакже Ляхи хотѣли верхъ мати надъ Москвою, и почали ихъ зневажати. Москва видѣвши що зле, измѣнила — Царя убили и людей много, а другихъ въ неволю побрано, и Мнишко сидѣлъ. И съ того ся война почала въ Москвѣ, и точилася много лѣтъ. Потымъ чрезъ присягу поддалась была столица Гетманови Жолкувскому. Потомъ знову облегла ихъ была Москва, и такъ ихъ трапили, же не мали що ѣсти анѣ пити; же до того пришло было, же не только псовъ, або котовъ, або щуровъ, але и людей ѣли, спячихъ рѣзали, а мочь свою пили.

1606. Рокошъ[24]) великій подъ Вислицею былъ противъ королеви, а король поймалъ былъ Гербурта и иншихъ.

---

20) О фамиліи Мигаловъ упоминается въ семъ Лѣтописи подъ 1642 годомъ.

21) Въ Московскомъ изданіи ошибочно: Радимка.

22) Димитръ Самозванецъ, покровительствуемый Юріемъ Мнишкомъ старостою Львовскимъ, жертвовавшій Ставропигійскому братству 1608 года 950 золот. польск. на построеніе церкви.

23) Идетъ рѣчь о Станиславѣ Стадницкомъ убившимъ Ѳому Дрогоевского Перемыского старосту — Д. Зубрицкій Крон. Львова стр. 233.

24) Слово rokosz исковеркано Поляками изъ старорусского рагоза, возмущеніе, раздоръ. Псковск. Лѣт. I. 194 „бысть рагоза Новгородцемъ съ Псковичи (немирье). Словацкое ракошъ, шумъ; слѣдовательно отъ корня рагати или ракати, шумѣти, кричати, отсюда прилалат. рагозенъ. Слово rokosz равносильно значеніемъ съ словомъ zgiełk tumultus, тоже что голка (чеш. hluk) „бысть мятежь и голка Новгородѣ.“ Поляки безъ основного знанія русского языка не розберутъ значенія многихъ своихъ словъ исковерканыхъ выговоромъ и плохимъ правописаніемъ латинскою азбукою.

1607. Гербуртъ изъ Стадницкимъ войну точили, и поймалъ былъ Стадницкого, и зводилися были въ Жолквѣ. А Стадницкiи ся были зобрали съ великимъ людомъ. Было ихъ 5 Стаднѣцкихъ и людей больше тысячи 7, а Гербуртъ до Львова былъ зѣхалъ, а Стаднѣцкiй за нимъ, и стали обозомъ подъ святымъ Юромъ. Шкоду чинили по передмѣстю великую,[25] а потомъ коли отѣжджали казали дѣло нарихтовати въ ратушъ, и разъ минувъ, и другiй разъ трафилъ, и поѣхалъ.[26]

Тогожь року Балабанъ владика Лвовскiй умеръ.

1608. Знову Опалиньскiй изъ Стадницкимъ о пса войну точилъ, и людей много погубили. На остатокъ Стадницкому козакъ шаблею[27] голову втялъ Ланцуцкому.

1611. Въ Мостискахъ[28] поставлено церковъ, которой тамъ нѣкгди не было; бо не вольно было.

1612. У Волосѣхъ побито польское войско съ (Стефаномъ) Потоцкимъ, бо безъ воли Королевской поѣхалъ.

Тогожь року шаранча великая вышла была до Польски.

1615. Конфедерацыя была Москевская. Во Львовѣ ся скарбами дѣлили и конфедерацiю палили, и сами ся въ нѣвощо пообертали.[29]

1616. Купилися знову Конфедерати, а король роскалъ ихъ зносити (уничтожати), теды (тогда) где заскочено,

---

25) Въ Московскомъ изданiи чтется непонятное слово: вешкую, быть можетъ вм. велькую.

26) Зубрицкого кроника Львова подъ 1606 г.

27) Въ спискѣ А. Головацкого вм. шаблею чтется: Шевлюга. Шевлюга, шевелюга бранное слово, неудалый, непроворный человѣкъ, Арханг. губернiи. Въ польскомъ языцѣ szewluch въ переносномъ смыслѣ плохая лошадь. Schindmähre. О разбояхъ Станислава Стаднѣцкого изъ Змигорода, пана на Ланцутѣ, старосты Зыгвултского названнаго Diabłem съ Опалинскимъ см. Fr. Siarczyński. obraz wieku Zygmunta III. Tom. II 222.

28) Нынѣ повѣтовый городъ въ Перемыской епархiи. Есть и село тогоже названiя подъ городомъ Калушомъ.

29) Упомянутое событiе подробно описуетъ Кармелита Ходинецкiй въ исторiи города Львова стр. 112., Зиморовичъ и Д. Зубрицкiй стр. 247.

то имано и гублено. И во Львовѣ единого дня подъ ратушомъ 19 порану стято, а ку вечеру въ замку 6 также стято; а старшину 4 панувъ въ поле выпровадили; Карвацкого и Конского (Kętski) на паль убито, а Сцѣбора и Сурма чвертовано. Такую имъ нагороду дано.[30])

Того року на Знесѣню (близъ Львова) невѣста уродила дѣтей двое, которые ся зросли были, митусь,[31]) и пупокъ былъ едынъ, едино было живое, а другое умерлое, и тое зась умерло.

1617. Каменецъ Подольскій погорѣлъ.

1618. Татаре о Вознесеніи (14 Мая).

1619. Канцлѣра (Станислава) Жолковского у Волосѣхъ забито, и Корецкого взято, бо безъ Козаковъ войну точилъ, мовилъ такъ: „Не хочу я зъ Грицями воевати, нехай идутъ до ролѣ, або свинѣ пасти.“ Въ той часъ тутъ трвога наступила. Татаровъ великое множество розсѣялося было. Не было такого человѣка, що бы ся не трвожилъ; наветъ (даже) самъ король у Варшавѣ, у великой трвозѣ былъ. А тое ся дѣяло о святой Покровѣ.[32])

Въ той же часъ въ день субботный, земляся трясла о годинѣ 20, же изъ оконъ шибы выпадали, шкляницѣ изъ столувъ спадали, и люде въ страху были великомъ.[33])

1620 (1621). Королевичъ Владиславъ былъ ве Львовѣ,[34]) коли до Волохъ ѣхалъ, бо чекалъ (ждалъ) на Сагайдачного гет-

---

30) См. Д. Зубрицкого Kronika miasta Lwowa подъ 1616 годомъ. стр. 247. Въ Москов. издании ошибочно: Сума.

31) Противно головами и ногами срослены. Поселеніе Знесеніе, названо такъ, отъ тамъ же находящейся церкви Вознесенія Христова, а не отъ Zniesienia (разгрома) Tatarów, якъ думаетъ госп. Шайноra.

32) Гетманъ Станиславъ Жолковскій убитъ подъ Цецорою 7 Октября 1620 года. Въ Черниговской Лѣтописи чтется: А самому Жовковскому гетманови мужикъ сокирою голову оттялъ надъ Днѣстромъ противъ Могилева Подольского. Н. Бѣлозерского Южнорусс. Лѣт. Кіевъ 1866 стр. 13.

33) Описаное землетрясеніе послѣдовало около праздника Покрова Пресв. Богородицы Крон. Ставроп. стр. 109.

34) Пріѣхалъ во Львовъ 21 Іюля 1621 крон. Ставроп.

мана Козацкого. Бо колы былъ у Варшавѣ у Короля, и Король ему мовилъ: „Ото я на твою опеку посилаю сына моего." И коли выежджакъ зе Львова съ камяницѣ арцибискупѣй, Сагайдачный у воротъ стоялъ, и поклонился ему, а онъ руку ему положилъ на головѣ, и мовилъ такъ: „взявши на помочь Господа Бога, ото я зъ вами смѣле иду противко непріятелемъ нашимъ. И такъ за помочею Божіею, а за стараніемъ козацкимъ, сталося; де (где) видячи стараня ихъ, самъ (король) признал имъ рыцерство, и отрымали звитязство великое. Въ той часъ Сагайдачный спосредку Турковъ беручи по едному водилъ до своего обозу. Тамъ его пострѣлено и умеръ, а въ Кіевѣ лежитъ тѣло его.[35])

Тогожъ року посполитое рушенье было. Стоялъ обозъ подъ Львовомъ, и король самъ былъ во Львовѣ. Тогожъ року по отъѣздѣ королевскомъ дорожня ся почала. Грошѣ вь гору пошли, що разъ выше. Таляры были по золотыхъ 4; а червоный по золотыхъ 6; а жита колода по золотыхъ 24.

1621. Турчинъ подъ Хотѣнимъ былъ.

Тогожъ року ямъ ся учити почалъ, въ Межибожу, у дяка Дмитра Щирецкого. Тогожь року отецъ мой умеръ; я зъ школы занѣсъ въ домъ хоробу горячку, и всѣ хорѣли въ дому. Приморки были всюда и дорожня.

1622. Дорожня — жита колода по золотыхъ 24.

1623. Моръ былъ во Львовѣ великій; почался по Св. Петрѣ, а по Матцѣ Божой, бо было Св. Пречистой въ Пятницю. А въ недѣлю въ ночи выгорѣло предмѣстя Краковское вшитко, и церквей сгорѣло 3. Св. Ѳеодора, Св. Онуфрея, и Св. Отца Николы. Костеловъ 3: Св. Яна, Панны Маріи, и Всѣхъ Святыхъ. Ормянскихъ три: Монастырь, Св. Якуба, и Св. Крижа, и Жидовская божница една. Шкода незличоная была вшиткимъ.

---

[35]) Сагайдачный т. е. Гетманъ Петръ Конашевичъ такъ прозванный скончался 1622 г. Апрѣля 10.

1625. Ярославъ погорѣлъ вшистокъ, у ярмарокъ. Шкода незличоная! и людей много погорѣло.[36])

1626. Гетманъ Конецпольскій ходилъ за Козаками ажъ до Медвежихъ Лозъ, и Гетмана далъ имъ Дорошенька. (Дорошенько) завѣлъ (обманулъ) былъ Ляховъ хорошенько, ане не хотѣлъ бити, мусѣли бо ся были просити.[37]) Шведъ воевалъ.

1630. Гетманъ Конецпольскій ходилъ за Днѣпръ Козаковъ зносити. Людей много стратилъ и самъ ледве ся вынѣсъ; але предця гарматы имъ зоставилъ и позналъ, що (то суть) Козаки! И якъ ся ему поводило есть выписано такимъ способомъ: „Жолнѣре до Кіева пріѣхали съ тимъ интентомъ, абы впродъ Козаковъ, а затымъ въ вшиткой Украинѣ Русь выстинали, ажъ до Москвы. А отколь бы то вѣдомо?.. Сами подчасъ вызнавали[38]) подъ добрую мысль; другіи засъ Русь жолнѣре отцу митрополиту въ милости о томъ повѣдали. То едини (жолнѣре) въ Кіевѣ, а другіи всюды, по за Днѣпромъ, где нѣгды нѣхто неспамятаетъ, абы туда стояти мѣли. И такъ зброднѣ и кривды незносныи чинили, людей безъ даня причины забиваючи. Предъ Воскресеніемъ, отця митрополитового, челядника Петра на штуки розсѣкли, и трохъ подданыхъ. Козаки, вышовши зъ Запорожа, и того Гриська[39]) Гетмана, же зле пѣнязѣ, рекомо, подѣлилъ, который на Унію былъ присяглъ, самъ ся призналъ, которого стято. Потымъ забравшися почалися купити зевсюдъ. Панъ Лащъ до Кіева шедши, Лисѣнку мѣстечко, на самый день великодній, вшитко выстиналъ; якъ мужовъ такъ и жонъ,

---

36) Огень загорѣлся въ мѣсяцу Августѣ въ самъ ярмарокъ, весь городъ сгорѣлъ съ товарами оцѣненными болѣе якъ на десять милліоновъ зол. польск.

37) Гетманомъ козацкимъ съ 1625 г. былъ Михайло Дорошенко, убитъ 1628 въ Крыму. Актъ о коммисіи на Медвѣжьихъ лозахъ, смотри въ приложеніяхъ къ истор. Малороссіи Маркевича и С. Соловьева Истор. Россіи Т. X. стр. 97, 100, 104.

38) Въ изданіи Московск. выжигали.

39) Гришко или Григорій Савичъ Чорный избранъ гетманомъ 1629 года, убитъ 1630 г. Козаками.

такъ и дѣтей въ церкви будучихъ, и попа съ ними; по дорозѣ людей невинныхъ, былебы только Русинъ былъ, забивали. А Козаки видячи войско, вступили за Днѣпръ, и станули въ Переяславлю, завше громили (е)го на кѣлька мѣсцъ значне; а Лящъ, до Кіева притягнувши, рекомо, гонячи за Козаками, килька недѣль, очекиваючи люду и пана Гетмана Конецпольского. Потымже, не дочекавшися, шолъ до пана Потоцкого съ людомъ и зъ Козаками реистровыми, котрыхъ двѣ тысячи было, а 4000 до Тараса[40]) были пошли за Днѣпръ. Потымъ ажъ панъ Гетманъ прибылъ и зъ великимъ гнѣвомъ на Козаки и на вшитку Русь. Пріѣхавши, заразъ за Днѣпръ ялся перевозити, где наперъвей переправѣ, тутъ подъ Кіевомъ, Козаки капитана Нѣмецкого живцемъ поймали, и самого пана гетмана мало не поймали; але умкнулъ до Кіева, а оныхъ тылько зо сто коней шпиговъ было. А капитанъ, котрый былъ пойманый, на великой помочи былъ Козакамъ въ стрельбѣ (артилеріи). — Переправившися панъ Гетманъ обозомъ станулъ подъ Переяславлемъ, а Козаки въ мѣстѣ. — Бытва была великая въ самую суботу. Панъ Лящъ, людъ постерегши козацкій, котрый на чату ѣхалъ, 5 сотъ коней, повѣдаютъ, взявши жолнѣровъ, штурмъ до нихъ учинилъ, и, недоставши ихъ, далъ знати пану гетманови, а панъ гетманъ жолнѣра доброго взялъ съ собою 2000, ишолъ зъ Лящомъ. Тамъ же оныхъ Козаковъ на онымъ мѣсцу ненайшовши, другихъ натрафили, которые онымъ на помочъ ишли, повѣдаютъ, кгдижъ ихъ не много было тылько зо двѣстѣ коній, а Поляцы повѣдаютъ, же 500. Тамже ся Козаки заперши въ едной шопѣ, боронилися такъ, же жадного живцемъ не поймали, тылько едного сотника, и то южъ раненного. Въ тымъ ажъ изъ обозу Польского два гайдуки ся до Козаковъ передали, тыи повѣдали: же часъ маете, бо и Гетмана въ обозѣ не машъ. — Въ той часъ

---

[40]) Тарасъ, прозваніемъ Трясило, гетманъ козацкій съ 1630 г.

Козаки до обозу, а намѣстникомъ былъ гетманьскимъ панъ Потоцкій. Тамже били — сѣкли: до двохъ тысячей люду зъ обохъ сторонъ пало. Тамже едни били козаки, а другіи. дѣлъ що найбольшихъ три взяли, и гаковницъ двѣ, и въ свой обозъ впровадили. Въ тымже ся панъ гетманъ поспѣшилъ, тогды ся съ собою на шесть годинъ били, гкдыбы не дощь окрутне великій перешкодилъ, снать бы вшиткихъ и ноги не выпустили, ажъ гетманъ знакъ покою выставилъ, и перестали. Зъ той битвы значныхъ жолнѣровъ 30 до Кіева припроважено, полковниковъ, ротмистровъ, межи которыми нѣякій панъ Ганѣбаля, котрый былъ 30 лѣтъ ротмистромъ, и вшиткой коронѣ значный и заслужоный, по которымъ самъ панъ Гетманъ, якъ по отцю, плакалъ, бо его рады во вшиткимъ заживано; и другого пана Ганѣбаля повинного его поручника, пана Паковского, пана Карского, п. Красноставского. п. Красновойского, п. Красносѣльского. И тая то значнѣйшая битва. въ которой панъ Стефанъ сынъ старшій отца митрополита полѣгъ межи Козаками. Потымъ Козаковъ що день прибываетъ, повѣдано, же подъ сто тысячей ихъ было; взяли моцъ, особливе за тое, же Лащъ (Лисѣнку) мѣстечко тое высѣкъ, же жолнѣре Димеръ,[41]) маетность ксіонженця (княжати) Вишновецкого, высѣкли. (Поляковъ такъ были облегли зо вшиткихъ сторонъ, же южь не могли що радити, якъ богачъ зъ Лазаремъ. Обозъ обозомъ, а тутъ Поляковъ незличоныхъ ходитъ по вшиткой Украйнѣ). Единъ, который ишовъ до войска польского, заступивши, побили, вшитко побрали; а що гайдуцы были, же Русь была, зоставляли, не забивали, а въ ихъ сукнѣ, повбиравшися тыхъ жолнѣровъ килька сотъ побили, котрыѣ за гайдуками шли, бо жолнѣре розумѣли, же гайдуцы стоятъ, и обезпечилися, (знову въ Копачовѣ[42]) жолнѣровъ вшиткихъ збили, а возы ихъ побрали зъ скарбами). Потомъ въ Димеру жолнѣровъ громили, знову въ Бѣ-

---

[41]) Димерка, село на большой дорогѣ изъ Чернигова въ Кіевъ.

[42]) Копачевъ село 36 верстъ къ югу отъ Кіева при рѣцѣ Стугнѣ.

логородцѣ, подъ Кіевомъ, жолнѣровъ побили, же повѣдаютъ, же въ нихъ коней почтовыхъ до шести сотъ взяли, и возы ихъ съ добрами, а то по Св. Духу въ пятницю. Въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ въ Окопѣ, за Днѣпромъ заразъ, въ котромъ ся былъ панъ Гетманъ зъ разу окопалъ, роту едну вельце богатую, мудрую, зо вшиткихъ панятъ, (имя ей было „Золотая Рота:“ на хоругвѣ коло золотое было); на свитаню вшиткихъ побито и ноги не впустили, и тамъ въ окопѣ поклали и ховати не казали. Где скарбы великіи окрутне побрали, которыхъ то панятъ самыхъ полтораста было и гетманъ,[43]) кромъ челяды и купцовъ Кіевскихъ до 20 было, которыи живность до обозу провадили: которая Рота стала, повѣдаютъ, въ Ченстоховѣ. Полковникъ ей былъ нѣякій Лишчиньскій. Тоежжъ недѣлѣ другую роту перевѣзшися зъ за Днѣпра на мѣстечку Монастырскимъ побили, же якъ въ повѣтря по улицяхъ и домахъ лежали, и тѣла ихъ жолнѣрскіи оголены; и подданыхъ манастырскихъ десять забито, другіи отъ вшиткого поутѣкали, и самъ отецъ Архимандритъ былъ у великомъ страху, другіи съ тоижь роты въ лѣсѣ Николскомъ побили, до 50; едного Русина Попеля знашли въ черница, взяли и розстрѣляли, а другого съ церкви Св. Ѳеодосія, межи котрыми паня якоесь было великое Гломбоцкій (Gombocki) въ осмнядцятъ тылько лѣтахъ, повѣдаютъ, и втекло было; лечь оны нашовши его, казалися ему изъ соболей шубы розобрати, а онъ ся просилъ по три кроть сто тысячій окупу даючи, а оны, нѣцъ недбаючи, и того розстрѣляли. На завтрѣ въ Кіевѣ байдаковъ 50 и човновъ безъ личбы спалили, жебыся Поляцы не мѣли чимъ перевезти на тамтую сторону до Гетмана. Въ той часъ страхъ великій на вшиткихъ былъ, потымъ южъ были одешли. Тогожъ дня людъ королевскій настигалъ, котрый, повѣдаютъ, наятый за Жадовскіи былъ пѣнязѣ. Пришедши въ вечеръ на мѣстечко, на монастырь хотѣли ударити и ударили были; лечь Козаки не

[43]) Въ Московскомъ изданіи нѣтъ словъ: и Гетманъ.

подалеку были, а до того услышали звоновъ великихъ гвалтъ, вернулися тыѣ, опановали монастырь и Нѣмцовъ одразили. На завтре знову Нѣмцѣ штурмовали до монастыра, кулѣ съ кобылъ на церковъ падали: где що за страхъ былъ, хто выповѣсть!? Въ тымъ Козаки одошли, а Нѣмцы, рекомо, вьпросилися въ Козаковъ до мѣстечка, вшитко мѣстечко сплюндровали, и самому быся монастыреви достало, гдыбы не особливая ласка Святой Пречистой, и тыхъ Святыхъ которые фундовали. Тая война черезъ тыждень не мало около монастыра была. Потымъ, Нѣмцы монастырь пустинный Св. Николы, напавши, сплюндровали и вшитко забрали, що было въ полатѣ людского схована и монастырского. На третый день, тыижъ Нѣмци Іерданскіи подъ Кіевскимъ монастыремъ пошарпали, и до Межигорского монастыря хтѣли штурмовати, лечь ся чернци постерегли и забѣжали тому. Щожъ розумѣете, въ якомъ мы страху были? Же южъ въ козацкимъ монастыру, на который вшитки зубами скреготали, и певне гдыбыся имъ ведлугъ замысловъ ихъ повело, вшитко бы ся Руси было достало, але тамтому мѣсцю на горѣ, такъ ся трагедія пошла (точила). Пять миль отъ Бориспола въ Буржаню (въ бурянѣ?) жолнѣровъ тылко 25 зосталося съ полторы тысячи, же ихъ побито на тымъ то мѣсцу... Зъ Королевичевой Роты, (що) стала въ Луцку, и на Русь окрутне ся перехваляли: „гды ся вернемо вшиткихъ васъ въ пясти мѣти будемо," мовили. — Пятьдесять товарищовъ згинуло, окромъ пахолковъ. Нѣмцовъ и гайдуковъ ничь або мало ся що остало, тыхъ, що за Днѣпромъ были: бо тыи, що въ монастырѣ лупили за Днѣпромъ. Такъ повѣдаютъ, же триста велце значныхъ пановъ коронныхъ згинуло; вшиткого войска до десяти тысячей згинуло.

То видячи панъ Гетманъ, же зле, що бютъ, хотьбы еще десять разъ такъ великое было войско, нога бы ихъ не войшла, молился, слыше (бо и его на мѣстѣ (наметъ) навѣжали): „Найсвятѣйшая Панно! вынеси мене оттоль здорового." —

И такъ о примире просилъ, и що хотѣли Козаки, то собѣ вымовили: же знову Козаковъ хоть сто тысячей; яко и самъ выдѣлъ гды му, слыше, Тарасъ обраного показалъ войска. Позосталого южъ не 6 тысячей, нехъ будетъ, гетмана не онъ, апи король маетъ надавати, тылько сами обирати, призналъ (е)му рыцерство. При пану гетману отцовъ было отъ нашихъ пять. Теды, слыше, показывалъ онъ, слезы стираючи, трупъ великій тые слова мовячи: „Отожь Унія... лежитъ Русь съ Поляками!... Жолнѣре зась позосталыи хотѣли конфедерацію на него поднести, же ихъ такъ много погинуло и гине, а не платять имъ. Теды ся имъ записалъ на своихъ маетностяхъ, же заразъ вшитко заплатитъ, и еще имъ чверть даровалъ. Козацы реестровыи, що позостали скилка сотъ, до ныхъ же панъ гетманъ прыточилъ, больше, южъ ми ся съ памяти выбыло. Може те кто иншій повѣдати, кто ся Бога боитъ справедливе. Тое зась за певно повѣдано его милости отцу Архимандриту, же Унѣтове, що презъ килька лѣтъ южъ пѣнязѣ збирали на школы, рекомо, теды тыѣ пѣнязѣ послали были до его милости пана Гетмана, котрыхъ — было едни повѣдаютъ 40 тысячій, а другій 80 тысячій, теды и тыи пѣнязѣ Козаки за Днѣпромъ ажь отняли. Якожь естъ подобеньство, бо Руцскій въ Кіевѣ былъ, и зъ жолнѣрами ся намовлялъ и у пана Гетмана былъ. Панъ Гетманъ гды за Днѣпръ малъ ити, тогды мниси Домѣнѣканы мечь посвящовали, и около костела носили, и презъ вшитку мису на олтару лежалъ зъ тымъ докладомъ, же на то поганство на Русь, жебы ихъ выкоринити. —[44])

(.... Избранъ) Гетманомъ Козацкимъ нѣякій Тымошь Михайловичъ Оренда, который рукою власною тые новины починалъ знаменемъ своимъ.[45])

---

[44]) Описанное событіе противнымъ способомъ представляютъ польскіи историки, особенно же Іоаннъ Ѳома Іосефовичъ каноникъ Львовскій въ своей рукописи: Annalium urbis Leopoliensis tomus extravagans подъ 1630 годомъ Nr. 1:6, 157.

[45]) Казалосьбы, что Львовскій Лѣтописецъ, по смыслу послѣднихъ словъ, заимствовалъ описаніе вриведенного событія подъ 1630 годомъ изъ записокъ упомяну-

Въ року **1630, 1631**. Король Жигмунтъ III умеръ (въ 1632 году).

Въ тымъ же року (1631) церковь посвящовано Св. Пречистой, во Львовѣ (т. е. Успенія пресв. Богородицы).

1633. Король Владиславъ (IV) насталъ, сынъ стараго короля, и Руси правъ старыхъ поправилъ, безъ Уніи, и на митрополитство право надалъ, также безъ Уніи.

Тогожь року, Петръ Могила воеводичъ Молдавскій Архимандритъ Кіевскій Печерскій во Львовѣ посвящался, у Св. Пречистой на митрополитство. А было при посвященю владыкъ четыре: 1) Авраамій, владыка Смоленьскій, 2) Еремѣя Тисаровскій, владыка Львовскій; 3) Исаакій (Черчицкій Луцкій); и 4) Паисій Милецкій;[46]) Архимандритовъ, Игуменовъ, Священниковъ барзо много также и шляхты Руской и Польской и людей барзо много. А першое посвященье было въ середу святочную (бо Св. Юра было), другое въ субботу, а третое въ недѣлю проводную — и апарата взялъ на себе которіи самъ Патріахъ святѣйшій посвящовалъ.

Въ томже року 1633. Король Владиславъ скоро по коронаціи поѣхалъ до Москвы зъ войскомъ великимъ, бо южъ Москва отбирала Сѣверщину, и Смоленскъ южъ хтѣли взяти, еслибы король былъ не пріѣхалъ. Турчинъ довѣдавшися, ижь король Польскій поѣхалъ до Москвы, казалъ гетманови своему, на имя Бизибаши,[47]) абы зъ войскомъ великимъ ишолъ до Польски, и былъ ажь подъ Каменцемъ Подольскимъ. Еднакъ же Гетманъ польскій, то естъ Конецпольскій, же Король былъ въ Москвѣ, мался на осторожности, войско малъ великое, и тамже лежалъ обозомъ у Каменця Подольского, и коли притягнулъ Базибаша, кото-

---

того гетмана Тымоша Михайловича Оренды, извѣстного такожъ подъ именемъ Тимофея Михайловича Арандаренка. Не должно ли вм. починалъ тит. починилъ.

[46]) Паисій Ипполитовичъ Черкавскій архимандритъ Милецкій а Холмскій епископъ см. Холмская епархія. Львовъ 1867 стр, 40.

[47]) У польскихъ писателей названъ сей паша: Abbasi

рый мовилъ: же скоро до Польски прійду, безъ жадной трудности буду отбирати мѣста и замки. А коли обачилъ войско Польское и спробовалъ трохи, обачилъ, ижь не учинитъ ничого, и ще жебы съ встыдомъ не втѣкалъ, вернулся въ задъ, и мѣстечко Студеницю[48]) сплюндровалъ, и замокъ спалилъ, и людей побралъ и пошолъ до Турокъ.

Въ томже року 1633 Бернацкій, господаръ Волоскій на подмову Волоховъ, же поеднаемо Турчина (бо былъ выѣхалъ до Польски), и будешъ Господаремъ знову, добровольно поѣхалъ до Турокъ, зъ скарбомъ великимъ, то есть три міліоны повѣзъ, а Турчинъ тому радъ, скарбы побралъ, а ему казалъ шію утяти, и на господарство казалъ поѣхати до Волохъ Семіонови воеводичови Молдавскому, брату отца Св. митрополита Петра, который не много будучи на Господарствѣ, бо скоро послалъ отповѣдь до короля Его Милости, до Польски, а Господареви Волоскому росказалъ до себе Семеонови, а онъ ся побоялъ, щобы ему тоежь не было, що Бернавскому до Польски выѣхалъ.

1634. Король еще въ Москвѣ былъ, бо такій тамъ зимовалъ, отбывши Москву отъ Смоленьска, а Шагинъ, (Шеинъ) Гетманъ Московскій, зъ войскомъ великимъ окопался у Острожикъ (въ окопахъ) противко короля, который былъ барзо оборонный, съ которого ся боронилъ, же не могли имъ що чинити. Потомъ до короля Козаковъ прійшло много, и другіи еще ишли; а Шагинь коли тое вчулъ перестрашившися и мусѣлся поддати, а королъ выдячи тое, ижь ся сами поддали, пустилъ ихъ вшиткихъ волько, тилько гармати побрали и порохи, которыхъ было барзо много. А царь Московскій, выдячи тое, що Шагинь вчинилъ, же ся поддалъ, въ которомъ онъ великое уфанье малъ, мусѣлъ южъ и самъ склонитися до примиря, и учинилъ примиря, и самъ ся на Шагину помстилъ, которого и зъ его народомъ выгубилъ.

---

48) Городокъ надъ Днѣстромъ на Подолью. О разореніи его упоминаетъ конституція сейма съ 1635 г.

Въ тойже рокъ 1634 еще король въ Москвѣ былъ, якъ Турчинъ прислалъ отповѣдь, а самъ войско великое зготовилъ южъ до Польски; що король Его Милость видячи, послалъ зъ Москвы до гетмана Конецпольского, росказалъ, абы войско зготовилъ потужное. И такъ учинилъ: росказалъ королевскимъ именемъ вшиткимъ воеводамъ и княжятомъ и вшиткимъ паномъ, абы каждый ставилъ ся, якъ зъ найбольшимъ людомъ и самъ Гетманъ, зобралъ великое войско, и вшиткiи ставилися зъ потугою великою и зѣхавшися вшитки положилися съ тамтой стороны Каменця Подольского, отъ Волохъ обозомъ, которого обозу было на 2 милѣ. Такъ повѣдали, же еще не было такъ вкупѣ войска Польского и такъ гарматного, а Козаковъ еще было 12 тысячей, которые особно стояли, же ся не могли столпити въ купѣ и для обляженя и для живности. А король Его Милость, учинивши примѣря, выѣхалъ зъ Москвы, и прибравши собѣ еще люду Нѣмецкого, не отпочиваючи, тягнулъ просто на Подоля, и приѣхалъ до Львова, мѣсяця Сентября 16 дня, во второкъ. О томъ Турчинъ довѣдавшися, не ставился, анѣ войска непустилъ овде (озде); а король росказалъ до Волохъ Гетманови, або Козаковъ пустити впередъ. Тое Турчинъ почувши, почалъ о примиря просити. Король, Его Милость, будучи во Львовѣ, коли до него прислали оповѣдаючи, же проситъ Турчинъ о примиря, радъ былъ барзо и мовилъ: „южь собѣ отпочну ту, и не поиду далѣ.“ — Коли былъ во Львовѣ, издилъ на произдщки осмотривалъ вшитко. И Галичане, съ передмѣстя Галицкого, просили Его королевской Милости о свободу, и росказалъ имъ мѣсто будовати, и заложити на имя брата своего Казѣмѣря;[49]) бо во Львовѣ были съ нимъ два брати. Казѣмиръ старшiй и молодшiй Александръ. И были въ Львовѣ недѣль 4 и три дни, и выѣхали въ пятницю Октября 17 дня. А Казѣмиръ захоровалъ былъ на вуспу

---

[49]) **Намѣренiе тое Короля не осуществилось.**

(оспу), и остался ве Львовѣ, поки ажь не выздоровился. А молодшій Александръ поѣхалъ изъ Королемъ, и приѣхавши до Люблина и Александеръ росхоровался на воспу, а Король, Его Милость, отѣхалъ, а онъ не хотѣлся остати и поихалъ, за Королемъ хорый, и такъ умеръ въ дорозѣ. А король ажъ до Гданьска поѣхалъ, а тутъ и другій королевичъ наймолодшій умеръ, который былъ Бискупомъ Краковскимъ назначенный, и такъ 2 оразъ умерли.

Року **1635**. Сеймъ былъ, на которомъ поборы великіи настали. Тылько въ Рускомъ паньствѣ раховалисмы по 30 поборовъ, а у иншихъ сторонахъ еще болшій податокъ. По томъ сейму, на мясныи запусты, дуга великая вказалася на заходѣ сонця. На лѣто зась Король пошолъ до Прусъ зъ войскомъ великимъ, а нѣякій капитанъ, котрый ся былъ оженилъ во Львовѣ у пана Дзяного у Влоха, обнялся королеви, а найболше духовнымъ на **Украинѣ**, где Днѣпръ впадаетъ въ Дунай? (лиманъ) замокъ (Кодакъ) муровати и мѣсто усадити Нѣмцями,[50]) абы Козаки неходили на море, котрому дано скарбы не малыи, и поѣхалъ и муровалъ, и люду щось малъ много, килька тысячей. Козаци указовали ему тое, же то не потребное, а тобѣ тежь небезпечне тое обейматися чинити, а онъ ихъ не слухалъ, еще хотѣлъ ихъ зневажати. Оны, учинивши раду, нѣякій Самуило Сулима изъ Черкасъ, еще два Полковника зъ нимъ, зобравши Козаковъ, 3000, пошли до него; и такъ напавши мѣсяця Августа, скоро заступивши до Матки Божой третого дня зъ вечера, то досвѣта збили впистокъ людъ его, и ноги не оставили, тылько що на чату были выѣхали 15 коней, и тыѣ ся остали. А самого живо взявши напервѣе руки (е)му изсѣкли, а за пазуху вложили, а у плюдры (Pluderhose) пороху насипали, и поставили у столпа надъ Днѣпромъ, и запалили

---

[50]) На поляхъ листа выставлено: Кудакъ муровано. О взятіи Сулимого Кудака упоминаетъ Beauplan въ описаніи Украины.

и порохъ (е)го втыснулъ въ Днѣпръ, и на розсвѣтѣ скарбомъ ся дѣлили куршакомъ,[51]) розославши килимовъ килька, а потомъ зробивши тое поѣхали.

Въ тимже року 1635 на Св. Михалъ, арцибѣскупъ (Станиславъ) Гроховскій, на арцибѣскупство въѣхалъ до Львова.

Въ тимже року (16) 35, по Св. Марцинѣ, сеймъ былъ зложенный съ стороны тыхъ речей, що на Украинѣ Козацы починали, бо хотѣли знову Козаковъ зносити. Козацы реестровіи, що при королю служатъ, Запоровціи (Запорожскіи козаки) довѣдавшися где суть тыѣ, що поброили съ тымто Сулимою Гетманомъ, послали до ныхъ оповѣдаючи, ижъ насъ Ляхи хотятъ бити, а такъ пріймѣтъ насъ до себе, жебыхмося боронили въ купѣ; они имъ не вѣрили боячися здрады, и не уйшли ей. А потомъ за присягами ихъ приняли ихъ до себе до окопу, который барзо былъ потужный, и такъ учинивши здраду изъ войскомъ, абы имъ старшину выдали: хочете ли сами погинути. А они довѣдавшися о томъ, сами ся доброволне дали; а они взявши ихъ обѣцяли имъ, же не погинете, а потомъ оковавши ихъ отвезли до Варшави до короля на сеймъ. Тамже послове были Турецкій и Татарскій, просили: ежели хочете у згодѣ зъ нами мешкати, чинѣте намъ справедливость съ тыхъ здрайцовъ нашихъ, то естъ Козаковъ, бо въ тымъ року пять разъ на море ходили, и позволено ихъ тратити, которыи и смотрили ся на ихъ смерть, и стято ихъ 4, а двохъ упросилъ поселъ Турецкій.[52])

1636. Року 1636, по сеймѣ король отѣхалъ былъ до Литвы, и тамъ презъ лѣто бавился.

Въ томже року на Свята Великодныѣ зъ недѣлѣ на понедѣлокъ у Острогу пани Воеводеная, дочка княжны

---

[51]) Куршакъ, кажется тоже что коршуга, корчага, горшокъ съ узкимъ орломъ.

[52]) Въ томъ году погибъ гетманъ Самойло Сулима въ Варшавѣ.

Ярославской,[53]) пошедши до замку, казала собѣ гробъ отворити, и добывши склепу, где лежало тѣло отца ей, и казала его взяти, которое южъ было згнило тилько кости, которыи взявши, казала ихъ помыти, и посвятити Святымъ Езуитомъ, и отвезли до Ярославля до Свят. Матки своей, и казала ихъ провадити изъ церкве, гды Русь звыкла на память звытяства Христа Спасителя нашего, съ крестами съ хоругвами триумфъ коло церкви отправовати, абы зъ того напасть на Русь учинити; и такъ учинили много злого Христіяньству.

Въ томже року передъ зелеными святы, и тутъ не безъ клопоту Христіянимъ справедливымъ было. Его милость, отецъ Гулевичъ, епископъ Перемыскій, ведлугъ привилея, который король падалъ, уѣхати хотѣлъ до Св. Спаса въ горахъ, которому нехотѣлъ допустити Крупскій;[54]) але онъ маючи при собѣ корелевскихъ комисаровъ и презъ розказанье ихъ уѣхалъ. Теды Крупскій поихавши на трибуналъ до Мазуровъ до Піотркова и удалъ его за гвалтовника, же мя наихалъ, розбилъ въ монастыру, въ которомъ шкодъ маю на 30 тысячій, и присягъ на него.

Тогожь року пощастилося Ляхомъ. Гетманъ корунный Конецпольскій ведлугъ своихъ способовъ поѣхалъ на Украину до обозу. Воеводичь рускій Даниловичъ, взявшися изъ обозу изъ семы-ста люду, поихалъ на отбиранье староства, до мѣстъ, где Козаки мешкаютъ, и росказовалъ: абы заровно отправовали подданьство, якъ мѣщане, такъ и Козаки, которыи ся отмавляли: „мысмо людъ рыцерскій, тому:мо не привыкли, бо то намъ не звычай; але тя прохаемъ, заховай насъ зъ ласки своей милостивый пане, бо можемъ ся на що вамъ придати.“ А онъ имъ отповѣлъ: же я о васъ недбаю, бо я мяю надъ васъ лѣпшихъ рыцировъ. Скоро тое вчули отъ него подяковали (е)му за мешканя. —

---

53) Анна вдова Ходкевича Карла воеводы Виленского.

54) Крупецкій.

Онъ тяжь поихалъ изъ Нѣмцями назадъ, (а было при ніомъ 4 сотъ), обачилъ трошки Татаровъ, хотѣлъ изъ славою до Гетмана приѣхати; але свѣдомый тыхъ речей Козакъ мовилъ: Милостивый пане! дай покой, бо то вабъ ня васъ жебысте не програли за выгранье, и будетъ встыдъ. А онъ того не слухалъ, але рушился къ нимъ, которого огорнули въ кругъ; и ледво самъ (Даниловичъ) утѣкъ, и то за помочію Козацкою, а Нѣмцѣ якъ мухи погинули, и такъ до обозу пріѣхавши, знову взялъ 4 ста люду поихалъ въ дикіи поля, хотячи Нѣмецкою штукою помститися, и такъ его зо вшиткимъ всяли Татаре.

Въ тымже року Гетманъ польный Панъ Казановскій умеръ въ обозѣ, который много воіовалъ въ Москвѣ, и зъ старамъ Королемъ, также и съ тымъ...

Въ тымже року, и нашихъ пановъ много померло: умеръ князь Янушь Вышневецкій, староста Кременецкій, который ставилъ подчасъ потребы до обозу люду тысячъ, албо полторы. Также умеръ князя Заславское Ерій (Юрій), также ставилъ часу потребы тысячъ людей. Также панъ Лукашь Жолкевскій, староста Переяславскій, що съ Козаками орѣхи грызъ, также тысячь люду ставилъ; также и Литовскій Гетманъ панъ (Янъ) Сапѣга, который ставилъ десять тысячъ люду; панъ Береженскій Подчашій умеръ;[55]) панъ Куликовскій умеръ, и иншихъ много померло.[56])

1637. Скоро подъ соймъ земля ся трясла, на вѣлѣю (въ навечеріе) Панны Маріи Громницѣ (Стрѣтенія Господня) изъ суботы на недѣлю, о годинѣ девятой. Потомъ весна была барзо сухая, не хотѣлося ничого родити, ани и травы ни было; а потомъ огнѣ попали пановати, же много мѣстъ погорѣло: Сокаль, Крыловъ, Белзъ, Самборъ; у Вышни передмѣстя, у Яворовѣ и ве Львовѣ передмѣстя Галицкое вшитко,

---

[55]) См. Niesiecki. koron. Polsk. III. 766 о родв Бережавских.

[56]) Тамже о Куликовских II. 74.

и костеловъ два, и третому ся достало. Не досить ту, але и Украина о тыхъ же огня роскошахъ маютъ що повѣдати.

Въ тымъ же року панъ Зборовскій умеръ.[57])

Въ тымъ же року новина была принесена отъ Рима, же тамъ дощь падалъ крвавый, и градъ такъ великій, якъ полтора фунта олова, и перунъ ударилъ на каплицю, где есть у схованю Папезская корона. Мнихъ лѣтаючій надъ мѣстомъ волалъ: Бѣда тобѣ, бѣда тобѣ Риме! (а былъ въ бѣлыхъ шатахъ). На пророчество тое, где мовитъ: горе Виѳсаидо, и ты Капернаумъ вознесися до небесъ снійдеши до ада.

Такъ тыжъ изъ Волохъ чутно было о якомсь мужу о велетѣ (великанѣ), же мовитъ, у Господара Волоского на банкетъ носилъ верблюда на едни руцѣ, а великій, мовитъ, барзо а лѣтъ (е)му 18.

Въ тымъ же року Татаровъ[58]) поддалося дванатцять тысящъ Королю польскому, и присягнули предъ Гетманомъ Конецпольскимъ, и указано имъ мешканье за Днѣпромъ межи Козаками. Гетманъ заразъ польный Потоцкій, староста Каменецкій, пріѣхавши до обозу, позволеніемъ Гетмана великого коронного Конецпольского розказалъ валечному войску, абы за Днѣпръ на лежу пошли на зиму,[59]) рекомо для Татаръ, але больше для Козаковъ. А Козаки тыжъ не пышныи, еще ся войско Ляшское неосмотрило, а оны южъ гдесь задѣ 5 хоругвый и делъ лупячи (налупили). Жолнѣре видячи тое, стали обозомъ за Бѣлою-Церквою, мовячи; поки намъ пѣнязей недадутъ, не будемося розъѣздити. А оны ся бояли побити Козаки, що тутъ было на той сторонѣ Днѣпру, послали живность тамтымъ, що живности не мѣли.[60]) И трафило ся, же мимо единъ замокъ везли, тежъ

---

[57]) Александръ изъ Рытвянъ Зборовскій. Въ издан. Москов. пропущено.

[58]) Сего слова нѣтъ въ Московск. изданіи.

[59]) На зимную стоянку, zimowe lęże.

[60]) Не надо ли здѣсь читати: А оны (жолнѣре) ся бояли побитье. Козаки, що тутъ было и проч.

(тожъ) шляхтичъ маючи надѣю, що есть войско Польское, южъ ся Козаковъ небоимо, выпавши изъ замку забрали оные подводы Козацкіи. Оныи Козаки дали до Козаковъ знати; Козаки послали скаржити до пана Гетмана Лятского на того шляхтича, а онъ и тыхъ посланьцовъ....[61]) Козаки, видячи зневагу, же не могутъ одержати справедливости, учинили собѣ сами справедливость. Послали килька сотъ Козаковъ одобрати свое, оныи подѣхавши побили всѣхъ, що до одного, и пана и паню, и дѣти, и вшитко забрали, що одно было въ замку. Потимъ дано знати до гетмана Польского, который, розгнѣвавшись барзо, послалъ хоругвый пять, подъ которыми было людей сѣмъ сотъ, казалъ мѣсто Козацкое высѣчи; жонокъ и дѣьей, абы едно (только) былъ Русинъ, казалъ губити, бо Козаковъ не было. О чомъ довѣдалися Козаки — пошло ихъ съ тысячу, албо и больше, обступивше тое мѣсто, отдали имъ, же нѣхто не знае, где ся подѣли тыѣ сѣмъ сотъ жолнѣровъ, бо и жадного забитого не найшли, мовили, або ихъ поили? Въ тымъ гетманъ польный панъ Потоцкій довѣдавшися, где суть Козаки, пошолъ за ними и такто битву вчинили съ Козаками,[62]) але штукою; бо перше подослоно Жидовъ зъ герѣлками, и Павлюкъ ручилъ Жидомъ, же заплатитъ. И такъ поспивалося войско, не знали о собѣ, не такъ о битвѣ; а Лащь стерѣгъ на тое, и Гетманови далъ знати, и такъ напавши побили ихъ. Тылько сами не знаютъ много: едны кажутъ шесть тысячъ, другіи шесть сотъ, третіи кажутъ 3.000, не могутъ ся сгодити, а Гетмана анѣ полковника жадного не кажутъ щобы забыто. А Павлюка, кажутъ, же нѣчого не вбито въ войску; а килькадесятъ значныхъ пановъ, рохмистровъ, поручниковъ на велѣю (навечеріе) Св. Николы отая битва предъ Польскими святы была), старыхъ полковниковъ побито. О томъ коли ся довѣдалъ

---

[61]) Кажется должно быти: схватилъ или побилъ.

[62]) Подъ Кумейками, потомъ же подъ Боровицею последовало перемиріе 6 Декабря см. Іосефовича Annal. подъ 1637 г.

канцлѣръ панъ Замойскій, жаловавъ того, що безъ его волѣ важилися того; бо скоро я встану съ той хоробы (говорялъ онъ), я тое поганьство знесу, а ежели умру, на вѣки имъ нѣхто ничого не вчинитъ, И такъ рознѣвавшися, жебы пророчество его сполнилося, умеръ передъ велѣю Руского Христова Рождества, въпредъ (прежде сего) казавши до всѣхъ маетностей попомъ передъ себе стати, хотячи имъ права и вольности отобрати, хто бы на Унію не позволилъ, и скорося зъ ближшихъ мѣстъ забрали съ зъ кількадесять ихъ до Замостя; онъ кадуками забитъ. И такъ съ того ничого, бо пани Замойская казала имъ до домовъ своихъ съ тымъ съ чимъ пришли ити.[63]) Въ рокъ по пану канцлѣру Езуита тогожь дня и годины, отъ кадуковъ забитъ, сповѣдникъ пана Замойского ксіондзъ Бартоси. Предъ смертью видѣлъ панъ Замойскій пекло отворенное и огонь геенскій; они правили: же то чистецъ, не бойся! — А межи Козаками здрада ся учинила: Павлюка, що былъ перше у Варшавѣ, коли Сулиму загубленно, упрошено, якожъ былъ въ Замостью по выпущеню. Козаки обачивши, же то ихъ зведено, выдали Павлюка, Томашика и Чечугу, а небожчика Кизиму въ Кіевѣ съ сыномъ страчено.

1638. Сеймъ былъ о средопостю, на которомъ потратили Козаковъ старшихъ, що ихъ Козаки выдали, того то Павлюка[64]) и Василія Томашика и Сахна Черняка, который ся ихъ ужаловавши, самъ поѣхалъ съ ними добровольно, и такъ ихъ постинано. А на Украинѣ Козаки броили и Ляхомъ деспекти (поруганія) чинили, Нѣмцовъ, якъ мухъ били, мѣста палили, Жидовъ рѣзали якъ куръ,

---

[63]) Женою Ѳомы Замойского, коронного канцлера, была Екатерина княжна Острожская, бабка короля Михаила Вишновецкого. Тотъ Замойскій великій покровитель Іезуитовъ, говоритъ К. Несецкій (Koron. Polsk IV 67) gdy mu podano przywilej na akademią schizmatycką, żadną miarą pieczęci koronnej do niego przyłożyć niechciał.

[64]) Павлюкъ или Павелъ Михновичь Бутъ. См. P. Piasecki. Chron. p. 598.

мниховъ въ костелѣхъ палили едны, а другіѣ гумна молотили ѣздячи, стада займовали, мяса до бочокъ солили, живность собѣ готовали; а потомъ подѣхавши подъ Ляцкій обозъ вшитки конѣ займили. же небожата Ляхи повергжи пыху, мусѣхи пѣхотою ходити. А потомъ Ляхи, обачивши зле, почали для Бога о ратунокъ просити, и такъ почали уѣздити, и на тры обозы становили ся, бо ся бояли; а Козаки стали и оточили ся такъ потужне (крѣпко), хотяй бы килька лѣтъ ихъ доставали, тобы ихъ недостали. И такъ що разъ то Ляховъ въ Лукахъ (въ Лугахъ?) штукъ учили, хотяй сами хлопы; бо ся сами Ляхи раховали, же мовили: не помнемо (не памятаемъ) нѣкды такой потребы у чужихъ земляхъ, жебы такъ шляхты, коронныхъ пановъ погинуло якъ ту, где самого товариства: ротмистровъ, поручниковъ шесть сотъ, опроче пахолковъ, опроче Нѣмцовъ, що ихъ барзо много погинуло, и остатокъ бы былъ выгинулъ; же южъ изложивши встыдъ на сторону, хотѣли бы назадъ, але нѣякъ было, а хотяй ся кто збиравъ, тамъ имъ на помочь, не споро было. Потомъ почали примиря просити, або рачей згоду изъ собою запирати[65]) и такъ заперли згоду передъ Ляцкими святи (Пасхою), и наказано имъ Гетмана собѣ обирати, полковнииовъ надано имъ Польскихъ, до каждого тысячи, а при кождомъ полку трыста Нѣмцовъ драгоновъ для остороги лѣпшой.[66])

Въ тымъ же року 1638, весна была барзо сухая, нехотѣлъ дощъ падати, нихотѣло ся ничого родити, анѣ трава, а що ся было озимины оказало, то у Святъ зеленыхъ морозъ попсовалъ; а що сѣяно ярины, то за посухою не сходило; ажъ по Святомъ Петрѣ дощъ спалъ почало сходити....

Въ тымъ же року и пришломъ новину было принесенно отъ заходу, же тамъ коло Риму много мѣстъ и сѣлъ позападало, а въ еднѣмъ мѣстѣ костелъ барзо великій, подчасъ

---

[65]) Pacem claudere, pokój zawierać.

[66]) См. I. Юзефовича Annal. urb. Leopol sub. 1638.

казаня завалился и ксіондза на катедрѣ и вшиткихъ людей, которыхъ барзо много, побило... А ту зась въ Польщи также яко и прешлого року огнѣ пановали. Радимно вшитко выгорѣло, Яворовъ, Тышовци, Щирецъ, мѣста погорѣли, и въ Ярославлю передмѣстя, также и ве Львовѣ на кѣлька мѣстахъ показовалося. И такъ за тыми рокошами, а больше за Божіею волею, зъ нового жита было колода по золотыхъ 22;[67]) а гречка по золотыхъ 19; еще и то бы нѣчого, але южъ споминается якъ перше и лежара[68]) она была помста, также и теперъ. Не досить, що по деревѣ хробацтва были, але еще горше, що посѣяно, то и тое позѣдаютъ въ земли якіесь робаки. Помста Божая!

Въ тымъ же року коммисія была и староста вшиткого ремесла . . . . . пустилъ . . . . . до цеху, казалъ приступовати, а тое бы(ло) о Ярославскую ярмарку...[69])

Въ тымже року на небѣ якѣесь чуда ся показовали, и мѣсяць гдесь ся былъ задѣлъ, тылько съ подполня, а погодливой ночи таки его и не было на небѣ.

1639. Урожай Богъ далъ надъ сподѣванье, бо ся бояли сѣяти, що не было урожаю, и такъ мало сѣяли, але Богъ далъ великій урожай, же колода жита была по золотыхъ три, гороху полумѣрокъ по грошей 20, и вшитко было тане.

1640. Передъ Зелеными Святы, въ четверъ (тогды было царя Константина), о годинѣ 12 во Львовъ на мостѣ запалилося и вшитко передмѣстя згорѣло, до годины 18. Раховано шесть тысячей домовъ згорѣло.[70])

1641. Скоро по ярмарку Ярославскомъ у Ярославлю, моръ ся почалъ — трвалъ ажъ до року.

---

[67]) Колода имѣла въ себѣ полтретья корца или пять австрійскихъ мацъ.

[68]) Не должно ли читати: у лежари, то есть на зимовихъ стоянкахъ подъ 1637 годомъ.

[69]) См. Д. Зубрицкого крон. Львовъ. 1638 стр. 284.

[70]) На Краковскомъ предмѣстью in suburbio Cracoviensi, пишетъ I. Іозефовичъ подъ 1640 г. сгорѣло больше якъ 400 домовъ. Въ Московск. изданіи ошибочно воставленъ годъ 1642.

Въ тымъ же року владика Львовскій умеръ Тысаровскій въ середу на Св. Ѳеодора Тирона.[71])

1642. Кляшторъ заложено въ воеводиньскомъ дворѣ на стрѣлници.[72]) И приморокъ почался начинати такимъ способомъ: люде злодѣи выкрали домовъ пять, що у Ярославлю повымирало, богатыхъ людей що нѣйбольшихъ; тые речи принесли до Львова и Жиды во Львовѣ передмѣскіи покупили, и тамъ съ того почалося примирати помалу малу.

Въ томже мѣстѣ сынъ П. Мигаловъ[73]) поѣхалъ до Турокъ и заповѣтрился, и самъ умеръ въ Турцѣхъ, а до Львова товари припроважено, изъ того моръ начался у мѣстѣ и на предмѣстю. До Святыхъ Пятницъ занесли, и такъ попъ и дякъ, и много людей померло въ томъ року.

Року **1643**, Пасха въ купѣ. — Георгія въ недѣлю. Жидовъ попредмѣстю бурено. — Св. Юръ погорѣлъ.

1644. Умеръ староста Львовскій Мнишокъ, предъ Рождествомъ Христовымъ.

Въ томже року на Польскіи запусты до великого паста, во второкъ, умеръ бискупъ Львовскій Гроховскій.

1645. Церковь Св. Пятницъ во Львовѣ господаръ Волоскій збудовалъ, и посвященна въ тымъ року.

1646. Король польскій Владиславъ IV хотѣлъ воевати на Турка и затягъ былъ людъ Шведскій, который великіе збитки всѣду чинили. Сенаторове и речъ посполитая (соймъ) того не допустили, войны съ Турчиномъ мѣти незезволили, бо еще примѣря было не вышло.

1648. Король Владиславъ четвертый передъ Вознесеніемъ умеръ, по которого смерти, въ тыждень войско Поль-

---

[71]) Іеремія Тейсаровскій скочавшись 17 Февраля былъ погребенъ въ церквѣ въ Жолчовѣ, въ Рогатинскомъ повѣтѣ.

[72]) Д. Зубрицкого kronika miasta Lwowa 1642 стр, 289. называетъ его Michał Aluisy, купецъ Львовскій записавшій въ 1644 для Ставропигіального братства 1000 зол. польск.

[73]) Костелъ Кармалитанокъ босыхъ, гдѣ нынѣ духовная Семинарія лат. обряда. І. Іозефовичъ подъ 1642 г.

ское кварцяное, которое на Козаки было пошло, скоро на весну на Украину Богданъ Хмельницкій, и, изъ реестровыми Козаками ребелѣзовавши, и, зъ ордою конюровавши Татарскою подъ Жолтими Водами збили.[74]) и во трехъ годинахъ на порохъ обозъ и жолнѣре, живцемъ, зо всѣми добрами, оруженіемъ и арматою розхватили, и въ неволю Татарскую Гетмановъ (Миколая) Потоцкого коронного, (Мартина) Калиновского польного зъ много шляхты задали. Тогды Потоцкій досить анѣмушно строфовалъ Хмелницкого: „Хлопе" мовитъ „чимже такъ зацному рыцерству ордъ Татарскихъ (которымъ и звитяство приписовали) заплатишъ?"... Которому отповѣлъ Хмелницкій не глупе: тобою (мовитъ) и иншими съ тобою." И на тыхъ мѣстъ выдалъ его Татарамъ, и окованъ зо всѣми. Съ того обозу ледво хто уйшолъ для оповѣденя чуда такъ знаменитаго захованъ, и то въ сермизѣ не въ блаватахъ вышолъ.

Потомъ екскузовался Хмельницкій у Сенату, у княжатъ и пановъ великихъ, же то зъ неволѣ учинити мусѣлъ, боронячися, и же ему полковники надъ Козаками Ляцкіи крывды чинили великіе, и всему войску Запорожскому старшенствуючи, особливе Чаплинскій, хоружій корунный, на то побудивши Конецпольского. Просилъ теды о привернене вольностей давныхъ войску Запорожскому, послы на конвокацію выправивши до Варшавы, которымъ обецяно было, подъ кондеціями певными, все презъ комѣсаровъ пана Киселя, воеводу Брацлавского, и иншыхъ, до Кіева на комѣсію вы-

---

[74]) Память победы Желтоводской, сохранялась до сихъ поръ въ пѣсняхъ русского народа:

Высыпались Козаченьки съ высокои горы,
По переду Козакъ Хмельницкій на воронымъ кони:
С упай коню дорогою широко ногами
Недалеко Берестечко и Орда за нами.
Стережися пане Яне, якъ Жовтои Воды
Иде на тебе сорокъ тысячь хорошой уроды.

См. Wołyń przez T. Steckiego. Lwów 1864. стр. 114.

правленныхъ, привернути. А же Хмелницкій розослалъ былъ полковниковъ на всѣ стороны: Бѣлую Русь, на Сѣверщину, на Полѣсье, на Руску Подолію, на Волынь, изъ Козаками до которыхъ найвенцей (найвящи) хлопства вязалося, и добывали мѣстечокъ и мѣстъ, шляхту и Жидовъ, и Ляховъ всѣхъ въ пень стинаючи, а добра у всѣхъ огуломъ отбираючи, и обдираючи, и людей невинныхъ губячи, костели и кляшторы лупячи (особливе Кривоносъ на Подолю тое броѣлъ). Теды княжата Доминикъ,[57]) булаву гетманскую маючи и (Іереміа) Вишневецкій и (Миколай) Остророгъ подчашій корунный, которые войска рейментарами были, зо всею шляхтою и жолнѣра битного больше, нѣжлѣ на пятьдесять тысячій за Константиновъ подъ Пилявци, занехавши Комѣсію, зъ Хмелницкимъ битися зезволили. А же войска Козацкіи зъ ордами и хлопства незличоного купами перестрашили ихъ великостію своею, теды всѣ ночю изъ обозу безъ потычки у чимъ хто могъ, и съ чимъ хто могъ, и где хто могъ, армату, оружія, и добра всѣ зоставивши, утекли. За которыми Хмелницкій зо всею потугою, тоежъ мѣстамъ всѣмъ чинячи, ажъ подъ Львовъ притягнулъ. Князя Вышневецкого гонячи, который предъ его пристьемъ изъ подчашимъ и Синявскимъ всѣ клейноти и злото и сребро отъ мѣщанъ, и кляшторовъ и костеловъ и церквей поодбиралъ на войско, обѣцуючися боронити Львова, и не отступити мѣста и мѣщанъ. Вшакже скоро послишали о Козакахъ и ордѣ поутѣкалы, Вышневецкіи до Замостя, другіи где хто моглъ; а Хмелницкій отъ мѣста на два кроть сто тысячей червоныхъ золотыхъ дани взявши, и залогу имъ зоставивши, подъ Замостя потягнулъ. О томъ князь вѣдомость узявши до Варшавы вступилъ. А Хмелницкій и отъ Замостя дань взявши отступилъ, и посли до Сенату выправилъ, вотуючи на короля Казимира, которого и корона вся хотя нехотя обрала,

---

[75]) Князь Доминикъ Заславскій.

который на тыхъ мѣсть писалъ до Хмелнѣцкого презъ посла своего, и уступити жадалъ имъ на Украину, обецуючи имъ и то все пробачити, що поробили и о що просили даровати на коронаціи своей. И уступилъ Хмелнѣцкій зо всѣмъ войскомъ на Украину, упоминаючи шляхту унѣверсаломъ своимъ, абы Руси, подданныхъ своихъ, не губили, що и королъ мандатомъ своимъ потвердилъ былъ. Але орды людъ незличоный съ собою до поганскихъ краинъ затягли въ плѣни. Былъ тежь голодъ всюды, куды только пройшли войска Козацкіи: было повѣтря нѣякоесь; бо людъ меръ окрутне всюда на голову; наветъ въ самыхъ ихъ войскахъ, набарзѣй на бѣгунки множество ихъ великое на дорозѣхъ и на Украинѣ змерло. И зъ самыхъ Татаръ Тогай — Бей царикъ Татарскій умеръ, и той Кривоносъ полковникъ, и инны многыи, по зворотѣ отъ Полски. Львовъ боронячися, передмѣстя сами спалили всѣ округомъ; воду отняли были Козаки, руры поперетинавши; — замку высокого добыли и людъ выстинали. Также по кляшторахъ все побрали и по церквахъ, и людъ единъ Татаре выбрали, другій отъ меча погинулъ, третый отъ голоду, четвертый отъ повѣтря. У церквѣ Св. Юра трупа 54, забитыхъ людей, и Татаринъ на самый престолъ упавши розбився. У Бернадыновъ, Руси що было поутѣкали для обороны, на пятсотъ и болше постинано, также въ мѣстѣ на ратушу на валахъ.

Року **1649**. Коронація по трехъ Короляхъ въ Краковѣ была и сеймъ тронедѣлный, на которомъ знову посполитое рушенье на Козаковъ ухвалено, выправлено и комеларовъ было, пана воеводу Брацлавского до Козаковъ; але съ того ничого, бо ледво назадъ у покою вернулися, конклюдовавши и отложивши комѣсію до Зеленыхъ Святъ, подъ кондиціями певными покой заверши: абы Козаки по Горѣнь, и Случъ, и Припить, далей не заходили, и залоги свои мѣли и по Каменецъ Подольскій, а Поляцы изъ сего боку ку нымъ не переходили, Руси тежь абы по мѣстахъ и по

селахъ не губили. Що еднакъ не сполнили Поляци, бо многихъ и духовныхъ и свѣтскихъ, винныхъ и невинныхъ, на паль повбивали и погубили таемне и явне, и наѣзды чинячи и каждый въ своей маетности шляхтичъ. — Що гды ся донесло (до) Хмельницкого, не схотѣлъ покою и згоды жадной. любо былъ пункта послалъ до короля: абы воевода Кіевскій завше Русинъ былъ, и каштелянъ и митрополитъ въ Сенатѣ абы засѣдалъ, и Унія абы по всюду знесена была, вшакже и того венцей (вяще) недомагаючися годитися отмовилъ, для недотриманя слова и тираньства надъ Русю Ляцкого срогого. Гды теды мѣста и мѣстечка высѣкали на Подолю, добываючи, Острополя, Полонного, Красилова, Константинова старого и нового и иншихъ, Сѣнявку и Зѣнкувъ. Козаки почали (наступовавъ постъ Петровъ) Межибожа; добивши въ пень выстинали и спалили и Ляховъ съ тамтыхъ краевъ выбили. Уступили Ляхи ажь подъ Збаражъ мѣсто и вкопалися потенжне (сильно), а Козаки за ними зъ далека чекаючи конця посту Петрова. Въ пятокъ теды самый изъ вечера приближившися на завтріе на 12 Апостоловъ, скоро князь Вышневецкій Еремія Корибутъ зъ руского поколѣня Ляхъ, швагеръ пана Замойского и Конецпольского хоружого, до обозу того (где были старшимы панъ Белзкій, Фѣрлей, панъ Каменецкій, Ляскороньскій, панъ подчашій корунный, Остророгъ, панъ хоружый корунный, князь Корецкій, и иншіи панове, изъ повѣтовъ Каменецкого Подольского, панъ Сѣнявскій, староста Львовскій, и съ повѣту Волыньского зобраны въ тысячахъ 18 въѣхалъ, на тыхъ мѣстъ огорнули его Козаки въ субботу по Св. Петрѣ, и такъ знову окопавши ихъ на шѣсть миль вширъ, коло ныхъ стоячи изъ ордами стерегли ихъ презъ недѣль пять, ажь отъ голоду и страху поздыхали сами, мало що ихъ позосталыхъ безоружно вышли на пѣшихъ ногахъ и доздыховали по дорозѣ и по мѣстахъ. Которымъ на одсѣчь самъ король зъ посполитымъ рушеньемъ, въ пять недѣль, въ тысячахъ четыридесятихъ,

пошовши, подъ Зборовомъ оскочевный отъ Козаковъ и Татаровъ, где самъ Хмелнѣцкій и Ганъ Царъ Крымскій будучи, такъ нагнали въ сакъ Ляховъ, же ажъ ся по подъ возы и въ возы крили предъ кулями и стрѣлами, где болшь ихъ погинуло, нѣжли подъ Збаражомъ, ажъ о примиря самъ Король просилъ и, обѣцявши Козакомъ вольности, и надавши на писмѣ подъ певными кондиціями покой, заперъ такъ зъ войскомъ Запорозкимъ, яко и Ганомъ Крымскимъ що все на прышломъ сеймѣ при концу тогожь року мѣли потвердити и вѣчними часы такъ у згодѣ жити. А такъ на тотъ часъ ажъ выпущены были обляженцы и недобитки Збаразскіи подписавшися впродъ на тіежь пункта, съ которыхъ найпереднѣйшіе тые были:

1. Абы Козаковъ 40.000 было реестровыхъ.

2. Абы Чегринъ, отчизна Хмелнѣцкого, зо всѣмъ обыстямъ своимъ въ околици, при булавѣ войска Запорожского вѣчними часы зоставалъ.

3. Абы отъ Днѣстра по Браславъ иншіи мѣста, просто лежачіе до Днѣпра, ижь и отъ Днѣпра до границъ Московскихъ все Козаки были, где нѣгды жолнѣръ стояти не маетъ.

4. Абы воевода Кіевскій завше Русинъ былъ, и всѣ урядникове въ Кіевскомъ и Браславскомъ и Черниговскомъ воеводствахъ — Русь были.

5. Абы митрополита въ Сенатѣ столецъ мѣлъ.

6. Абы Уиія всюду знесена была.

Иншіе пункта дробнѣйшіе были одинацятъ въ личбѣ.

На томъ прекращается Львовская Лѣтопись, о которой нынѣ сказати трудно полна-ли она, или продолжалась дальше и когда и гдѣ скончался ей сочинитель. Наконецъ, понеже составитель ея, повѣствуетъ слишкомъ обстоятельно о Козацкихъ похожденіяхъ своего времени, и упоминаетъ о славнѣйшихъ Козацкихъ Гетманахъ, для того, яко дополненіе въ томъ взглядѣ Львовской Лѣтописи придержась хронологического порядка, помѣщаю еще здѣсь

Краткій списокъ Гетмановъ Козацкихъ, бывшихъ до Богдана Хмельницкого

На основаніи до сихъ поръ извѣстныхъ и сюда относящихся историческихъ памятниковъ, по критическому изслѣдованію М. Максимовича,[76]) послѣдовали Козацкіе Гетманы, начиная съ XVI вѣка, въ такомъ порядку:

1. ***Предславъ Ланцкоронскій***, съ 1506 († 1531).
2. ***Евстафій Дашковичъ*** († около 1535).
3. ***Самойло Кошка*** или ***Кушка***, около 1534 (освободился изъ Турецкой неволи около 1588).
4. ***Венжикъ*** (т. е. Вячеславъ) ***Хмельницкій***, съ 1534.
5. ***Князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій*** 1556 († 1564, въ Царегородѣ).
6. ***Князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій*** († 1584 въ Кіевѣ).
7. ***Князь Евстафій Ивановичъ Ружинскій*** († послѣ 1581).
8. ***Иванъ Свѣрговскій*** (называемый и ***Свирщевскимъ)***, 1574 († Турками подъ Килiей).
9. ***Богданко*** или ***Яковъ Богданъ*** (прозваніемъ ***Ружный***, или ***Ружинскій?)***, въ 1575 и 1576; убитъ подъ Исламомъ.
10. ***Иванъ Подкова*** (называемый и ***Серпягою***), въ 1577 († 1578 г., 16 Іюня, во Львовѣ, королемъ Стефаномъ Баторіемъ.[77])

---

[76]) См. Русская Бесѣда. Москва 18 7 III. Критика стр. 54—56. Касательно Козацкихъ Гетмановъ, бывшихъ до Богдана Хмельницкого, ведется еще сомнѣніе и разногласіе у историковъ Малой Руси, по недостатку современныхъ опредѣлительныхъ извѣстій, будто очередности ихъ, начала ихъ Гетманства и года кончины тихъ же.

[77]) О гетманѣ Серпязѣ спѣваетъ до нынѣ русскій народъ:

Ой у Львовѣ сенаторы
Серпягови смерть судили.
И Козака молодого
Та израдою зловили.

По дорозѣ вѣтеръ вѣе,
А изъ Львова возъ иде
То Козацтво атамана
На Украину везе.

11. ***Шахъ*** (Яковъ), 1577 и 1578 († монахомъ Каневского монастыря).

12. ***Самуилъ Зборовскій***, 1580 († 1584, въ Краковѣ, канцлеромъ И. Замойскимъ).

13. ***Князь Михаилъ Ивановичъ Ружинскій***, въ 1585.

14. ***Лукьянъ Горнинскій***, 1586.

15. ***Семенъ Скалозубъ***, въ 1588 и 1589; убитъ на Черномъ морѣ.

16. ***Христофоръ Косинскій***, въ 1592—1594 убитъ подъ Пяткою.

17. ***Богдинъ Микошинскій***, 1594.

18. ***Павелъ Наливайко***, 1595 и 1596 († 1597 въ Варшавѣ).

19. ***Гаврило Кортневичъ***, 1600.

20. ***Иванъ Коцкавичъ*** (или ***Куцковичъ***), 1602.

21. ***Зборовскій***, 1606.

22. ***Григорій Тискиневичъ***, 1610.

23. ***Бородоека***, 4621 († 31 Августа Козаками).

24. ***Петръ Конашевичъ-Сагайдачный*** († 1622 г., 10 Апрѣля, въ Кіевѣ).

25. ***Олиферъ Остаповичъ Голубъ***, 1622 (онъ же и ***Стеблецевъ***).

26. ***Богданъ Конча*** (называемый ***Конгою***).

27. ***Максахъ Григоровичъ*** (убитъ 1624 Козаками).

28. ***Дорошъ Коцкевичъ*** (1625).

29. ***Михаило Дорошенко***, съ 1625; убитъ 1628 въ Криму.

30. ***Вовкъ*** (Константинъ), 1626.

31. ***Гришко*** или ***Григорій Савичъ Чорный***, 1629 (убитъ 1630 Козаками).

32. ***Тарасъ***, прозваніемъ ***Трясило***, 1630.

А всѣ звоны зазвонили, Якъ Серпягу молодого,
А всѣ сурмы засурмили, Та въ Каневѣ положили.

См. Steckiego. Wołyń. I. стр. 116.

33. ***Оренда*** или ***Тимофей Михайловичъ Арендаренко***, 1630.

34. ***Леонтій Бубновскій.***[78])

35. ***Семенъ Перевязка.***

36. ***Иванъ Петрижицкій***, 1632.

37, ***Андрей Гавриловичъ.***

38. ***Самойло Сулима***, 1633—1635 († въ Варшавѣ, 1635).

39. ***Савва Кононовичъ***, называемый и ***Савалтовичемъ*** (убитъ Запорожцами).

49. ***Павлюкъ*** или ***Павелъ Михновичъ Бутъ***, 1637 († въ Варшавѣ 1638).

41. ***Степанъ Остряниця*** (называемый и ***Остряниномъ)***, 1638 († въ Варшавѣ, 1639).

42. ***Дмитро Гуня***. съ половины 1638 († въ Варшавѣ 1639).

43. ***Карпо Пôвтора-Кожуха.***

44. ***Максимъ Гулакъ*** (называемый ***Булюкомъ).***

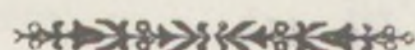
45. Зиновій — ***Богданъ Михайловичъ Хмельницкій*** скончался 1657 г. 27 Іюля.

Впрочемъ къ основнѣйшему изученію отечественной исторіи по части Козацкихъ воинъ и поселеній послужатъ сюда относящіяся сочиненія: В. Г. Рубана, Г. Конисского, Бантышъ-Каменского, Н. Маркевича, А. Ригельмана, А. Скальковского, М. Кояловича, И. Срезневского, М. Максимовича, Н. Костомарова, С. Соловьева, В. Броневского, Н. Краснова и проч.[79])

---

[78]) Память о Гетманахъ Дорошѣ Коцкевичѣ и Леонтіи Бубновскомъ сохранилась въ Хронологіи Гетмановъ составленной монахомъ Гадяцкого монастыря.

[79]) Новѣйшіе польскіе историки, не признавая русского народа отдѣльнымъ отъ польского, не видятъ въ Козацкихъ войнахъ нѣчего больше якъ только chłopskie bunty i hajdamactwo, для того политико-тенденційныя сичиненія ихъ лишь съ большею осмотрительностью могутъ быти употребленными. Изъ Нѣмецкихъ писателей не можемъ не упомянути давнѣйшее сочиненіе I. Ch. Engel's Geschichte der Ukraine und der ukrainischen Cosaken Halle 1796.; а новѣйшее A. von B. Die Kosaken in ihrer geschichtlichen Entwickelung und gegenwärtige Zustände. Berlin, 1860.

СМЕРТЬ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, графа А. К. Толстаго.

— Рече царь: „Нѣсть ли сей Вавилонъ великїй, его же азъ соградихъ въ домъ царства, въ державѣ крѣпости моеѧ, въ честь славы моеѧ!“ Єще словꙋ сꙋщꙋ по оустѣхъ царѧ, гласъ съ небесе бысть: „Тебѣ глаголетсѧ, Навꙋходоносоре царю: царство твое прейде отъ тебе, и отъ человѣкъ отженꙋтъ тѧ и со звѣрьми дикими житїе твое!“

Кн. пр. Даніила, гл. IV, стр. 27.

ДѢЙСТВУЮШІЯ ЛИЦА:

Царь Иванъ Васильевичъ IV-й.
Царица Марія Өедоровна, изъ рода Нагихъ, седьмая мена его.
Царевичъ Өедоръ Ивановичъ, сынъ его отъ первой жены.
Царевна Ирина, жена Өедора, сестра Бориса Годунова.

Члены боярской думы:

Князь Мстиславскій,
Захарьинъ-Юрьевъ, братъ первой жены царя,
Князь Шуйскій,
Бѣльскій,
Князь Щербатый,
Князь Голицынъ,
Князь Трубецкой,
Князь Сицкій,
Шереметевъ,
Татищевъ,
Салтыковъ,
Михайло Нагой, братъ царицы Маріи Өедоровны,
Борисъ Годуновъ, шуринъ царевича Өедора,

Гонецъ изъ Пскова.

Марія Григорьевна, жена Годунова.

Григорій Годуновъ. родственникъ Бориса, } окольничьи.
Григорій Нагой, второй братъ царицы Маріи Феодоровны. }

Гарабурда, посолъ Стефана Баторія.

Битяговскій, } дворяне.
Кикинъ, }

Схимникъ.

Мамка царевича Димитрія.

Дворецкій кремлевскаго дворца.

Дворецкій Александровской слободы.

Дворецкій Годунова.

1-й } волхвы.
2-й }

Ельмсъ, } врачи.
Якоби, }

1-й } пристава.
2-й }

Шутъ.

Ключникъ.

Стрѣлецкій голова.

Стрѣлецкій сотникъ.

Стольникъ.

Лабазникъ.

Сѣнная дѣвушка.

Слуга князя Шуйскаго.

Бояре, окольничьи, рынды, стрѣльцы, народъ, скоморохи, слуги.

Дѣйствіе въ Москвѣ, 1584 года.

I. Содержаніе.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Прежде поднятія занавѣса слышны на сценѣ шумъ и споры. Занавѣсъ подымается. Боярская дума. На лавкахъ, стоящихъ вдоль стѣнъ и образующихъ фигуру Покоя, сидятъ бояре: на средней лавцѣ князь Мстиславскій, Захарьинъ-Юрьевъ, Бѣльскій и другіе старшіе бояре; на боковыхъ младшіе; на концѣ правой боковой лавки, у просценіума, Борисъ Годуновъ; съ лѣвой стороны, напротивъ Годунова, Михайло Нагой, схвативъ Салтыкова за воротъ, старается стащитъ его съ мѣста.

Бояре, съ повелѣнія царя Мстиславскимъ на важный совѣтъ созванны, спорятъ о старшинство въ думѣ, о мѣста, и захотѣли даже нелѣпую, обычную того времени ссору рѣшатп по „разряднымъ книгамъ," по списаннымъ тамъ заслугамъ предковъ. Однакожъ поважнѣйшій отъ нихъ, Захарьинъ спамятуетъ думныхъ словами:

Бояре!
Иль вы забыли, для чего мы здѣсь?
Возможно-ль? Якъ? Въ теперешнюю пору.
Когда, свершивъ сыноубійство, царь
Терзается раскаяньемъ, когда
Отъ міра онъ рѣшился отойти,
И мимо своего втораго сына,
Ѳеодора, его болѣзни ради,
Намъ указалъ достойнѣйшаго выбрать,
Кому-бъ онъ могъ державу передать —
Когда межъ тѣмъ враги со всѣхъ сторонъ

Воюютъ Русъ — кругомъ и моръ и голодъ —
Вы въ самую ту пору о мѣстахъ
Тягаетесь? Опомнитесь, бояре!
Теперь должны мы каждый другъ за друга
Держаться крѣпко, да не сгинетъ Русъ!
Забудемте-жъ разряды! Безъ разсчетовъ
Къ прискорбному приступимъ избиранью
И будемте безъ мѣстъ!

Такъ Бояре роздумуютъ, якъ понимати рѣшительно объявленную царскую волю объ оставленіи престола и избраніи новаго царя. Мстиславскій каже:

„Не вѣрилось и мнѣ,
„Пока не топнулъ онъ на насъ ногою
„И не велѣлъ мнѣ думу собирать."

Пригадуюъ, что двацять лѣтъ тому назадъ Іоаннъ тоже такъ хотѣлъ бросить свой престолъ и отъѣхалъ —— но на моленіе народа возвратился на Москву „и снова принялъ государство; однакожъ съ трепетомъ помнятъ заведеніе „Опричины," опалы, муки, казни. Мимо тіи сумны гадки рѣшаются бояре по приказу царскому избирати изъ среди своей новаго царя; но когожъ? Новое затрудненіе: По основнымъ причинамъ минаютъ обохъ царскихъ сыновьей, Ѳедора и Димитрія, высуваютъ по достоинству и заслугамъ другъ друга; но вскорѣ вытѣсняютъ кандидата за приманчивый образъ царскаго престола.

Наконецъ отъ части въ недоумѣнію, отъ части въ лабиринтѣ честолюбивыхъ личныхъ стремленій старѣйшинъ думы даютъ слово молодшему, на видъ смиреннѣйшему боярину, Годунову, который постепенно возвышаетъ голосъ свой и такъ разсуждаетъ:

Бояре, вы великихъ предковъ внуки!
И ты, названный мой отецъ, Никита
Романовичъ, наставникъ мой любезный!
Я-бъ не дерзнулъ мое вамъ молвить слово,
Когда бъ вы сами мнѣ не приказали!....

Вамъ вѣдомо, великіе бояре,
Якія на Руси теперь настаяи
Крутыя времена: король Батуръ
За городомъ у насъ воюетъ городъ;
Въ его рукахъ Усвятъ, Велижъ и Полоцкъ;
Великихъ Лукъ ужъ взорваны имъ стѣны,
И древній Псковъ, нашъ кровный русскій городъ,
Безчисленнымъ онъ войскомъ обложилъ.
Межъ тѣмъ въ Ливонію ворвался шведъ,
Завоевалъ Иванъ-городъ, Копорье;
А тамъ съ востока и съ полудня ханъ
Опять орду вздымаетъ; сотни тысячъ
Уже идутъ на Тулу и Рязань;
Болѣзни, голодъ, моръ — а въ довершеньe,
Намъ черемисы мятежомъ грозятъ!
Бояре, можно-ль при такой невзгодѣ,
При горестномъ шатаньи всей Руси,
О перемѣнѣ думать государя?
Положимъ, вы такого-бъ и нашли,
Который былъ бы по сердцу всей думѣ —
Увѣрены-ли вы, что и народъ
Его зохочетъ? что угоденъ будетъ
Онъ всей землѣ? А если невзначай
Начнутся смуты? Что тогда, бояре?
Довольно ли строенья между насъ,
Чтобы врагамъ и внутреннимъ и внѣшнимъ
Противостать и дружный дать отпоръ?
Великая въ обычаѣ есть сила;
Привычка людямъ — бичъ, или узда;
Яковъ ни будь наслѣдственный владыко,
Охотно повинуются ему;
Сильнѣе онъ и въ смутную годину,
Чѣмъ въ мирную новоизбранный царь.
Полвѣка будетъ, что Иванъ Василичъ
Надъ нами государитъ. Гнѣвъ и милость
Смѣнялись часто въ тотъ длинный срокъ,
Но глубоко въ сердца вростила корни
Привычка безусловнаго покорства
И долгій трепетъ имени его.
Бояре! Намъ твердыня то имя!

Мы держимся лишь имъ. Давно отвыкли
Собой мы думать, дѣйствовать собой;
Мы цѣлаго не составляемъ тѣла;
Та власть, что насъ на части раздробила,
Она жь одна и связываетъ насъ;
Исчезни власть — и тѣло распадется!
Единое спасенье намъ, бояре,
Идти къ царю немедля, всею думой,
Соборомъ цѣлымъ пасть къ его ногамъ
И вновь молить его, да не оставитъ
Престола онъ и да поддержитъ Русь!

ГОВОРЪ.

Онъ дѣло говоритъ! — Мы безъ Иванъ
Василича пропали! — Лучше прямо
Идти къ нему! — онъ Государь законный! —
Подъ нимъ не стыдно! — Да! Идти къ нему!
Просить его! — Просить его всей думой!

Только бояринъ князь Сицкій прекословитъ тому мнѣнію, и въ ревности своей такую дерзкую противъ Царя — тирана смѣетъ рѣчь держати:

Бояре! Бога ли вы не боятесь?
Иль вы забыли, кто Иванъ Василичъ?
Что значутъ нѣмцы, ляхи и татары
Въ сравненьи съ нимъ? Что значутъ моръ и голодъ,
Когда самъ царь ничто какъ лютый звѣрь!

А на возраженія старшихъ порывается ораторъ и громитъ:

Не я, а ты, вы всѣ ума лишились!
Иль есть изъ васъ единый, у кого бы
Не умертвилъ онъ брата, иль отца,
Иль матери, иль ближняго, иль друга?
На васъ смотрѣть, бояре, тошно сердцу!
Я бы не сталъ васъ подымать, когда бы
Онъ самъ съ престола не хотѣлъ сойти —
Не хуже васъ писаніе я знаю —
Я не на бунтъ зову васъ — но онъ самъ,

Самъ хочетъ перестать губить и рѣзать,
Постричься хочетъ, чтобы наконецъ
Вздохнула Русь — а вы просить его
Сбираетесь, чтобъ онъ подолѣ рѣзалъ!

Такую возмутительную бесѣду приняла дума равнодушно; самъ Годуновъ отвѣчаетъ только мягко:

Князь, про царя такія рѣчи слышать
Не гоже намъ. Ты мовилъ сгоряча —
Доносчиковъ не чаю между нами —
Тебѣ жъ отвѣчу: выбора намъ нѣтъ!
Изъ двухъ грозящихъ золъ кто усомнится
Взять меньшее? Что лучше: видѣть Русь
Въ рукахъ враговъ? Москву въ плѣну у хана
Церквей, святыней поруганье? — или
По прежнему съ покорностью сносить
Владыку Богомъ даннаго?......

На тую рацію соглашается дума, будь-то отъ нужды; и Сицкій поражаетъ бездушныхъ при своемъ отступленіи словами:

„Идите-же! Идите всѣ къ нему!
Идите въ бойню, какъ баранье стадо!
Мнѣ дѣлать болѣ нечего межъ васъ!"

Бояре спамятались скоро, скрѣпляютъ свое прежнее рѣшеніе, поручаютъ самому Годунову вести слово передъ царемъ и уходятъ тудаже.

Вторая сцена открываетъ намъ царскую опочивальню: Іоаннъ, блѣдный, одѣтый въ черную рясу, сидитъ въ креслахъ, съ четками въ рукахъ. Возлѣ него, на столѣ, мономахова шапка; съ другой стороны, на скамьѣ, полное царское облаченіе. При немъ Григорій Нагой прислугуетъ ему и потѣшаетъ страждущего. Но царь при сей способности дѣлаетъ будьто откровенную исповѣдь, уличаетъ себе беспощадно въ нахальствѣ, во лжи и во всѣхъ своихъ тиранскихъ поступкахъ, между инными каже:

Оступился мой умъ!
Изныло сердце; руки неспособны
Держать бразды; ужъ за грѣхи мои
Господь послалъ поганымъ одолѣнье,
Мнѣ-жь указалъ престолъ мой уступить
Другому; беззаконія мои
Песка морскаго паче: сыроядецъ —
Мучитель — блудникъ — церкви оскорбитель —
Долготерпѣнья божьяго пучину
Послѣднимъ я злодѣйствомъ истощилъ!

Нагой старается извинити его въ убійствѣ сына — наслѣдника; но Іоаннъ возражаетъ:

Неправдя!
Нарочно я, съ намѣреніемъ, съ волей,
Его убилъ! Иль изъ ума я выжилъ,
Что ужъ и самъ не зналъ, куда кололъ?
Нѣтъ — я убилъ его нарочно! Навзничь
Упалъ онъ; кровью обливаясь; руки
Мнѣ лобызалъ, и умирая, грѣхъ мой
Великій отпустилъ мнѣ, но я самъ
Простить себѣ злодѣйства не хочу!
(Таинственно).
Сегодня ночью онъ являлся мнѣ,
Манилъ меня кровавою рукою,
И схиму мнѣ показывалъ и звалъ
Меня съ собой, въ священную обитель
На Бѣломъ озерѣ, туда, гдѣ мощи
Покоятся Кирилла Чудотворца.
Туда и прежде иногда любилъ я
Отъ треволненья міра удаляться;
Любилъ я тамъ, вдали отъ суеты,
О будущемъ покоѣ помышлять,
И забывать людей неблагодарность
И злыя козни недруговъ моихъ!
И умилительно мнѣ было въ кельѣ
Отъ долгаго стоянья отдыхать,
Въ вечерній часъ слѣдить за облаками;
Лишь вѣтра шумъ да чаекъ слышать крики,
Да озера однообразный плескъ.

Тамъ тишина! Тамъ всѣхъ страстей забвенье!
Тамъ схиму я прійму и, можетъ быть,
Молитвою, пожизненнымъ постомъ
И долгимъ сокрушеньемъ заслужу я
Проценье окаянству моему!
(Помолчавъ).
Поди, узнай, зачѣмъ такъ долго длится
Ихъ совѣщанье? Скоро-ли они
Свой постановятъ приговоръ и съ новымъ
Царемъ пріидутъ, да возложу, не медля,
Я на него и бармы и вѣнецъ!
(Нагой уходитъ).
Все кончено! Такъ вотъ куда приводитъ
Меня величья длинная стезя!
Что встрѣтилъ я на ней? Одни страданья!
Отъ младости не вѣдая покоя,
То на конѣ, подъ свистомъ вражьихъ стрѣлъ,
Языцей покоряя, то въ синклитѣ,
Сражаяся съ боярскимъ мятежемъ,
Лишь длинный рядъ я вижу за собою
Ночей безсонныхъ и тревожныхъ дней!
Не кроткимъ былъ я властелиномъ — нѣтъ!
Я не умѣлъ обуздывать себя!
Отецъ Сильвестръ, наставникъ добрый мой!
Мнѣ говорилъ: „Иване, берегись!
„Въ тебя вселиться хочетъ сатана!
„Не отверзай души ему, Иване!"
Но я былъ глухъ къ рѣчамъ святаго старца
И душу я діаволу отверзъ!
Нѣтъ, я не царь! я волкъ! я песъ смердящій!
Мучитель я! Мой сынъ, убитый мною!
Я Каина злодѣйство превзошелъ!
Я прокаженъ душой и мыслью! Язвы
Сердечныя бесчисленны мои!
О, Христе-Боже! Исцѣли меня!
Прости мнѣ, какъ разбойнику простилъ Ты!
Очисти мя отъ несказанныхъ скверней
И ко блаженныхъ лику сочетай!
(Нагой поспѣшно возвращается).

Тутъ является предъ Іоанномъ вожделѣнный гонецъ: Онъ приноситъ вѣсть отъ Пскова, осажденного великою силою польскою и литовскою подъ начальствомъ самого короля Баторія; повѣствуе просторонно о приступахъ, о иройской оборонѣ города русскими, и о счастливомъ отпорѣ великаго приступа. Гонецъ заключаетъ свою повѣсть

Этотъ приступъ
Послѣдній былъ. Король ушелъ отъ Пскова,
Замойскому осаду передалъ.

Іоаннъ не долго наслаждается возторжествованіемъ надъ своимъ непримиримымъ врагомъ Баторіемъ; тутъ бо приноситъ стольникъ письмо къ Іоанну:

„Отъ Курбскаго, подвластнаго когда-то
„Тебѣ слуги, теперь короны польской
„Владѣтельнаго Ковельскаго князя,
„Поклонъ. Внимай моимъ словамъ..."

Письмо полное ругательствъ, и обличеній н. пр.:

„Ты понялъ-ли, о, царь,
„Что всѣ твои шуты и скоморохи
„Не замѣнятъ замученныхъ вождей?
„Ты понялъ-ли, что въ машкерахъ плясанье
„И афродитскія твои дѣла
„Не все равно, что битвы въ чистомъ полѣ?
„Но ты о битвахъ, кажется, не мыслишь?
„Свое ты войско бросилъ..."

Царь велѣлъ Нагому прочитати ее въ слухъ и потерпѣлъ выслушати до конца:

„Да будетъ
„Сіе мое смиренное посланіе
„Тебѣ лозой полезной! Аминь!"

При послѣднихъ словахъ не устоялъ уже царь, онъ вырываетъ у Нагаго письмо, смотритъ въ него и начинаетъ мяти бумагу. Его дергаютъ судороги, и въ великой досадѣ говоритъ Іоаннъ:

За безопаснымъ сидя рубежомъ,
Ты лаешься какъ песъ изъ-за ограды!
Изъ рукъ моихъ ты не изволилъ, княже,
Пріять вѣнецъ мгновенныхъ мукъ земныхъ
И вѣчное наслѣдовать блаженство!
Но не угодно ль милости твоей
Пожаловать въ Москву и мнѣ словесно
То высказать, что ты писать изволишь?
(Озирается).
И нѣту здѣсь ни одного изъ тѣхъ,
Которые съ нимъ мыслили? Ни брата —
Ни свояка — ни зятя — ни холопа!
Нѣтъ никого! Со всѣми я покончилъ —
И молча, долженъ проглотить его
Ругательства! Нѣтъ никого въ запасѣ!
(Входитъ стольникъ).

Тутъ стольникъ заповѣдаетъ пришествіе боярской думы и тѣмъ перемѣняется расположеніе души мстительнаго царя въ иронію надъ самымъ собой и надъ тоюже боярскою думою:

Они пришли
Меня смѣнять! Обрадовались, чай!
Долой отжившаго царя! Пора-де
Его какъ вѣтошь старую закинуть!
Ужъ веселятся, чай, воображая,
Какъ изъ дворца по Красному Крыльцу
Съ котомкой на плечахъ сходить я буду!
Изъ милости, пожалуй, Христа ради,
Кафтанишко они оставятъ мнѣ!
Посмотримъ же, кому пришлося мѣсто
Мнѣ уступать? Прошу бояръ войти!
(Стольникъ выходитъ).
Во истину! Что имъ за государь я?
Подъ этой-ли монашескою рясой
Узнать меня? Ужъ я ихъ отучилъ
Передъ вѣнчаннымъ трепетать владыкой!
Какъ пишетъ Курбскій? Войско-де я бросилъ?
И сталъ смѣшонъ? И ужъ пишу нескладно?
Какъ пьяная болтаю баба? Такъ-ли?
Посмотримъ же, кто ихъ премудрый царь,

Который заживо взялся по мнѣ
Наслѣдовать?
(Входятъ бояре).
Бью вамъ челомъ, бояре!
Довольно долго совѣщались вы;
Но наконецъ вы приговоръ вашъ думный
Постановили, и конечно мнѣ
Преемника назначили такого,
Которому не стыдно сдать престолъ?
Онъ, безъ сомнѣнья, родомъ знаменитъ?
Не меньше насъ? умомъ же, ратнымъ духомъ,
И благочестіемъ и милосердьемъ
Насъ и получше будетъ? — Ну, бояре?
Предъ кѣмъ я долженъ преклонить колѣна?
Предъ кѣмъ пасть ницъ? Передъ тобой-ли, Шуйскій,
Иль предъ тобой, Мотиславскій? Иль, быть можетъ,
Передъ тобой, бояринъ нашъ Никита
Романовичъ, враговъ моихъ застунникъ?
Отвѣствуйте — я жду!

Тутъ бояре за проводомъ Годунова объясняются въ преданности своей и повергаются на колѣна предъ царемъ Іоаннъ будьто даетъ умолятись:

Пусть же будетъ
По вашему! Я покаряюсь думѣ.
Въ неволѣ крайней, сей златой вѣнецъ
Беру опять а учинусь паки
Царемъ руси и вашимъ господиномъ!"

Надѣваетъ Мономахову шапку и царское облаченіе (бармы), цѣлуетъ Годунова въ знакъ удовольствія и, загрозивъ всей думѣ посвоему, спросилъ про Сицкаго и въ слѣдующемъ приговорилъ его къ смерти:

Онъ не хотѣлъ? Смотри, какой затѣйникъ!
Вишь, что онъ выдумалъ! Когда вся дума,
Соборомъ всѣмъ просить меня рѣшила —
Онъ не хотѣлъ! Онъ, значитъ, за одно
Съ литовцами? И съ ханомъ Перекопскимъ?
И съ Курбскимъ? — Голову съ него долой!

За тѣмъ объявилъ царь желаніе возобновити переговоры съ посломъ англиканьской королеви Елисаветы, уходитъ въ церковь — а за нимъ бояре.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена въ дворцѣ Іоанна. Гадуновъ съ старымъ шуриномъ царя, бояриномъ Захарьинымъ разбираютъ нелѣпый замыслъ царя развестись съ царицею Маріею и сватать себѣ черезъ посла племяницу великой королеви, Хастинскую княжну. Они совѣтуютъ — но тщетно — якимъ образомъ отклонити Царя отъ пагубнаго намѣренія. Входитъ царь съ грамотами въ рукахъ, велитъ Захарьину объявити народу, что король Баторый по Псковской неудачи шлетъ изъ Варшавы посла, и мира проситъ у него, Іоанна. А съ Годуновымъ возобновленный царь ведетъ рѣчь объ важномъ государственномъ дѣлѣ, о извѣстной намъ свадьбѣ; и тутъ Годуновъ дерзнулъ представити любовь народа къ благочестивой царицѣ Маріи, на жертву новому а осьмому супружеству его посвященную. Строгимъ укореніемъ царь наказавъ Годунова:

Кончилъ? Ободренье
Мое пошло тебѣ, я вижу, въ прокъ,
И дерзокъ ты во истину не мало!
Мою ты видя милость надъ собой,
Конечно мнишь, что я для руководства
Тебя держу? Что ты ко мнѣ приставленъ
Отъ земста, что-ль? Хулить, иль одобрять
Мои дѣла? и можешь гнуть меня
Какъ вѣтеръ трость? Достойно смѣху, право,
Какъ всѣмъ бы вамъ со мной играть хотѣлось
Въ попы Сильвестры! На твоихъ губахъ
И молоко въ ту пору не обсохло,
Какъ я попу Сильвестру съ Алексѣемъ
Ужъ показалъ, что я не отрокъ имъ!
По моему съ тѣхъ поръ уразумѣнью,

Какъ прибыльнѣй для царства моего
Такъ я чиню, и не печалюсь тѣмъ,
Что скажетъ тотъ, иль этотъ обо мнѣ!
Не на день я, не на годъ устрояю
Престолъ Руси, но въ долготу вѣковъ;
И что вдали провижу я, того
Не видѣть вамъ куринымъ вашимъ окомъ!
Тебя ле, знай, держу лишь для того,
Что ты мою вершишь исправно волю;
А въ томъ и вся твоя заслуга. Встань —
На этотъ разъ тебя прощаю — впредь же
Въ совѣтчики не суйся мнѣ! Посла
Ты пригласишь и принесешь мнѣ завтра
Его послѣднiй уговоръ!

(Уходитъ въ другую дверь).

И оставляетъ Годунова распамятывающего теперь свою судьбу, свое назначанiе.

Сцена перемѣняется. Домъ боярина Шуйскаго онъ и его партiя: Мстивславскiй, Бѣльскiй, Михайло и Григорiй Нагiи, недоброжелатели молодаго, хитраго, къ власти стремлящего боярина, татарскаго происхожденiя, Годунова, гостятся, разсуждаютъ съ завистью значенiе своего природнаго ворога и согласились въ концѣ своенравно, обычнымъ тогда боярскимъ образомъ, затѣями, погубити того Годунова. И такъ посредствомъ нѣкоего Битяговскаго, на всякое буйство и мятежъ готового человѣка, вздумали московскую голодную чернь противъ Годунову, будь-то единственной причины панующей дороговизны, наустити — въ намѣренiи, чтобы она его, ненавистнаго, въ открытомъ бунтѣ разорвала. Среди такаго заговора является самъ Годуновъ. Гостьи въ затрудненiи; одинъ за другимъ прощаются съ хозяиномъ, который тоже на призывъ Iоанна, уходитъ поспѣшно туда-же во дворецъ царскiй, оставляя Годунова въ гостинной комнатѣ — случайно съ Битяговскимъ самъ-на-самъ. Тутъ прозорливый и проницательный властолюбецъ приводитъ Битягов-

скаго до признанія злоумышленій, и принуждаетъ его служити ему самому, Годунову, противъ затѣйникамъ:

Молчи!

Теперь ты долженъ притвориться, будто
Ты служишь Шуйскому. Ступай шататься
По площадямъ, по рынкамъ, по базарамъ,
Но распускай молву, что Шуйскій съ Бѣльскимъ
Хотятъ царя отравой извести;
Что погубить и Өедора рѣшили
И Дмитрія царевичей; что еслибъ
Не Годуновъ — они бы царскій корень
Ужъ извели; что Годуновъ одинъ
Блюдетъ царя и охраняетъ царство.
Ты понялъ?

БИТЯГОВСКІЙ.

Понялъ.

ГОДУНОВЪ.

Приходи сегодня
Ко мнѣ, въ мой домъ, по заднему крыльцу,
Когда стемнѣетъ. Тамъ тебя дворецкій
Проводитъ дальше. Каждый вечеръ ты
Ко мнѣ являться будешь. Все, что Шуйскій
Иль Бѣльскій, иль другой, тебѣ прикажутъ,
Ты будешь мнѣ передавать. И помни:
Гдѣ-бъ ни былъ ты, я за тобой слѣжу —
Не захоти и думать о побѣгѣ.
Различье-жъ, знай, межъ мной и Шуйскимъ то,
Что правежемъ тебя стращаетъ Шуйскій,
А я тебѣ грожу такою казнью,
Какой бы не придумалъ и Малюта
Скуратовъ-Бѣльскій, мой покойный тесть!

(Уходитъ. Битяговскій остается въ оцѣпенѣніи).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Покои царицы Маріи Ѳедоровны. Царица и мамка царевича Димитрія.

ЦАРИЦА.

Что лъ, мамка? Уложила ты его?
Заснулъ ли онъ, голубчикъ мой, царевичъ?

МАМКА.

Заснулъ, царица-матушка, заснулъ!
Ужъ любовалась, на него я глядя;
Лежитъ смирнехонько, закрымши глазки,
И этакъ ручки сжимши въ кулачки.
Вишь, бѣгая, мой свѣтикъ уморился;
Такой живой! Не въ старшаго онъ братца,
Не въ Ѳедора Иваныча пойдетъ!
Тотъ тихъ и смиренъ, словно не царевичъ,
Не то, что братецъ былъ Иванъ Иванычъ!
Тотъ, царствіе небесное ему,
На батюшку похожъ былъ. Охъ, охъ, охъ!
Подумаешь, какъ кончился то онъ!
Ахъ, грѣхъ какой! Не вѣрится доселѣ!

ЦАРИЦА.

Не будемъ говорить про это, мамка.
Не присылалъ ли государь сказать,
Что онъ прійдетъ? Не присылалъ ли онъ
Кого спросить, здоровъ-ли мой царевичъ?

МАМКА.

Нѣтъ, матушка, не присылалъ.

ЦАРИЦА.

Бывало,
Онъ каждый день навѣдывался самъ!

МАМКА.

Нѣтъ, матушка, не присылалъ. А вотъ,
Когда мы давеча гулять ходили,

Къ намъ подходилъ бояринъ Годуновъ,
Бралъ на руки царевича, ласкалъ
И любовался имъ.

ЦАРИЦА.

И ты дала
Ему ласкать царевича? Никто
Его ласкать не долженъ. Слышишь, мамка?

МАМКА.

Такъ, матушка. Бояринъ Годуновъ
Мнѣ то же говорилъ; смотри, молъ, мамка,
Блюди царевича! Ты, говоритъ,
За каждый волосочекъ-молъ его
Предъ Богомъ и землею отвѣчаешь!

ЦАРИЦА.

Послушай, мамка; этакъ не годится
Болтать со всякимъ. Никому впередъ
Ты не давай съ ребенкомъ говорить!

На то заходитъ къ занепокоенной предчувствіями царицѣ единственный всѣмъ другъ — потѣшитель, человѣколюбивый сѣдоглавый бояринъ Захарьинъ, по первой женѣ Іоанна, шуринъ ему — предуготовляетъ тихую и смиренную царицу на предстоящій ей тяжкій ударъ развода:

ЗАХАРЬИНЪ.

Царица, онъ хотѣлъ сегодня утромъ
Быть самъ къ тебѣ. Не покажи и вида,
Что я съ тобой объ этомъ говорилъ.
Я буду здѣсь. Ты-жъ выслушай его
Съ покорностью, и что бъ онъ ни сказалъ,
Не возражай ни слова — будь нѣма!
Единый звукъ, единый вздохъ, движенье
Едкое твое — и ты пропала!
Дай бурѣ прошумѣть еще, быть можетъ,
Смягчится онъ покорностью твоею;
А если нѣтъ — я на свою главу

Прійму ударъ, скажу ему открыто,
Что онъ безсовѣстно чинитъ!

ЦАРИЦА.

Бояринъ,
Спаси меня! Не за себя мнѣ страшно!
Я хлопочу не о себѣ, ты знаешь!
Когда меня Иванъ Васильичъ взялъ,
Не радовалась я высокой чести;
И еслибы со мной, тому три года,
Онъ развелся, я Бога бы за то
Благодарила — но теперь, бояринъ,
Я не одна! Теперь я стала мать!
И если онъ жену возьметъ другую —
Ребенокъ мой — мнѣ страшно и подумать —
Мой маленькій Димитрій — о, бояринъ!
Сама не знаю, что я говорю.
Чего боюсь, не вѣдаю — но смутно
Мнѣ чуется для Дмитрія опасность!
Усовѣсти, уговори царя!
Тебя онъ чтитъ! Пусть онъ съ тобою прежде
Обсудитъ дѣло!

Но заповѣдаютъ прибытье самаго Іоанна. Царица, по совѣту Захарьина, спѣшитъ въ бочную комнату принарядится къ достойному принятью супруга и господина, и тутъ входитъ царь въ сопровожденіи своего единственнаго совѣтника, Годунова. Въ продолженномъ розговорѣ съ нимъ-же объясняется дѣло съ послами иноземными:

ГОДУНОВЪ.

Посолъ Елизаветинъ, Баусъ,
Стоитъ на томъ, что выдать за тебя
Племянницу, Гастинскую княжну,
Соглагна королева; но о томъ-де
Онъ подписать невластенъ уговора,
Пока съ царицей всенародно ты
Не разведешься; да еще прибавилъ,
Чтобъ на Руси ты запретилъ торговлю
Всѣмъ иноземцамъ всякихъ государствъ,

Опричь однихъ лишь англійскихъ гостей.
На этомъ, говоритъ онъ, королева
Намъ обѣщаетъ дружбу и союзъ
И цесаря нѣмецкаго упроситъ,
Чтобы на Польщу двинулъ онъ полки.

ІОАННЪ.

Благодарю сестру Елисавету,
Что нашей дружбой и худымъ родствомъ
Не брезгаетъ она! Но обойтись
Безъ милостей ея теперь мы можемъ,
И цесаря не просимъ намъ помочь.
Уже мы сами скоро за рубежъ
Переведемъ полки. А что узналъ ты
Отъ польскаго посла? Какія земли
Сосѣдъ Степанъ за миръ намъ обѣщаетъ?

ГОДУНОВЪ.

Мы за виномъ, великій государь,
Сидѣли съ нимъ до самаго разсвѣта.
Гарабурда, хоть не природный ляхъ,
А пить здоровъ и говорить охотникъ;
Но вывѣдать я у него не могъ
Съ чѣмъ онъ пріѣхалъ. Одному тебѣ
Открыться хочетъ онъ.

Далѣе царь, разогнавъ взведеныи Годуновымъ сомнѣнія касательно новыхъ вѣстей и приказовъ привезенныхъ лишь только прибывшимъ къ Гарабурдѣ гонцемъ отъ короля Баторія, нетерпливый зветъ царицу, стуча о полъ посохомъ:

Гей! Марья!
Ты долго-ль тамъ укручиваться будешь?

Царица является въ большомъ нарядѣ и, поклонившись Іоанну, останавливается передъ нимъ молча. Іоаннъ смотритъ на нее пристально, заговоривъ про слезы, обвѣщаетъ царицѣ-супрузѣ разительнымъ вопросомъ:

Ты слышишь-ли? Что сталося съ тобою?

А на прорванный всхлипами смиренный упрекъ сцена проводится далѣе:

ІОАННЪ.

Тише!
Я бабьихъ слезъ и криковъ не люблю!

ЦАРИЦА.

Нѣтъ, господинъ мой — я не плачу — нѣтъ —
Ты видишь, я не плачу — но скажи,
Какъ розвестись со мною хочешь ты?
Что скажешь ты святителямъ? Какую
На мнѣ вину найдешь ты?

ІОАННЪ.

Это что?
Ты кажется меня къ допросу ставишь?
Кто ты? Какого ты владыки дочь?
Кому отвѣтъ держать мнѣ о тебѣ?
Иль ты другихъ пригожѣе и краше,
Чтобъ мнѣ тебя какъ кладъ какой беречъ?
Иль я ужъ въ домѣ у себя пе властенъ?
Иль ты царица по себѣ?

ЦАРИЦА.

Прости,
Мой господинъ! Прости! Я не ропщу —
Я не молю о милости — на все
Готова я — но бѣдный мой Димитрій
Чѣмъ виноватъ?

ІОАННЪ.

О немъ не хлопочи.
Мой сынъ въ удѣлъ получилъ городъ Угличъ.
Вины твоей не нужно мнѣ. Тебя
Постричь велю я — вотъ и весь разводъ.
Святителей же, слава-Богу, я
Не пріучилъ въ мой обиходъ вступаться
И требовать отчета отъ меня!

Тутъ покусился праводушный Захарьинъ по разъ последній спамятати прихотливого Царя и мимо предварительныхъ угрозъ Іоанновыхъ говоритъ смѣло:

Великій государь!
Что мы мечемъ завоевали, то
Мечомъ же можно и отнять у насъ.
Все въ божьей волѣ, государь, но Богъ
Лишь добрыя дѣла благословляетъ,
Ты жъ, государь, недоброе затѣялъ:
Твоя царица предъ тобой чиста,
Чиста какъ день! Грѣшно тебѣ царицу
Хотѣть мѣнять на новую жену!
Чѣмъ съ Англіей искать тебѣ союза,
Взгляни на Русь! Каковъ ея удѣлъ?
Ты, государь — скажу тебѣ открыто —
Ты, въ юныхъ дняхъ испуганный крамолой,
Всю жизнь свою боялся мнимыхъ смутъ
И подавилъ измученную землю.
Ты сокрушилъ въ ней все, что было сильно,
Ты въ ней попралъ все, что имѣло разумъ,
Ты безсловесныхъ сдѣлалъ изъ людей
И самъ теперь какъ дубъ во чистомъ полѣ,
Стоишь одинъ, и ни на что не можешь
Ты опереться, если — Богъ избави —
Тебя оставитъ счастіе твое,
Ты предъ несчастьемъ будешь нагъ и бѣденъ.
Несчатье-жъ недалеко, государь!
Не радуйся побѣдѣ надъ Батуромъ —
Есть на Руси другія тѣсноты!
Орда и шведъ грозятъ намъ, а внутри
Неправосудье, неустройство, голодъ!
Ихъ англійскимъ союзомъ не избыть!
Я старъ, великій государь, и близокъ
Уже ко гробу. Незачѣмъ мнѣ даромъ
Тебѣ перечить! Да и самъ-то ты
Ужъ немолодъ, великій государь.
Въ твои лѣта о новомъ бракѣ думать
Грѣшно, да и негоже. Бога-бъ ты
Благодарилъ за добрую царицу,
А не искалъ себѣ другой!

ІОАННЪ.

Микита!
Я далъ тебѣ домолвить до конца.
Ко гробу ближе ты, чѣмъ мыслишь. Мнѣ
Наскучило тебя щадить. Легко-бъ я
Могъ отвѣчачь на болтовню твою,
Но мой отвѣтъ: Я такъ хочу! Довольно!
Ни слова болѣ! Время намъ принять
Батурова посла. Ступай за мной.

(Къ царицѣ).

Ты лъ будь готова въ монастырь идти!

(Уходитъ съ Захарьинымъ).

Престольная палата. Весь дворъ, въ богатомъ убранствѣ, входитъ и размѣщается вдоль стѣнъ. У дверей и вокругъ престола становятся рынды съ товарами на плечахъ. Трубы и колокола возвѣщаютъ приходъ Іоанна. Онъ входотъ изъ внутреннихъ покоевъ вмѣстѣ съ Захарьинымъ.

ІОАННЪ (къ Захарьину).

Впустить посла! Но почестей ему
Не надо никакихъ. Я баловать
Уже Батура болѣ не намѣренъ!

(Захарьинъ уходитъ. Іоаннъ садится на престолъ. Чрезъ пріемную дверь входитъ Гарабурда и съ низкимъ поклономъ останавливается передъ Іоанномъ).

ІОАННЪ (мѣря его глазами).

Не въ первый разъ тебя я вижу, панъ
Гарабурда, передъ моимъ престоломъ.
По смерти Жигимонта короля,
Ты съ порученіемъ ко мнѣ отъ сейма
Былъ присланъ?

ГАРАБУРДА.

Такъ, великій государь.

ІОАННЪ.

Мнѣ помнится, что польскіе паны
Корону предлагали мнѣ?

ГАРАБУРДА.

Такъ есть.

ІОАННЪ.

Но учиниться вашимъ королемъ,
Не сдѣлавъ власть мою наслѣдной властью,
За благо мнѣ не разсудилось. Вы же
Условья не изволили принять.

ГАРАБУРДА.

Великій царь не можно было намъ
Республики нарушить привилегій!
У насъ законъ, чтобъ всякій разъ король
Отъ сейма выбранъ былъ.

ІОАННЪ.

Хорошъ законъ!
Достойнаго онъ въ Генрикѣ владыку
Доставилъ вамъ!

ГАРАБУРДА.

А бѣсъ его возьми!
То былъ совсѣмъ дрянной король! Когда
Отъ насъ утекъ онъ, мы рукой махнули
И выбрали другого.

ІОАННЪ.

Да! Батура,
Того, который дань платилъ султану,
Когда былъ княземъ седмиградскимъ. Ну,
Чего онъ хочетъ? съ чѣмъ тебя прислалъ онъ?

ГАРАБУРДА.

Пресвѣтлый мой великій господинъ!
Король на Польщѣ, седмиградскій князь,
Великій князь литовскій...

ІОАННЪ.

Погоди-ка!
Ты православной вѣры? Мнѣ сказали,
Что ты ходилъ къ обѣднѣ въ нашъ соборъ?

ГАРАБУРДА.

Такъ, государь.

ІОАННЪ.

Зачѣмъ же господиномъ
Схисматика латинскаго зовешь ты?

ГАРАБУРДА.

А потому, великій царь, что онъ
Всѣ вольности Украйны утвердилъ,
Святую церковь нашу чтитъ, и намъ
Ксендзовъ проклятыхъ далъ повыгонять.

ІОАННЪ.

Всѣ вѣры для него равны, я слышалъ;
И басурмановъ также онъ честитъ.
Ну, говори, какое челобитье
Онъ намъ прислалъ? О чемъ просить изволитъ
Сосѣдъ Степанъ?

ГАРАБУРДА.

Онъ проситъ напередъ,
Чтобъ ты, панъ-царь, не звалъ его сосѣдомъ
А воздавалъ и письменно и устно
Ему ту честь, названія и титулъ,
И почести, которыя его
Пресвѣтлому довлѣютъ маестату!

ІОАННЪ.

Ахъ, онъ шутникъ? Теперь? Въ тотъ самый часъ,
Когда домой бѣжалъ онъ изъ-подъ Пскова?
Недурно! дальше!

ГАРАБУРДА.

Далѣ отъ тебя
Онъ требуетъ, чтобъ изъ земли ливонской
Не медля, вывелъ ты свои полки
И навсегда-бъ коронѣ польской отдалъ
Смоленскъ и Полоцкъ, Новгородъ и Псковъ.

(Ропотъ въ собраніи).

На этомъ миръ съ тобою заключить
Согласенъ онъ.

ІОАННЪ.

Посолъ! ты много-ль выпилъ
Ковшей вина? Какъ смѣлъ ты предо мною
Явиться пьяный?

(Къ стольникамъ)

Кто изъ васъ дерзнулъ
Нетрезваго впустить въ мои палаты?

ГАРАБУРДА.

Коли-же милости твоей, панъ-царь,
Условія такія не смакуютъ,
Король Степанъ велитъ тебѣ сказать:
„Чѣмъ даромъ лить намъ кровь народовъ нашихъ,
„Возсядемъ на коней и другъ со другомъ
„Смертельный бой на сабляхъ учинимъ,
„Какъ лыцарямъ прилично благороднымъ!"
И съ тѣмъ король тебѣ перчатку шлетъ.

(Бросаетъ передъ Іоанномъ желѣзную перчатку).

ІОАННЪ.

Изъ васъ обоихъ кто сошелъ съ ума?
Ты иль король? Къ чему перчатка эта?
Не для того-ль, чтобъ ею мнѣ тебя
Бить по лицу? Да ты забыль, собака,
Что предъ тобой не избранный король?
Помазанника божья смѣешь ты
На поле звать? Я поле дамъ тебѣ!
Зашитаго тебя въ медвѣжью шкуру
Велю я въ полѣ псами затравить!

ГАРАБУРДА.

Ни, этого, панъ-царь, не можно.

ІОАННЪ.

Что?
Да онъ не шутитъ-ли со мной? Бояре,
Ужель забавнымъ я кажусь?

ГАРАБУРДА.

Ни, ни!

Посла никакъ зашить не можно въ шкуру.

ІОАННЪ.

Вонъ съ глазъ моихъ! Плетьми его отсюда!
Плетьми прогнать обрзтно къ королю!
Вонъ изъ палаты! Вонъ, собака! Вонъ!

(Хватаетъ у рынды топоръ и бросаетъ въ Гарабурду).

ГАРАБУРДА (отклоняя ударъ).

Поторопился-жъ ты, панъ-царь. Ты, видно,
И не слыхалъ еще того, панъ-царь,
Что изъ Варшавы прибылъ съ новымъ войскомъ
Король Степанъ? Что на границѣ онъ
Ужъ въ пухъ и прахъ разбилъ твои полки?
Ты, видно, не слыхалъ, что шведъ уже
Нарову всялъ? и вмѣстѣ съ королемъ
Готовится на Новгородъ идти?
Дрянные-жъ воеводы у тебя,
Что не дали и знать тебѣ объ этомъ!

ІОАННЪ (вставая съ престола).

Ты лжешь, злодѣй!

ГАРАБУРДА.

А, ей-же Богу, такъ.

Зачѣмъ мнѣ лгать? Нѣтъ, лгать нехорошо.
Коли-жъ, панъ царь, ты выѣхать не хочешь
На честный бой съ пресвѣтлымъ королемъ,
Къ тебѣ король пожалуй на Москву
Поѣдетъ самъ. Теперь же будь здоровъ!

(Уходитъ. Общее смятеніе)

ГОДУНПВЪ (вбѣгая).

Великій государь! Что сдѣлалъ ты?
Ты оскорбилъ Батурова посла?

ІОАННЪ.

Онъ лжетъ какъ песъ!

ГОДУНОВЪ.

Нѣтъ, государь! Все правда!
Сейчасъ гонцы отъ войска прискакали —
Я видѣлъ ихъ — Нарову взяли шведы —
Полки разбиты наши!

ІОАННЪ.

Лгутъ гонцы!
Повѣсить ихъ! Смерь всякому, кто скажетъ,
Что я разбитъ! Не могутъ быть разбиты
Мои полки! Вѣсть о *моей* побѣдѣ
Должна прійти! И нынѣ же молебны
Побѣдные служить по всѣмъ церквамъ!

(Падаетъ въ изнеможеніи въ престольныя кресла).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Площадь въ Замоскворѣчьи. Площадь наполнена возами. Въ сторонѣ хлѣбные лабазы. За рѣкой видѣнъ Кремль. Вечерѣетъ. Толпа народа волнуется передъ лабазомъ.

Тутъ проводится предварительная рынковая драчная сцена между голодной московской черныо а Лабазникомъ, с. е. хлѣбопродавцемъ о цѣну насущнаго, между ними а приставами (коммиссарями), взявшими лабазника въ защиту; по чему ропотъ и молва:

Да, царь въ обиду не давалъ иародъ!
Бывало, самъ выходитъ на крыльцо,
Отъ всякаго примаетъ челобитье
И рядитъ судъ, а судъ его недологъ:
Обидчикъ будь хоть князь, иль воевода,
А уличенъ — такъ голову долой!

И въ тую хвилю общаго негодованія противъ городскому управительству выступаютъ заговорщики боярскіи и поджигатели: первый, Кикинъ, креатура Бѣльскаго, Шуйскаго и ком-

паніи противъ Годунову и успѣваетъ у черни своими нелѣпымн религійно-фантазмагоричными разсказами; но по нимъ прибродился туда мнимый перваго соучастникъ въ бунтовскомъ дѣлѣ, Битяговскій, теперь-же орудіе Годунова. Скоморошнымъ образомъ подѣйствовалъ онъ скоро противъ Кикину съ такимъ успѣхомъ, что шаткій народъ наконецъ не знаетъ кого отъ обоихъ ссорящихся противныхъ агитаторовъ — или ихъ обоихъ схватити въ руки и передати судови, — пока не явился на площади родственникъ Годунова, Григорій, съ утѣшительнымъ обвѣщеніемъ:

Зарѣченскіе люди
Московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ!
Слуга царевъ, его бояринъ ближній,
Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ,
Шлетъ вамъ поклонъ. Скорбя о вашей долѣ
И вѣдая всѣ ваши тѣсноты,
Повѣтріе и ржи дороговизну,
Онъ хлѣбные запасы на Москвѣ
Какіе есть, изъ собственной казны,
Скупаетъ всѣ, и завтра приказалъ
Раздать ихъ вамъ безденежно, а васъ
Молиться проситъ о его здоровьѣ!

Тогда народъ склонился совсѣмъ на сторону боярина Годунова. Кикинъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ, а Битяговскій восторжествовалъ.

Сцена смѣняется. Покои Царя. Ночь. Царица, царевна, и Царевичъ Ѳеодоръ, а послѣ вступаетъ самъ Царь въ семейное коло, опираясь на свой посохъ и на Годунова; за нимъ бояре. Съ торжественнымъ видомъ, отгадавъ видимое знаменіе небесное, кометы, гласитъ

ЦАРЬ.

Ступайте всѣ сюда! — Всѣ подойдите
И слушайте! (Садится).
Я знаменіе понялъ!
Волхвы, которыхъ я собрать велѣлъ,
Мнѣ новаго не скажутъ — самъ я понялъ!

А далѣй до испуганыхъ (до сына)

Встань и не хнычь. Еще успѣешь хныкать.
Сперва принять ты долженъ государство.
Встань, говорю тебѣ!

(Женщины подымаютъ вопль).

Молчите, бабы!
Успѣете! Позвать ко мнѣ врача!
Царица Марья — я съ тобой наседни
Негоже говорилъ — забудь о томъ.
Сынъ Ѳедоръ — ты въ тяжелый, трудный часъ
Восходишь на престолъ — ты думалъ-ли
Что будешь дѣлать, какъ меня не станетъ?

А къ призванному врачу:

А, вотъ ты! Что? Къ чему мнѣ послужила
Твоя наука? Умереть я долженъ!
Скажи, когда умру я? Говори!
Я знать хочу! . . . .
. . . .
Неправда! я умру — я знаю вѣрно!
Кровавая звѣзда — я развѣ слѣпъ?
Я понялъ все! . . . .
. . . .
Ты лжешь!
Тебя бояре подкупили; Курбскій
И всѣ мои злодѣи подкупили;
Чтобъ умеръ я безъ покаянья. А?
Кто подкупилъ тебя? . . . . . .
. . . .
Я не умру
Безъ покаянья! Слышишь? Я успѣю
Покаяться!

(Къ боярамъ).

Успѣю — вамъ на зло!
Позвать волхвовъ! Отъ нихъ узнаю я,
Когда мой часъ прійдетъ. А до того
Я царь еще! Я наказать съумѣю
Того изъ васъ, кто хочетъ, чтобъ я умеръ
Какъ песъ, безъ покаянья!

Сцена съ двумя волхвами, предвѣщающими цареви смерть въ слѣдующій Кириллинъ день, 18 Марта, кончится серди химерическихъ возраженій тирана сими словами:

ІОАННЪ.

Нѣтъ! Богъ свидѣтель мнѣ,
Отъ власти той я отрекаюсь! Васъ же,
Богоотступниковъ, я выдамъ церкви!
Сковать обоихъ и съ другими вмѣстѣ
Отвесть въ тюрму!

(Волхвовъ уводятъ).

Осмьнадцатаго марта!
Немного дней осталось мнѣ. Явиться
Предъ судьей пришла пора. Но я
Не дамъ моимъ врагамъ торжествовать
И съ миромъ всѣ мои покончу счеты!

(Къ Годунову).

Борисъ! Сходи въ опочивальню — тамъ
На полицѣ лежитъ, подъ образами,
Начатый мной синодикъ. Принеси
Его сюда.

(Годуновъ уходитъ, Іоаннъ продолжаетъ, косясь на бояръ):

Ни одного изъ тѣхъ,
Которыхъ я казнилъ за ихъ измѣны,
Я не оставлю безъ поминованья —
Ни одного! Послѣднему холопу
Назначу вкладъ за упокой! — Что взяли?

(Годуновъ возвращается съ бумагою).

Поди сюда. Такъ. Это тотъ синодикъ.
Прочти мнѣ вслухъ — возьми перо — и если
Кого нибудь еще припомню я,
Того ты впишешь!

ГОДУНОВЪ (беретъ перо и читаетъ):

„Упокой, Господь,
„Твоихъ рабовъ: боярина Михайлу,
„Окольничьихъ Ивана и Петра,
„Боярина Василія съ женою,

„Да ихъ холопей тридцать человѣкъ.
„Помилуй воеводу внязь Григорья
„Съ княгинею, съ двумя ихъ дочерьми,
„Да съ малолѣтнимъ сыномъ, а при нихъ
„Холопей ихъ сто-двадцать человѣкъ.
„Боярина князь Якова съ княгиней
„Маріею, съ княжной Елисаветой,
„Съ княжатами съ Никитой и съ Иваномъ,
„Да ихъ холопей сорокъ человѣкъ.
„Игуменовъ Корнилія, Васьяна,
„Архіерея Леонида, съ ними-жъ
„Пятнадцать иноковъ..."

ІОАННЪ.

Постой — пятнадцать?
Ихъ было болѣ двадцать; напиши!

ГОДУНОВЪ (пишетъ и продолжаетъ):

„Помилуй, Господи, и упокой
„Крестьянъ опальныхъ селъ и деревень
„Боярина Морозова, числомъ
„До тысячи двухсотъ. Трехъ нищихъ старцевъ,
„Затравленныхъ медвѣдемъ. Девять женокъ,
„Что привезли изъ Пскова. Всѣхъ сидѣльцевъ
„Которые сдалися королю
„И были имъ отпущены на волю,
„Числомъ двѣ тысячи... Новогородцевъ,
„Утопленныхъ и избіенныхъ
„Двѣнадцатъ тысячь, ихъ же имена
„Ты вѣси, Господи!..."

Но вѣсть, что громъ ударилъ въ царскій теремъ и до дна его сжегъ, — такое необыкновенное явленіе природы:

Грозы, громъ въ безоблачное утро, зимою!

прекращаютъ составленіе списка жертвамъ лютости грознаго, и заставляютъ Царя призадуматися надъ знаменами наступающаго Суда божія:

ІОАННЪ (про себя).

Да! Это божій гнѣвъ!
Въ покоѣ томъ я сына умертвилъ —
Тамъ онъ упалъ — межь дверью и окномъ —
Разъ только вскрикнулъ, и упалъ — хотѣлъ
За пологъ ухватиться, но не могъ —
И вдругъ упалъ — и кровь его изъ раны
На пологъ брызнула —

(Вздрогнулъ).

Что это было?
Борисъ — оставь, оставь теперь синодикъ —
Мы послѣ кончимъ! Слышите? Что тамъ
Скребетъ въ подпольѣ? Слышите? Еще!
Еще! Все ближе! Да воскреснетъ Богъ!
Я царь еще! Мой срокъ еще не минулъ!
Я царь еще — покаяться я властенъ!
Ирина, Ѳедоръ, Марья! Станьте здѣсь —
Другъ подлѣ друга. Ближе, такъ, бояре!
Всѣ рядомъ станьте здѣсь передо мной —
Чего боитесь? Ближе! Я у всѣхъ,

(кланяется въ землю).

У всѣхъ у васъ прощенія прошу!

(Къ боярумъ стоя на колѣнахъ).

Вы, вѣрные рабы мои и слуги!
Межъ вами нѣтъ ни одного, кого-бъ
Не оскорбилъ я дѣломъ, или словомъ!
Простите-жъ мнѣ! Ты Бѣльскій — ты Захарьинъ —
Ты князь Мстиславскій — ты князь Шуйскій — ты...

ШУЙСКІЙ.

Помилуй, государь! Тебѣ-ль у насъ
Прощенія просить?...

ІОАННЪ.

Молчи холопъ!
Я каяться и унижаться властенъ
Предъ кѣмъ хочу! Молчи и слушай: каюсь:
Моимъ грѣхамъ нѣсть мѣры, ни числа!
Душою скотенъ — разумомъ растлѣнъ —

Прельстился я блещаньемъ багряницы,
Главу мою гордыней осквернилъ,
Уста божбой, языкъ мой срамословьемъ,
Убійствомъ руки и грабленьемъ злата,
Утробу объяденіемъ и пьянствомъ,
А чресла несказуемымъ грѣхомъ!
Бояре всѣ! Я васъ молю — простите,
Вы всѣ простите вашему царю!

(Кланяется въ землю).

ЗАХАРЬИНЪ.

Царь-государь! Когда то Божья воля,
Чтобъ ты отъ міра въ вѣчность отошелъ,
То о дѣлахъ теперь подумать долженъ
И о войнѣ, которую оставишь
Въ наслѣдство сыну, а грѣхи твои
Мы всѣ тебѣ усердно отпускаемъ
И Господа всѣ молимъ за тебя!

ІОАННЪ (вставая).

Ты правъ, старикъ. Сынъ Ѳедоръ, подойди!
Немного дней — и ты на царство сядешь —
Услышь теперь послѣдній мой наказъ:

(Опускается въ кресла).

Цари съ любовію и съ благочестьемъ,
И съ кротостью. Напрасно не клади
Ни на кого ни казни, ни опалы.
Моимъ врагамъ, которыми отъ царства
Я прогнанъ былъ и, аки бѣдный странникъ,
Искалъ себѣ пріюта на Руси,
Не мсти по мнѣ — Всевышній насъ разсудитъ!
Мою царицу, мачиху твою,
Блюди и милуй; съ Дмитріемъ же, съ братомъ
Будь за одинъ; не захоти никакъ
Присвоивать себѣ его удѣла,
Занеже Каинъ Авеля убилъ,
Наслѣдства же не взялъ братоубійца.
Войну съ Литвой старайся кончить миромъ
И силы всѣ на хана устреми.
Совѣтуйся съ Борисомъ; вѣрь ему;

Онъ вѣдаетъ мои предначертанья
И въ думномъ дѣлѣ мной самимъ отъ млада
Былъ вразумленъ. На первый разъ тебѣ
Онъ дѣлатель изрядный будетъ. Послѣ жъ
Дѣламъ посольскимъ, ратнымъ и судейскимъ
Самъ навыкай, чтобъ не тебѣ другіе,
А ты-бъ другимъ указывалъ во всемъ.
Опричину-жъ ты снова-ль учредишь,
Иль будешь всей землею государить —
Въ твоей то волѣ — ты разсудишь самъ
Какъ то тебѣ и брату прибыльнѣе,
А образецъ вамъ учиненъ готовъ.
Ты все-ли понялъ?

ѲЕДОРЪ.

Батюшка! Дастъ-Богъ,
Ты не умрешь! Дастъ-Богъ, еще меня ты
Переживешь молитвами моими!
А мнѣ куда на царство? Самъ ты знаешь,
Я не готовился къ тому!

ІОАННЪ (гнѣвно).

Ѳеодоръ!
Тебя не спросятъ: нелюбо, иль любо —
Ты за меня царство долженъ сѣсть
Когда меня не станетъ!

ѲЕДОРЪ.

Не гнѣвись.
Царь-батюшка — но я молю тебя —
Поставь другого! Мало-ль на Руси
Людей меня достойнѣйшихъ и лучшихъ,
А я, царь-Батюшка, доволенъ былъ бы
И небольшимъ удѣломъ!

ІОАННЪ.

Пономарь!
Я говорю съ тобой какъ съ мужемъ, ты же
Какъ баба отвѣчаешь! Горе! Горе!

Сыноубійцѣ мститъ за брата братъ!
Иванъ, мой сынъ! Мой сынъ, убитый мною!
Я для того-ль всю жизнь провелъ въ борьбѣ,
Сломилъ бояръ, унизилъ непокорство,
Вокругъ себя измѣну подавилъ
И на крови наслѣдный той престолъ
Такъ высоко поставилъ, чтобы вдругъ
Все рушилось со мной!
(Григорій Нагой входитъ съ бумагами).

Въ нихъ новы сумны для царя вѣсти о движеніи хана на Москву и о возстаніи Черемиси и Ногаевъ на царство.

Въ тую тоскливую минуту заповѣдаютъ, что пришелъ ставитись передъ Іоанномъ прежде уже нимъ призванный схимникъ. Всѣ выходятъ. Царь собираетъ духа на розговоръ, на совѣтъ съ благочестивымъ отшельникомъ, со святымъ мужемъ. Предъ нимъ открываетъ Іоаннъ опасности угрожающыя земли и престолу:

Отче, за грѣхи
Господь меня караетъ. Королю
Онъ одолѣнье надо мной послалъ —
Ливонію воюютъ шведы — ханъ
Идетъ съ ордою на Москву — ногаи
И черемисы бунтомъ возстаютъ —
Что дѣлать мнѣ?

СХИМНИКЪ.

Великія-жъ съ тѣхъ поръ
Настали перемѣны! Ты въ то время
Врагамъ былъ грозенъ. Ты стоялъ высоко,
Никто не смѣлъ подняться на тебя;
Мы-жъ знаменье не разъ воспоминали,
Которымъ, при рожденіи твоемъ,
Свидѣтелями были: въ самый часъ,
Какъ ты рождался, громъ ударилъ въ небѣ,
Весь день гремѣлъ при солнечномъ сіяньи,
И было такъ по всей Руси; и много
Отшельниковъ пришло изъ разныхъ странъ

Предвозвѣстить тебѣ твое величье
И колыбель твою благословить.

ІОАННЪ.

Такъ, мой отецъ, И милостивъ былъ долго
Ко мнѣ Господь; но нынѣ отъ меня
Свою десницу отнялъ Онъ. Престолъ мой
Шатается; враги со всѣхъ сторонъ
Меня тѣснятъ!

СХИМНИКЪ.

Пошли на встрѣчу имъ
Твоихъ вождей. Довольно у тебя
Есть воеводъ. Они тебѣ привыкли
Языцей покорять.

ІОАННЪ.

Святой отецъ,
Вождей тѣхъ нѣтъ, которыхъ ты знавалъ!

СХИМНИКЪ.

Ни одного? А гдѣ-жъ Горбатый-Шуйскій,
Князь Александръ Борисовичъ, который
Разбилъ на Волгѣ князя Япанчу?

Схимникъ сгадуетъ за другихъ славныхъ царскихъ слугъ и хоробрыхъ вождей: гдѣ Ѳедоровъ, сокрушившій орду? гдѣ князь Воротынскій?

„Когда Казань мы брали, первый онъ
„Крестъ водрузилъ на вражіей стѣнѣ."
Гдѣ Пронскій князь, Турунтай, который
Литву разбилъ подъ Полоцкомъ?
Гдѣ-жъ князь Щербатый? Оболенскій?
Гдѣ Кашинъ, гдѣ Бутурлинъ? А Серебрянный?
А Морозовъ?

На всѣ тѣ постепенно удивляющіися вопросы Схимника Іоаннъ монотонно съ угрюмымъ раскаяніемъ отвѣчаетъ поодиноко: „казненъ — утопленъ — на ныткѣ умеръ . . ."

Схимникъ приводитъ во памятъ важнѣйшихъ воеводъ; князя Андрея Курбскаго, бѣжавшего въ Литву; но Іоаннови воспоминаніе на измѣнника досаднымъ, а память на убитаго нимъ царевича, способнаго нынѣ стануть въ предводители полкамъ и защищати загроженную изъ всѣхъ сторонъ русскую державу, ему горестною. Онъ за ню хотѣлъ напугати монаха; но резигнація схимника смиряетъ жестокосердного. Совѣтованіе, а лучше исповѣдь кончится отправными словами схимника:

„Всемилостивый Богъ да ниспошлетъ
„Миръ совѣсти своей!"

Дѣйствіе четвертое оканчиваетъ сцена между Іоанномъ а наслѣдникомъ и передними боярами: Мстиславскимъ, Захарьинымъ, Бѣльскимъ и Годуновымъ. Царь знаменіемъ небеснымъ пораженный въ сильномъ предчувстіи близкой своей кончины, творитъ завѣщаніе, придаетъ царевичу присутствующихъ бояръ въ совѣтники и велитъ избраннымъ управителямъ цѣловати крестъ на вѣрность. Но когда Іоаннъ далѣе приказуетъ:

Пословъ въ Литву отправить сею-жъ ночью
И добрый миръ, во что бы то ни стало,
Хотя на срокъ съ Батуромъ учинить.
„Челомъ-де бью возлюбленному брату
„Стефану королю" — и полный титулъ
Весь прописать его, въ концѣ-жъ назвать
Владѣтелемъ ливонскимъ — такъ хочетъ —
„Землею де ливонской бью челомъ
„Возлюбленному брату, и прошу
„Оставить мнѣ одинъ лишь городъ Юрьевъ,
„А остальное будетъ все его!"
Ему же уступаю города:
Велижъ, Усвятъ, Озерище и Полоцкъ,
Изборскъ, Себежъ, Холмъ. Заволчье, Островъ,
Гдовъ, Невель, Луки, Красный и другіе
Всѣ города имъ взятые у насъ!
(Ропотъ между боярами).

Бояре на такъ унизительны уступки ужаснулись, начали роптати, а даже царя упрекати осмѣлились:

ЗАХАРЬИНЪ.

Царь-государь! Когда-бъ и въ самомъ дѣлѣ
Ты самъ погибъ — зачѣмъ же хочешь ты
И Русь еще губить съ собой?...

МСТИСЛАВКІЙ.

Зачѣмъ
Унизить хочешь нашу честь!

ІОАННЪ (гордо).

Когда.
Мои грѣхи предъ смертью искупая,
Я унижаюсь — я, владыко вашъ —
Тогда не вамъ о вашей чести думать!
Ни слова болѣ! — Шуйскій! ты къ разсвѣту
Мнѣ грамоту къ Батуру изготовишь,
А Пушкину съ товарищи велишь,
Чтобы, чѣмъ свѣтъ, они сбирались ѣхать;
Чтобы они въ своихъ переговорахъ
Вели себя смиренно, кротко, тихо,
Чтобы сносили брань и оскорбленья
Безропотно — чтобъ все сносили — все!

БОЯРЕ.

Нѣтъ, государь! Нѣтъ! Этого нельзя!
Ты въ нашихъ головахъ, въ имѣнѣ нашемъ,
Во всемъ воленъ! Но въ нашой земской чести
Ты не воленъ! Нѣтъ, государь! Такого
Никто наказа не подпишетъ!

ІОАННЪ (вставая).

Такъ-то
Присягу бережете вы свою?
Такъ помните Писанье? Въ оный день,
Когда хотѣлъ съ престола я сойти,
Зачѣмъ меня соборомъ вы молили
Остаться на престолѣ? Иль въ тотъ день

Я власть отъ васъ условную пріялъ?
Иль я не тотъ же царь, который вамъ
Отъ Бога данъ и вами жъ избранъ снова?
Иль есть у васъ иной отвѣтъ, какъ только
Повиноваться мнѣ? Или, быть можетъ,
Такъ мало дней осталося мнѣ жить,
Что ужъ не стоитъ мнѣ повиноваться?
Клятвопреступники! Мой срокъ не минулъ!
Я царь еще! Кто смѣетъ говорить,
Что я не царь? Ницъ? Въ прахъ передо мною!
Я вашъ владыко!....

(Шатается).

Подъ страшной смертной казнью,
Пословъ, немедля, снарядить! Велѣть имъ,
Чтобъ все сносили — все терпѣли — все —
Хотя-бъ побои!

(Бояре удаляются).

Боже всемогущій!
Ты своего помазанника видишь —
Достаточно-ль униженъ онъ теперь.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Сцена происходитъ въ домѣ Годунова въ самъ день Кирилловъ, назначенъ волхвами днемъ смерти для Іоанна. Годуновъ, жена его и царевичъ Ѳеодоръ, шуринъ Годунова. Всѣ они печалятся о найближшей будущности каждый въ своемъ нравѣ: властолюбивый Годуновъ по отступленіи царевича изъ комнаты, толкуетъ знаменами и снами затревоженной своей женѣ по своему:

Когда бы въ самомъ дѣлѣ
Случилось то, чего боишься ты,
Не слабою рукою бъ я тогда
Пріялъ бразды! Не власти я страшуся.
Я чувствую въ себѣ довольно силы
Русь поддержать въ годину тяжкихъ бѣдъ!
Нѣтъ, я страшусь, что выпадетъ на долю
Не полная мнѣ власть. Правитель царства,

Каковъ ни будь, онъ тѣнь лишь государя;
Онъ съ завистью другихъ бороться долженъ,
И мысль свою не можетъ воплотить,
Завѣтную, всецѣльно, безъ ущерба,
Какъ могъ бы я, когда бы не въ подданствѣ,
А на престолѣ былъ рожденъ!

Втора сцена сего дѣйствія: Годуновъ въ розговорѣ съ обома волхвами, предсказавшими день смерти Іоанну. На вопросы тогожъ Годунова предвѣщаютъ они ему свѣтлу будущность, открываютъ ему прелестный видъ царскаго престола. Отправивъ волшебниковъ:

ГОДУНОВЪ (одинъ).

„Чего давно душа моя желала,
„Въ чемъ самъ себѣ признаться я не смѣлъ!"
Да, это такъ! Теперь я вижу ясно
Какая цѣль свѣтила мнѣ всегда!
Теперь впередъ, передъ идти мнѣ надо
И прорицанье ихъ осуществить.
Насъ не судьба возноситъ надъ толпою,
Она лишь случай въ руки намъ даетъ —
И сильный мужъ не ожидаетъ праздно,
Чтобъ чудо кверху подняло его.
Судьбѣ помочь онъ долженъ. Случай есть —
И дѣйствовать приходитъ мнѣ пора!
(Топаетъ ногой. Входитъ дворецкій)
Позвать сюда котораго нибудь
Изъ государевыхъ врачей!
(Дворецкій уходитъ).
Семь лѣтъ!
Семь только лѣтъ! И вѣдать не дано мнѣ,
Далекъ тотъ день, иль близокъ? Между тѣмъ
Часы бѣгутъ. Безумьемъ Іоанна
Все рушится — и для моей державы
Готовятся развалины однѣ...
„Но солнце не зашло!" сказали
Сейчасъ волхвы... Кто знаетъ? Можетъ быть!...
Умри сегодня этотъ звѣрь, сегодня жъ
Мой слабодушный деверь власть свою

Мнѣ передасть — *я* буду господиномъ!...
Но то-ли мнѣ волхвы сулили? Нѣтъ!
Они въ вѣнцѣ и въ бармахъ, на престолѣ,
Въ вѣнцѣ и въ бармахъ видѣли меня!
Они сказали: „Три звѣзды покамѣсть
Мое величье затмѣваютъ — три!"
Одна изъ нихъ — то Іоаннъ, другая —
Царевичъ Θеодоръ, третья — кто жъ иной,
Какъ не Димитрій? Тотъ противникъ сильный
Котораго бояться долженъ я,
Кому жъ и быть ему какъ не младенцу
Димитрію? Онъ, онъ преграда мнѣ!
„Слабъ, но могучъ — безвиненъ, но виновенъ —
„Самъ и не самъ" — оно какъ разъ п дходитъ
Къ Димитрію! Но что могло-бы значить:
„Убитъ но живъ?" Какъ дико мнѣ звучитъ
Зловѣщее, загадочное слово:
„Убитъ, но живъ!" Кѣмъ будетъ онъ убитъ!
Не можетъ быть! А еслибъ кто и вправду
Рѣшился руку на него поднять,
То какъ ему, убитому, воскреснуть?
Я словно въ бездну темную гляжу,
Рябитъ въ глазахъ и путаются мысли...
Довольно! прочь безплодныя догадки!
Живъ, иль убитъ — судьба его въ грядущемъ,
Мнѣ жъ дорогъ нынѣ настоящій мигъ!
(Входитъ дворецкій).

Тутъ слѣдуетъ совѣщаніе Годунова съ врачемъ Іоанновымъ, Якоби:

Его болѣзнь, бояринъ, многосложна:
Не плоть одна страдаетъ — болѣнъ духъ.
Отъ юности привыкшій, чтобы все
Передъ его державной гнулось волей,
Послѣдняго не могъ онъ униженья
Перенести. Но добрыя его
Оправили и ободрили вѣсти.
И будетъ здравъ онъ, если намъ удастся
Отъ раздраженій охранить его.

а далѣе:

Бояринъ Бѣльскій,
Чтобъ отъ заботъ и дѣлъ его отвлечь,
Собралъ толпу шутовъ и скомороховъ.
Мысль недурна. Пусть въ играхъ этотъ день
Пройдетъ, и въ смѣхѣ.

Годуновъ, отправивъ врача, призиваетъ къ себѣ Битяговскаго для увѣданія объ успѣхахъ въ поджегѣ народа противъ Шуйскаго и Бѣльскаго, а узнавъ вожделѣнное удаляется.

Сцена смѣняется. Богатая палата во дворцѣ. Слуги вносятъ и разставляютъ драгоцѣнную утварь. За ними надзираютъ дворецкій и ключникъ; приказуя слугамъ они ведутъ розговоры про намѣренную свадьбу царя, жалѣютъ о царицѣ Марьи и примѣчаютъ, якъ народъ:

„У теремовъ съ утра они толпятся:
„Все о здоровьѣ царскомъ узнаютъ!"

Слуги уходятъ. Входитъ Бѣльскій, по нимъ вскорѣ поплясивая и шутъ съ хохотнымъ хороводомъ скомороховъ въ странныхъ нарядахъ, съ гудками и разной посудой. Скоморохи съ пляскою поютъ:

Ой жги, жги, жги!
Настежь, баба, ворота!
Тащи козла за рога!
Ой жги, жги, жги!
Пошла, баба, въ три ноги!

Бѣльскіи осматриваетъ скомороховъ и распоряжаетъ ними:

Изрядно!
Смотрите жъ, хари! Пятокъ не жалѣть!
Передъ царемъ вертѣться кубарями!
Теперь пока ступайте въ ту палату,
Тамъ спрячьтеся. Когда я крикну: *Люди!* —

Вбѣдайте всѣ, да эту пѣсню гряньте
Повеселѣй!

(Скоморохи проходятъ черезъ сцену въ боковую дверь).

А шутови велитъ шутити, якъ только Іоаннъ лишь брови понахмуритъ; тутъ и дверь отворяется:

(Іоанна вносятъ на креслахъ. Онъ въ халатѣ; лицо его изнурено болѣзнью, но выражаетъ торжество. Кресла опускаютъ среди палаты и передъ ними ставятъ небольшой треугольный столъ. За Іоанномъ входятъ Годуновъ, Мстиславскій, Шуйскій и другіе бояре, кромѣ Захарьина).

ІОАННЪ (сидя въ креслахъ, къ Годунову).

Нельзя еще сегодня
Намъ видѣть королевина посла.
Пусть завтра къ намъ онъ, безъ меча и корда,
Откланяться придетъ. Въ опочивальнѣ
Мы примемъ запросто его, Теперь же
Посмотримъ, что назначить намъ въ подарокъ
Сестрѣ Елисаветѣ, да ся
Племянницѣ, невѣстѣ нашей!

Ему подаютъ требуемые дорогоцѣнности, откладаютъ снаряды до ловлѣ для британской королевы въ сторону:

Еще пошлемъ ей двухъ живыхъ медвѣдей,
На золотыхъ цѣпяхъ: да кречетовъ
Сибирскихъ шесть. Пусть тѣшится сестрица,
Да поминаетъ насъ! Княжнѣ жь Хастинской —
Другое дѣло! ей найдемъ нарядъ.
Подать сюда всѣ кольца и монисты!

(Іоанну подаютъ разныя драгоцѣнности. Онъ беретъ ихъ въ руки и осматриваетъ одну за другою).

Вотъ это ожерелье изъ алмазовъ
И яхонтовъ лазоревыхъ съ червцами
Пошлемъ княжнѣ. Лазоревъ темный яхонтъ,
Когда вглядѣться въ глубину его,
Покоитъ душу, скорби разбиваетъ;

Червецъ же вѣрность женскую блюдетъ,
Затѣмъ, что цвѣтъ его сердечной крови.
Изъ перстней же вотъ этотъ ей пошлемъ:
Онъ всѣхъ цѣннѣй: зовется камень Лалъ;
Привозится къ намъ изъ земли индійской,
А достается нелегко, затѣмъ,
Что страховидные тамъ звѣри, грифы.
Его стрегутъ. Отъ укушенья змѣй
Онъ исцѣляетъ. Пусть его невѣста
На пальчикъ свой надѣнетъ, намъ въ любовь!
А что до тканей, въ нихъ я не знатокъ;
О нихъ спросить царицу Марью. Бабы
На томъ собаку съѣли. Что царицѣ
Полюбится, то и послать княжнѣ!

Тутъ и шутъ зашутилъ зъ свадьбы Іоанновой: снявъ колпакъ, ходитъ съ нимъ отъ одного къ другому, будьто прося милостини для фамиліи Нагихъ, съ царицею, отъ царскаго бока отведенныхъ:

„По ниткѣ съ міру
Собираю, царь, Нагому на рубаху!"

Іоаннъ, захохотавъ, отвѣчаетъ шуту:

Не бойся,
Нагимъ не станетъ по прозванью.

а обратившись къ Нагимъ потѣшаетъ ихъ:

Вы!
Коль будете по правдѣ мнѣ служить,
Я не оставлю васъ!

(Окидываетъ глазами сокровища).

Есть, слава-Богу,
Казны довольно у меня; могу
Пожаловать кого хочу; надолго
Еще мнѣ станетъ!

На площади слышны крики народа; онъ шумитъ и веселится о царскомъ здоровью. Обрадованъ тѣмъ и Іоаннъ самъ:

Пусть веселятся! Выкатить на площадь
Имъ сотню бочекъ меду и вина!
А завтра утромъ новая потѣха
Имъ будетъ: всѣхъ волхвовъ и звѣздочетовъ,
Которые мнѣ ложно предсказали
Сегодня смерть, изжарить на кострѣ.
Борисъ; ступай и казнь имъ объяви,
Да приходи повѣдать мнѣ, какія
Они построятъ рожи!
(Годуновъ уходитъ).
Вишь, хотѣли
Со мной шутить! Кириллинымъ, вишь, днемъ
Хотѣли запугать! Никто не можетъ
Кончины день узнать впередъ! Никто!
Вы! Слышите ли?

Окружающіи его Шуйскій и Мстиславскій отвѣчаютъ на вопросы терпящего съ приличнымъ вниманіемъ, а Іоаннъ ведетъ далѣе въ утаенномъ непокои:

Да развѣ я еще
Не исцѣленъ? Что вы сказать хотите?
Я развѣ боленъ? Солнце ужъ заходитъ,
А я теперь бодрѣй, чѣмъ утромъ былъ,
И проживу довольно лѣтъ, чтобъ царство
Устроить вновь! Въ мой смертный часъ, когда
Митрополитъ у моего одра
Молиться будетъ со святымъ синклитомъ,
Я имъ скажу: Не плачьте, я утѣшенъ,
Бо легкую пріиметъ сынъ державу
Изъ рукъ моихъ! Такъ отойду я къ Богу!
(Бѣльскій дѣлаетъ знакъ шуту, который разсматривалъ разныя вещи на столахъ. Шутъ беретъ ящикъ съ шахматами и подноситъ къ Іоанну).

Упомянувъ изреченіе ворожеевъ, царя еще болѣе непокоитъ торжественное молчаніе окружающихъ его бояръ:

Что шепчетесь вы тамъ?....
...... Вы какъ будто ждете
Чего сегодня? А, чего вы ждете?

Въ цѣли разсѣянія мрачныхъ мыслей царя шутъ вторично подноситъ къ нему фигуры шахматныя, а Бѣльскій доску; и садясь на приглашеніе за столъ, Бѣльскій раставляетъ съ Іоанномъ игру.

ШУТЪ (къ Іоанну, указывая на шахматы).

Точь въ точь твои бояре! Знаешь что?
Живыхъ-то ты всѣхъ по боку, а этихъ
Всѣхъ въ думу посади. Дѣла не хуже
У нихъ пойдутъ, а ѣсть они пе просятъ!

ІОАННЪ.

Ха, ха! Дуракъ не слишкомъ глупъ сегодня!
(Подвигаетъ пѣшку Игра начинается. Всѣ становятся полукругомъ за царскими креслами и смотрятъ).

ШУТЪ.

Иль, вмѣсто ихъ, меня поставь въ бояре!
Я буду въ думѣ засѣдать одинъ,
И разногласья у меня не будетъ!
Не то, пошли меня, надежа-царь,
Посломъ въ Литву, поздравить короля!

ІОАННЪ.

Съ чѣмъ, шутъ?

ШУТЪ.

Да съ тѣмъ, что о псковскія стѣны
Онъ лобъ разбилъ!

ІОАННЪ.

Тебя послать не дурно;
Послалъ же онъ Гарабурду ко мнѣ
Съ своей перчаткой! Чай, теперь идти
На Новгородъ раздумали!

ШУЙСКІЙ.

Куда имъ!

ІОАННЪ.

На сеймѣ ихномъ королю въ пособьи
Отказано! Достойно, право, смѣху!
Свои же люди своему владыкѣ
Да денегъ не даютъ?

ШУТЪ.

У насъ не такъ!
Понадобилось что — хапъ, хапъ! и есть!
(Игра продолжается. Годуновъ показывается въ дверяхъ).

ГОДУНОВЪ (тихо, указывая на Іоанна одному боярину, стоящему позади другихъ).

Каковъ онъ?

БОЯРИНЪ (тихо къ Годунову).

Больно гнѣвенъ!
Ужъ раза два сердиться начиналъ
(Годуновъ подходитъ и становится напротивъ Іоанна).

ІОАННЪ (поднявъ голову).

Ты здѣсь? Ну, что? Ты видѣлъ чародѣевъ?
Каковъ ихъ былъ отвѣтъ? Зачѣмъ молчишь ты?
Что жъ ты не говоришь?

ГОДУНОВЪ.

Гм, государь!

ІОАННЪ.

Что ты такъ смотришь на меня?
(Отодвигается отъ Годунова).
Какъ смѣешь
Ты такъ смотрѣть?

ГОДУНОВЪ.

Великій государь!
Волхвы тебѣ велѣли отпечать,
Что ихъ наука достовѣрна.

ІОАННЪ.

Какъ?!

ГОДУНОВЪ.

Что ошибиться имъ нельзя, и что —
Кириллинъ день еще не миновалъ!

ІОАННЪ (встаетъ, шатаясь).

Не миновалъ? — Кириллинъ день? — Ты смѣешь —
Ты смѣешь мнѣ въ глаза — злодѣй! — Ты — ты —
Я понялъ взглядъ твой! — Ты меня убить —
Убить пришелъ! — Измѣнникъ! — Палачей! —
Ѳеодоръ! — Сынъ! — Не вѣрь ему! — Онъ воръ! —
Не вѣрь ему — А!

(Падаетъ навзничъ на полъ).

ШУЙСКІЙ (бросается къ нему и поддерживаетъ его голову).

Боже! Онъ отходитъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Позвать врачей! Скорѣй позвать врачей!

ІОАННЪ (открывъ глаза).

Духовника!

БѢЛЬСКІЙ.

Бѣгите за попомъ:
Скорѣй бѣгите! Люди! Люди! Гей!

(Вбѣгаютъ скоморохи съ пѣньемъ, свистомъ и пляской).

СКОМОРОХИ.

Ой жги, жги, жги!
Тащи козла за рога!

БОЯРЕ.

Что это? Что? Назадъ! Побойтесь Бога!

БѢЛЬСКІЙ (бросается на скомороховъ).

Назадъ! Назадъ! Безбожники! Назадъ!
Царь умираетъ!

МСТИСЛАВСКІЙ.

Дохтура зовите!

(Іоаннъ умираетъ).

(Нѣкоторые бояре бросаются изъ палаты. Скоморохи разбѣгаются. Входитъ Эльмсъ и Якоби).

ЯКОБИ.

Гдѣ государь?

БѢЛЬСКІЙ (указываетъ на трупъ).

Вотъ онъ!

ЯКОВИ (нагибается и щупаетъ пульсъ Іоанна).

Не бьется пульсъ!

ЭЛЬМСЪ (беретъ другую руку).

Не бьется — нѣтъ!

ЯКОБИ (щупаетъ сердце).

Не бьется сердце!

ЭЛЬМСЪ.

Умеръ!

ЯКОБИ.

Окончилъ жизнь!

ГОДУНОВЪ (подходитъ и кладетъ руку на сердце Іоанна).

Преставился!

(Отворяетъ окно и кричитъ на площадь)

Москва!

Царь Іоаннъ Васильевичъ скончался!

(Говоръ и гулъ на площади. Годуновъ выходитъ изъ палаты. Бояре обступаютъ Іоанна и глядатъ на него молча. Входитъ Захарьинъ и останавливается передъ трупомъ.

ЗАХАРЬИНЪ.

Свершилося! Такъ вотъ ты, царь Иванъ,
Предъ кѣмъ тряслась такъ долго Русь! Безсиленъ,

Безпомощенъ лежишь ты, недвижимъ,
И посреди твоихъ сокровищъ бѣденъ:
Чего-же мы стоимъ и ждемъ, бояре?
Во прахѣ-ли предъ нами быть тому,
Предъ кѣмъ полвѣка мы лежали въ прахѣ?
Иль страшно вамъ коснуться до него?
Не бойтеся! Ужъ не откроетъ онъ
Своихъ очей! Ужъ остраго жезла
Не схватитъ длань безсильна, и казни
Не изрекутъ холодныя уста!

(Они подымаютъ Іоанна, кладутъ его на скамью, дѣлаютъ ему изголовье и покрываютъ его парчею. Вбѣгаютъ Ѳедоръ, царица и царевна Ирина).

ѲЕДОРЪ (бросаясь къ трупу).

Царь-батюшка!

ЦАРИЦА.

О, Господи помилуй!

ИРИНА.

О, Господи!

(Всѣ трое голосятъ и рыдаютъ. Крики на площади усиливаются. Входитъ стрѣлецкій голова).

ГОЛОВА (къ Ѳедору).

Великій государь!
Народъ бунтуетъ! Лѣзутъ на крыльцо!

ѲЕДОРЪ (съ испугомъ).

Что надо имъ?

ГОЛОВА.

Кричатъ, что Шуйскій съ Бѣльскимъ
Отравой государя извели!

(Вбѣгаетъ стрѣлецкій сотникъ).

СОТНИКЪ.

Народъ царь-пушкой овладѣлъ! Хотятъ
Разбить дворецъ!

БѢЛЬСКІЙ (къ Ѳедору).

Вели по нимъ стрѣлять!

ѲЕДОРЪ.

Гдѣ шуринъ мой? Борисъ! Что дѣлать?
(Входитъ Годуновъ).

ГОДУНОВЪ (торжественно къ Ѳедору, опускаясь на колѣни).

Великій царь!

ѲЕДОРЪ (бросается къ нему).

А, вотъ ты наконецъ!
(Крики на площади, между которыми слышны имена Шуйскаго и Бѣльскаго).

ШУЙСКІЙ (къ Ѳедору).

Рѣшайся, государь!

ѲЕДОРЪ (указывая на Годунова).

Вотъ тотъ, кто долженъ
Теперь рѣшать! Ему препоручаю
Отнынѣ власть мою!

ГОДУНОВЪ (поклонившись Ѳедору, подходитъ къ окну).

Народъ московскій!
Ѳедоръ Іоан832ычъ, Божьей волей
Великій князь и царь всея Руси,
Вамъ повѣстить велѣлъ, что отъ недуга
Скончался царь Иванъ. Въ его же смерти
Виновныхъ нѣтъ. Но Шуйскій съ Бѣльскимъ долго
Тѣснили васъ; что вѣдая, царь Ѳедоръ
Ссылаетъ ихъ далеко отъ Москвы!
(Гулъ на площади).

ШУЙСКІЙ.

Борисъ Ѳеодорычъ! Помилуй! что ты?

БѢЛЬСКІЙ.

За что насъ въ ссылку?

ГОДУНОВЪ.

Вы вольны остаться —
Хотите ль выйти на крыльцо?

ШУЙСКІЙ.

Помилуй!
Насъ разорвутъ!

БѢЛЬСКІЙ.

Насъ разорвутъ на клочья!

ГОДУНОВЪ.

Я думаю.

(Къ стрѣлецкому головѣ).

За крѣпкимъ карауломъ
Бояръ отправить изъ Москвы. Въ Покровѣ
Васъ извѣстятъ, куда ихъ отвезти.

(Шуйскаго и Бѣльскаго окружаютъ стрѣльцы).

ЗАХАРЬИНЪ (къ Годунову).

Ты скоръ бояринъ. Мы еще не знаемъ,
Кто поднялъ бунтъ?

ГОДУНОВЪ.

Нагіе со Мстиславскимъ.

(Указывая на Битяговскаго, который входитъ въ приличномъ видѣ и въ добромъ платьѣ).

Вотъ кто на нихъ свидѣтелемъ стоитъ!

НАГІЕ И МСТИСЛАВСКІЙ.

Какъ? Онъ?

БИТЯГОВСКІЙ (нагло).

Да, я!

ГОДУНОВЪ (ко Мстиславскому).

Князь, ты достоинъ смерти,

(Къ Нагимъ).

А васъ обоихъ, изъ любви къ царицѣ
Прощаетъ онъ, и въ Угличъ вамъ велитъ
Отправиться съ царевичемъ и съ нею.

(Къ царицѣ, указывая на Битяговскаго).

Васъ всѣхъ блюсти вотъ этотъ нараженъ!

ЦАРИЦА (къ Ѳедору).

Не вѣрь ему! Не вѣрь ему, Ѳеодоръ!
Не отсылай насъ, царь!

ѲЕДОРЪ (къ Годунову).

Нельзя-ли, шуринъ,
Царицѣ здѣсь остаться?

ГОДУНОВЪ.

Государь,
Тамъ лучше ей.

ЗАХАРЬИНЪ.

Бояринъ Годуновъ!
Я вижу ты распоряжаться мастеръ!
Всѣмъ мѣсто ты нашелъ — лишь одного
Меня забылъ ты! Говори, куда
Идти я долженъ? Въ ссылку? Въ монастырь?
Въ тюрьму? Или на плаху?

ГОДУНОВЪ.

Мой отецъ,
Тебя царь проситъ оставаться съ нимъ.

ЦАРИЦА (къ Захарьину).

Спаси меня! Спаси меня, бояринъ!
Пропали мы!

ЗАХАРЬИНЪ.

Дай Господи, царица,
Чтобы не все пропало! Злое сѣмя
Посѣялъ ты, бояринъ Годуновъ!
Не доброй жатвы отъ него я чаю!
(Обращаясь къ трупу Іоанна).
О, царь Иванъ! Прости тебя Господь!
Прости насъ всѣхъ! вотъ самовластья кара!
Вотъ распаденья нашего исходъ!

ѲЕДОРЪ (къ царицѣ съ слезами).

Не плачь царица-матушка! Что-жъ дѣлать!
Такъ видно, надобно!

ГОДУНОВЪ (подходитъ къ окну).

Народъ московскій!
Великій царь Ѳеодоръ Іоанньічъ

Прощаетъ васъ! Ступайте всѣ молиться
За упокой души царя Ивана,
А завтра утромъ будетъ вамъ раздача
По всей Москвѣ и хлѣба и вина!

КРИКИ НА ПЛОЩАДИ.

Да здравствуетъ царь Өедоръ Іоанньчъ!
Да здравствуетъ бояринъ Годуновъ!

(Өедоръ бросается, рыдая, на шею Годунову. Они стоятъ, обнявши другъ друга.)

II. Критическое обозрѣніе.

Настоящая драма удостоилась по блестящихъ ея представленіяхъ въ Петербургскомъ и Московскомъ театрахъ благосклоннаго признанія. Г. Никитенко въ разсужденіи своемъ*) разобравъ очень осторожно всѣ превосходства нашей трагедіи, сказалъ въ конецъ слѣдующее:

„Оканчивая нашъ критическій очеркъ, мы приходимъ къ заключенію, что трагедія гр. Толстаго принадлежитъ къ тѣмъ серьезнымъ, капитальнымъ, истинно-художественнымъ произведеніемъ, какихъ въ нашей литературѣ вообще немного, а въ текущей и совсѣмъ не замѣчается. Къ этому мы не безъ удовольствія спѣшимъ прибавить, что, сколько намъ извѣстно, мыслящая, образованнѣйшая часть публики одного съ нами мнѣнія. Эта безпристрастная и правдивая цѣнительница таланта встрѣтила трагедію „Смерть Іоанна Грознаго“ при самомъ ея появленіи въ свѣтъ съ такимъ единодушнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ, какія выпадаютъ на долю только дѣйствительной литературной заслугѣ и высокому дарованію и какія конечно достаточны къ тому, чтобы поощрить автора къ новымъ подобнымъ трудамъ.“

Неоспоримо есть въ сей драмѣ много преизрядныхъ видовъ и оборотовъ; здѣ принадлежитъ: консеквентное удержаніе переднихъ характеровъ въ заснованной для нихъ роли, тонкость въ психологическомъ развитіи харак-

---

*) см. „Три Литературно-критическіе очерка. А. Никитенко, члена императ. академіи наукъ, Санктпетербургъ, 1866.“

тера Іоаннова, — тактъ драматическій, или строгое наблюданіе мѣры въ поетической свободѣ и економическое распоряженіе изобильнаго историческаго матеріала; — примѣчается тоже рѣзкость въ начертаніи лицъ и въ произведеніи многихъ сценъ, — еще благозвучный общій тонъ языка, отличающійся легкимъ, природнымъ строемъ рѣчи и исправностью стиха.

Всѣ тѣ и тѣмъ подобны качества составляютъ внѣшность драмы и они въ драмѣ требуются; отъ внѣшности предмета постепенно добираемся, вникаемъ въ внутреннее его; механическимъ упражненіемъ искуства достигаемъ мастерства въ органическомъ произведеніи всякаго рода изящнаго.

Всѣ тѣ хорошіи стороны наружности въ предстоящей драмѣ дорогоцѣнны, внимаются пріятно, они долго могутъ быти образцемъ и предметомъ студій молодой нашей драматургіи: но они самы одни не составляютъ еще естетическаго цѣлаго.

Разсмотримъже въ якой мѣрѣ обрѣтаются требуемыи до истиннаго достоинства драмы важнѣйшіи ея момента въ трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго“:

А) *Идея, трагическій мотивъ и расположеніе.*

Соглашаемся съ г. Никитенко совершенно въ томъ, что „въ нашей исторіи, безъ сомнѣнія, нѣтъ характера болѣе трагическаго, какъ характеръ Іоанна.“ Почтенный критикъ сказуетъ, въ чемъ не заключается тое свойство у Іоанна, именно: не въ кровопійствѣ его и ужасахъ, не въ томъ а томъ — но въ чемъ положительно искати намъ сей трагичности въ Іоаннѣ, того выразительно не сказано. Почтенный критикъ, объясняя вообще идею Грознаго, превосходно начертываетъ сего русскаго ироя становище и значеніе его историческое. „Дѣдъ Грознаго“ раскладываетъ онъ — „Іо-

аннъ III., конечно заложилъ прочный фундаментъ въ постройкѣ государства на Руси, Василій поддерживалъ подвигъ собирателя земли русской. Но двухъ владѣній было недостаточно, чтобы дати несокрушимую окрѣплость государственному союзу. Между расторженными до того частями великаго цѣлаго все же не было полнаго объединенія, въ умахъ не было еще глубоко укоренено сознаніе въ непреложности и святости выработывавшагося авторитета, передъ которымъ не совсѣмъ еще смирились враждебные, разъединявшіе елементы прежняго порядка, или безпорядка вещей. Таковъ обширный и проницательный умъ, какъ умъ Іоанна (Грознаго) не могъ того не видѣть, а такой мощный характеръ, какъ его, не могъ не хотѣть окончательнаго уничтоженія всѣхъ преградъ, препятствовавшихъ политическому довершенію начатаго великаго дѣла и, съ тѣмъ вмѣстѣ, моральнаго закрѣпленія идеи централизаціи въ народѣ. Онъ былъ государь, такъ сказать, до мозга костей своихъ..."

Но чтожь, когда при такъ знаменитомъ призваніи исторіи, тая самая судьба, тая самая исторія а съ ними авторъ и почтенный критикъ — поставивъ Іоанна на многоважное становище и опредѣливъ ему такъ блестящую роль, позавидовали ему и отказали нашему ирою — въ своемъ содѣйствіи, возложили великое бремя на его индивидуальную отвѣтственность, „которую онъ могъ принять на себя, но не въ состояніи былъ понести!"

Если тіи власти противу Іоанну могли быти такими тиранами, тогда и Іоаннъ въ правѣ былъ отмстити имъ тираніею; тогда и ничего сожалѣти съ почт. критикомъ, г. Никитенко, что Іоанново воспитаніе дурно было направленно, не сожалѣти, что Іоаннъ односторонно, съ одной идеей государственности, разлился потокомъ страстей и т. п.; тогда, кажемъ, ничего не сожалѣти, а только съ чистымъ вни-

маніемъ естетическимъ удивлятися страшной борьбѣ двухъ великановъ, Іоанна съ своею судьбою; тогда и трагическій мотивъ готовъ.

На супротивъ тому, разсужденіе почтеннаго критика о трагичности характера Іоаннова есть безъ примиренія, обращается въ характерѣ двойственности; такъ якъ и самая розсуждаемая драма „Смерть Іоанна Грознаго“ есть въ цѣломъ своемъ составѣ дуалистична. Объяснимся предовсѣмъ вообще.

Дуализмъ есть то противоположность въ немощи или въ обезсиленіи, такъ и различается отъ животворящихъ противоположностей — безсиліемъ.

На примѣръ, когда господинъ въ полномъ чувствѣ своей вышшей воли укоряетъ въ чѣмъ-то раба своего, унизаетъ его, а рабъ въ смятеніи и свободномъ направленіи духа насильно только являетъ еще видъ подданнаго, тогда ясно узримъ живую противуположность; но когда господинъ, утративъ чувство и силу господства, со своимъ рабомъ за панъбратъ, оба нерядивы, растощаютъ имѣніе, тогда предъ нами отвратительпое зрѣлище промаховъ дуализма. Естетическимъ можетъ быти сіе послѣднее явленіе только въ значеніи комическомъ; но здѣсь бесѣда о серіезной драмѣ, о трагедіи.

Что предстоящая драма „Смерть Іоанна Грозняго“ тоже обращаетея въ весьма искусномъ дуализмѣ, покажемъ въ слѣдующемъ.

Вопервыхъ, царствуетъ дуализмъ въ томъ, что за представленными зъ данныхъ историческихъ избранными сценами — личность поеты только старанно укрывается, не слівшись съ своимъ предметомъ точно въ одно дыханіе: Личность и предметъ при собѣ, а не одно въ другомъ; посредникомъ между ними есть механизмъ. По той причинѣ образованный зрѣтель или читатель примѣтитъ легко, что фигуры не движутся своимъ собственнымъ живымъ житіемъ, а имѣютъ своего подвижника туй за кулисами. Поетъ дол-

женъ быти тѣмъ актеромъ, протагонистою, что-то лично водворился въ маску, въ костюмъ и безпосредственно на котурнѣ въ точной мѣрѣ доноснаго своего возгласа подвигается, и такъ душею зрѣтеля потрясаетъ. — Дуализмъ влечетъ дуализмъ за собой. И такъ въ разсуждаемой драмѣ обрѣтаемъ вторую двойственность: сцены раздѣляются на образы иройской личности яко характера доброй воли а коль скоро на перемѣнъ слѣдуютъ при тѣхъ чертахъ имъ противныи, бо черты характера злои воли. Сравнимъ, на примѣръ въ I. дѣйствіи въ крѣпкой и красной рѣчи Годунова велику и не лицемѣрну похвалу Іоанна яко владѣтеля — съ собственнымъ того ироя самаго себе осужденіемъ, которое оканчивается: „я не царь! я волкъ! я...“ — тутъ называетъ онъ себе даже неестетически: псомъ смердящимъ! или съ списанными ѣдкими ругательствами Курбскаго, и проведѣмъ такъ далѣе сей обыскъ по актамъ, не обрѣтемъ-ли на каждомъ шагу тотъ новый дуализмъ?

Возразятъ: якимъ другимъ образомъ представити Іоанна, когда онъ, по свидѣтельству исторіи, такимъ двойственнымъ лицемъ былъ дѣйствительно? Отвѣчаемъ: Въ томъ-то и состоитъ задача поеты открыти намъ въ очевидныхъ формахъ, якъ въ одномъ и томъ самомъ лицѣ тіи противоположности вмѣщаются, или лучше, якъ они въ утаенномъ внутрѣ человѣческой души прорастаютъ и въ единство характера спрягаются, чтобы мы живо почувствовали необходимость одного отъ вѣчныхъ законовъ человѣческаго духа. Иначе зрѣтель загадочнаго человѣка не понимаетъ, не беретъ въ его судьбѣ участія, имѣетъ бо только трудъ въ безпрерывномъ мучительномъ сомнѣнію: прижатися-ли къ доброму борцу всею душею, или отвратитись отъ мерзостнаго тирана? Естетическій законъ требуетъ, чтобы поетъ поставилъ зрѣтеля рѣшительно по сторонѣ своего ироя.

Третьимъ дуалистичнымъ моментомъ въ настоящей драмѣ остъ два главные лица, около которыхъ будьто двухъ

центровъ громадится собраный драматическій матеріалъ; при лицѣ Іоанна Грознаго возноситъ не менѣе грозно царскаго вѣнца чающая глава Бориса Годунова. Уже въ первомъ дѣйствіи, въ боярской думѣ, обращаетъ на себе всѣхъ взоры на видъ смиренный, сперва молчаливый, воздержный, но въ совѣтѣ безпомощныхъ бояръ необходимый, краснорѣчивый, въ государственныхъ дѣлахъ ловкій Годуновъ. Его, младшаго бояра, голосъ рѣшае въ думѣ, онъ ведетъ ю передъ царя, онъ искуснымъ размахомъ открылъ заговоръ соперниковъ своихъ Шуйскаго, Мстиславскаго, Бѣльскаго и Нагихъ, и звертаетъ тѣхъ затѣи посредствомъ Битяговскаго на ихъ собственныя главы; онъ, Годуновъ, въ которого руки (въ II. уже дѣйствіи) поважнѣйшій отъ бояръ, Захарьинъ, складаетъ судьбу Руси, велитъ собѣ волхвамъ предвѣщати свѣтлую свою будущность; онъ будь-то вторый Мекбетъ, загорѣлся колдунскими изреченіями и тиснется все ближе а ближе къ трону... Наконецъ, въ роковый для Іоанна день, раздраженнаго, страждущаго царя съ обдуманностью убиваетъ тотже Годуновъ однимъ словомъ: „Кирилинъ день еще не миновалъ!“ и въ слѣдствіе такого степенованнаго властолюбія стаетъ онъ при немощномъ наслѣдникѣ Ѳеодорѣ, своемъ шуринѣ, собственно вторымъ царемъ.

За такимъ расположеніемъ драмы зрѣтель новый имѣетъ трудъ: въ кѣмъ сосредоточити цѣлый интересъ драмы? въ лицѣ-ли царя Іоанна, или въ Борисѣ Годуновѣ? Тотъ и другій имѣютъ свою особенную идею, одинъ другаго въ значеніи не подноситъ и другъ другу не подчиняется: они оба, каждый въ своемъ направленіи — дѣйствуютъ въ равной мѣрѣ и въ равной мѣрѣ обращаютъ на себе вниманіе. А чтобъ фактами сказанное довесть, вопросимъ на примѣръ: якое вліяніе на судьбу самаго Іоанна имѣетъ цѣла долгая, Іоаннови совсѣмъ неизвѣстная интрига Годунова противъ своимъ соперникамъ, и пространныя базарныя сцены въ Москвѣ между чернью, лабазникомъ, приставами, Битяговскимъ, Кикинымъ

и прочими? развѣ отношенія, что Годуновъ, восторжествовавъ надъ своими врагами, можетъ быти, тѣмъ беспечнѣе, онъ а не кто другій, добиваетъ удрученнаго, изнуреннаго царя! Таковое вліяніе безъ значенія.

Другою несовершенностью настоящей драмы примѣчается, что она есть только отрѣзкомъ цѣлости по нуждѣ дополненномъ; драма содержитъ собственно только катастрофу полной драмы „Іоаннъ Грозный," — она представляетъ намъ лишь „смерть" его. Гдѣже експозиція, гдѣ перипесія?

Тіи необходимыи части трагедіи дополнены повѣствовательнымъ образомъ. Мы жадны видѣти цѣлаго Іоанна: якъ онъ постепенно идеею царства до толь ужасной высоты воздвигается, якъ неизбѣжныя для той спасительной въ Руси идеи кровавыя жертвы, якъ ирой въ своей исключительности и односторонности, въ ревностностномъ произведеніи оной великой идеи тутъ придавитъ другую отъ нравственныхъ вѣчныхъ идей, тамъ тяжко оскорбитъ церковь, или на иномъ мѣстѣ нагло толкнетъ о вѣками освященное право родовъ, индѣ разоритъ семейную жизнь... и такъ далѣе; мы желаемъ видѣти, якъ Грозный, успѣвая съ своею идеею держитъ страшный судъ даже надъ цѣлыми непокорными городами и якъ онъ наконецъ въ необходимо послѣдующемъ розгулѣ страстей губитъ свое собственное семейство: убиваетъ надѣйнаго сына, лишается тымъ прочнаго наслѣдства, а отложивъ отъ своего боку седмую супругу, оставляетъ царевича Димитрія въ Угличу на произволъ судьбы, самъ ослѣпленный вергаетъ будь-то новую жертву собственнаго рода на паству немезисъ, мстящую пагубу толикихъ знаменитыхъ родовъ, и что тѣмъ образомъ творитъ Іоаннъ самъ надъ собою страшный судъ. Онъ падаетъ подъ тѣми на него самаго отразавшимися ударами, губитъ собою династію Рюрикову; но идея царства впущенна до мозга костей организма Руси. Тая самая идея вознесшая одушевленнаго

государственностью Іоанна до превыспренней высоты надъ его окружностью и надъ всемъ русскимъ міромъ, грянуло нимъ, избраннымъ собою превосходнымъ сосудомъ, въ преисподняя; а объявивъ тѣмъ вѣчно для поодинокихъ лицъ трагическимъ процесомъ свою несокрушимую власть въ мірѣ, возноситъ образъ поверженнаго ироя во всегда свѣжую а свѣтлу память въ народѣ. Еще нынѣ слышенъ топотъ подземный, слышенъ отголосокъ грома Іоаннова; не борется-ли непрерывно русское государство по настоящее время съ роскладными въ немъ стихіями: рѣчейпосполитными, раскольничьими, демократическими, козачьими, нигилистическими, украйнофильскими и другими?

Упорство и равнодушіе, уныніе и раболѣпство, шалость, буйство, козни препятствоваютъ въ Руси отъ давна всякому лучшему подвигу къ народному просвѣщенію, къ объединенію и господствованію. На каждой степени духоваго розвоя требуются на Руси Іоанны, якими въ многихъ чертахъ были: Петръ вел., Екатерина импер., Николай І.

Се процесъ вѣковый великанскій, на каждомъ стадіумъ возобновляющійся. Новожитная драма ищетъ преимущественно историческаго матеріала а съ нимъ сопрягается необходимо политическая тенденція; „Іоаннъ Грозный“ совсѣмъ сообразный нашему времени; — онъ такъ сказати, открылъ рядъ тѣхъ розвойныхъ круговъ: проломавъ природы запоры, повалилъ почтенное старинное, для новой жизни невыгодное домище, и не примѣтилъ — необачный — что обрушенное прадѣднее Рюриковое зданіе привалитъ собою и самаго разрушителя.

Се суть совершенны трагическіи момента у Ивана Грознаго. Онъ, по своему величеству требуетъ тоже и полнаго представленія въ одной драмѣ, безъ всякаго соперничества, хотябы и Годуновова. Годуновъ въ идеи „Грознаго“ необходимое лице; но лице, которое въ силѣ расторженную Іоанномъ Русь или опрокинутый новою идеею свѣтъ уладити;

Фиг. I.

Драматическія идеи

Фиг. II.

словомъ лице примирительное, но отнюдь не властолюбиво-патетичное, якъ оно въ нашей драмѣ очертанно.

Въ представленiи обохъ характеровъ стрѣчаемъ, такъ сказати, естетическiй ὕστερον πρότερον: Iоаннъ кончитъ дѣло безъ начала — Годуновъ же начинаетъ безъ конца; или поставивъ одного противъ другому: по историческому ходу Iоаннъ дѣло начинаетъ, а Годуновъ кончитъ; когда по предстоящему драматическому порядку: Iоаннъ кончитъ, Годуновъ же начинаетъ.

Для очевиднаго представленiя сего критическаго взгляда послужитъ приложенное символическое изображенiе на двухъ фигурахъ:

I. Фигура представляетъ обѣ драматически идеи — Iоанна Грознаго и Бориса Годунова — въ ихъ особенномъ, исключительномъ движенiи и архитектоническомъ видѣ, по тремъ головнымъ частямъ и пяти актамъ трагедiи.

II. Фигура воображаетъ намъ складъ предстоящей драмы „Смерть Iоанна Грознаго"; именно, видъ, якъ одна отъ самобытныхъ идей вломилась въ другую. Тутъ восходящее стремленiе принадлежитъ Годуновой идей (полною стрѣлкою означенное); катастрофное же ниспаденiе слѣдуетъ за Iоанновой. Контуры прорваны, перипесiя разделенна, сфера мутна.

Настоящая драма „Смерть Iоанпа Грознаго" уподобляется живописному представленiю огнедышащей горы, вулкана; но вулкана догаряющаго, въ хвилѣ послѣдняго его выдышанiя, со всею тою имъ разоренною, омертвѣлою и окрѣплою окружностью; но мы не видимъ живо представленнаго самаго вспыха, самаго огненнаго испаренiя; насъ не удивляютъ бремена, силою изъ нѣдра горы изверженны, ни небесныи громы, въ обвѣшенную густымъ туманомъ пещь ударяющiи, ниже губительныи потоки лявы; насъ не изумляетъ видъ съ жгущимъ елементомъ борющейся жизни.... Тое все мы только предчувствуемъ, изъ предстоящаго образа смерти лише догадываемся.

Б) *Характеры.*

Оба передніи характеры Іоаннъ и Годуновъ яко двигатели двойственной идеи драмы зъ той стороны уже обозначенны. Въ подробностехъ же примѣчается у Іоанна недостатокъ вышшаго юмора, овой ѣдкой ироніи, коими по свидѣтельству исторіи — онъ тормошитъ всю свою окружность. На примѣръ, если ругательное письмо Курбскаго лишаетъ тирана свободы духа и приводитъ его до безсильныхъ судороговъ, то такая низости черта есть противна характеру Іоанна. Если почтенный критикъ, г. Никитенко, вмѣняетъ автору въ высокое отличіе, что онъ, поетъ, не идеализуетъ тирана, а только вѣрно и бережливо распредѣляетъ историческій матеріалъ, то въ той сценѣ поета остался ниже самой исторіи.

Тутъ вопрошаемъ: не идеализовалъ-ли тоже и Шекспиръ своего тирана, Мекбета? или вообще, есть-ли возможною якая либо поезія безъ идеализованія?

Довольство Іоанна даже отвратительно на другихъ мѣстахъ, н. пр. въ излишней сценѣ выбора дорогоцѣнныхъ подарковъ для новой невѣсты, княжни англійской; или когда шутъ шуточнымъ поведеніемъ, собирая милостыню для Нагихъ и для презрѣнной доброй царицѣ — хочетъ царя увеселити — а царь захохоталъ!

Самъ поетъ почувствовалъ ошибку и тотчасъ заставляетъ царя Нагихъ великодушно одѣвати; но тѣмъ непріятное впечатлѣніе не загладилось.

Впрочемъ обращается, перекидывается характеръ Іоанна въ двухъ крайностехъ: внутренняго сокрушенія и смиренія съ одной а запалчивости гнѣва и нахальства съ другой стороны; въ нѣкоторыхъ сценахъ даже съ трудомъ вздержуемъ вдирающуюся въ дверь комичность, н. пр. когда царь въ хвилевомъ сокрушеніи и смиреніи припавши на колѣнѣ передъ боярами проситъ опрощенія, а тутъ Шуйскому на его обычное и маловажное, такъ сказати, церемонное извиненіе, стоя

еще на колѣнахъ, прыгнулъ „Молчи, холопе!...“ Сколькобы въ тѣхъ образахъ нибыло искусныхъ модификацій и розличностей, всѣ они самы психологическіи треволненія, Іоаннова характера, въ которыхъ — по словамъ почт. критика г. Никитенко — авторъ сосредоточилъ весь драматическій интересъ своего сочиненія.

Такимъ образомъ конечнаго сопряженія тѣхъ противностей нельзя досмотриться, дочувствоваться.

Головнѣйшій недостатокъ въ чертахъ сего первого ироя драмы есть безвинность толикихъ жертвъ его необъузданной тиранской воли. Въ розсказахъ, въ сухихъ спискахъ синодика и въ разговорныхъ схимника пригадкахъ о минувшихъ дѣлахъ Іоанна представлено намъ Грознаго, будьто сумазбродшаго, бѣснующагося, убивающаго безъ всякой основной причины смирныхъ людей а вѣрнѣйшихъ подданыхъ своихъ, отъ-такъ для якой-то личной химеры только. Такое представленіе приводитъ во память „Аякса,“ избившаго въ замороченіи ума цѣлое стадо овецъ и прочаго скота; но у Софокла имѣетъ бѣшенство его героя свое трагическое значеніе, тутъ-же того нѣтъ. Въ трагедіи самыи дѣти, падшіи жертвою страсти ирейской, не должны быти совсѣмъ безвинными.

Характерови Годунова дѣлается упрекъ въ томъ, что онъ не есть готовымъ: Лекція данная ему Іоанномъ поворочиваетъ Годунова будьто на другій путь.

Въ драмѣ таковъ характеръ безтипно-измѣнчивый, котораго заставляютъ только-что разуму отъ другихъ обучитися, — смѣло назвати подобаетъ неудачнымъ. Обмѣна въ типѣ служити можетъ комическимъ мотивомъ въ комедіи, но въ трагедіи характеръ, н. пр. коварный долженъ удержатись коварнымъ до конца, нерѣшительный — нерѣшительнымъ, злобный — злобнымъ, откровенный — откровеннымъ.

Бояре яко характеры имѣютъ свои недостатки. Правда, видно автора усиліе индивидуализованія, но они, бояре,

выпали довольно стереотипными; черты ихъ посполиты; исключивши Сицкаго, о которомъ ниже, — невидно на нихъ слѣдовъ ужаснаго Іоаннова господствованія въ боярской думѣ и родинѣ; ихъ горееванія весьма вялы, будь-то они ничего существеннаго не потеряли; не суть-то бояре сломленной гордости — якими ихъ подъ конецъ Іоаннова владычества представити подобало — а придано имъ черты простой аристократической надменности и пустословія. Ихъ поведеніе имѣетъ, вопреки намѣренія поеты, даже видъ комическій, на примѣръ, въ сценѣ выбора новаго царя: поочередно одинъ думный бояринъ на другомъ досматривается царскихъ качествъ, собственно-же себе самаго яко достойнѣйшаго во виду имѣя — когда по истинѣ, противу Іоанновой свѣтлости, хотя тираніею примраченной, противу его величеству, ни одному отъ думныхъ бояръ до царскаго вѣнца не подобаетъ; а патетичный, непримиримый врагъ Грознаго, Сицкій, способенъ только комическую ситуацію возвысити. Они всѣ представленны ограниченными; самъ первѣйшій, Мстиславскій, грубо не понимаетъ Іоанна притворную, метаморфозическую натуру когда кажетъ:

„Не вѣрилось и мнѣ,
„Пока не топнулъ онъ на насъ ногою,
„И не велѣлъ мнѣ думу собирать."

Точно тогда увѣритись можна было Мстиславскому о противномъ, или по крайней мѣрѣ положительно сомнѣватись о неотмѣняемости рѣшенія Іоаннова оставити для другаго царскій престолъ!

Развѣ авторъ хотѣлъ тою сценою представити намъ посредствомъ ироніи превосходство Іоанна надъ своими боярами? Но тои ироніи мы не видимъ въ самознаніи самаго Іоанна: онъ на важне пріймаетъ думу боярскую, выслушиваетъ ея провозглашенія, ея совѣщанія и постановленія относительно наслѣдства; даже приговорилъ къ смерти „голову доловъ" бѣднаго Сицкаго. Противно же, если Іоаннъ только

игралъ здѣсь, не кажемъ лютую, но лукавую игрушку съ своими боярами, то казнь Сицкаго слишкомъ строга даже во виду самаго лютѣйшаго въ мірѣ тирана. Сицкій удостоился наказанія, но такого, якое припадаетъ въ удѣлъ провинившимъ близорукимъ комическимъ лицамъ: пристиженіе, осрамленіе а въ крайнемъ притѣсненіи не много унизительный загрозъ „палками!“ Въ жалкой кончинѣ Сицкаго отнюдъ ничего трагическаго.

Цѣлый образъ боярскихъ характеровъ и ихъ поведенія, не исключая исключительнаго Сицкаго, мѣшаетъ зрителеви воображенія историческіи онаго времени; онъ вопрошаетъ: могли-ли обращатись въ близости Іоанна подъ конецъ его грознаго владычества, такіи дерзкіи, мятежныи характеры? Они скорѣе отвѣтствуютъ времени Іоаннова малолѣтства, или времени передъ опалами, передъ опричиною. Тіи внятныи періоды нельзя фантазіи перемѣшивати или перекидывати. Типъ чистаго якъ золото Захарьина обыкновенный, но еще приличнѣйшій всѣхъ другихъ; онъ одинъ является посредникомъ въ цѣломъ томъ разпряженномъ мірѣ при „смерти Іоанна Грознаго;“ онъ одинъ лишь немного обнадеживаетъ запутаннаго зрѣтеля, будь-то напоминая собою лучшее владычество въ свѣтѣ.

Женскіи лица отличаются самымъ характеристическимъ образомъ страдательностью, оріентальнымъ рабскимъ подчиненіемъ другому полу, сновиднымъ и чуть не слишкомъ предвѣщательнымъ смысломъ; распростираютъ впрочемъ на весь свой загадочный кругъ довольно магическаго свѣтла.

Шутъ въ окружности Іоанна весьма вожделѣнное лице въ предстоящей драмѣ; онъ отвѣтствовалъ-бы совершенно своей задачи, если, вмѣсто не въ пору шутити изъ незначительныхъ шахматныхъ Іоанновыхъ бояръ, нашъ шутъ, успѣлъ-бы былъ съ вышшею свободою духа въ хвилѣ наступающей катастрофы коснутися самаго Іоанна и молнью

юмора прозарити, освѣжити душную атмосферу вокругъ умирающаго Грознаго — привести его въ готовность на предсказанную внезапную смерть.

Хоръ скомороховъ, шумя своими непонятными припѣвками, слетѣлъ тоже на мертвое тѣло тирана, и внушаетъ намъ, будьто авторъ хощетъ представити: *„яке житье — така и смерть!"* „скоморошная была жизнь Іоанна, равенъ тому и конецъ!" Такъ обращается авторъ съ своимъ ироемъ, съ тѣмъ — якъ удачно назвалъ его кто-то другій критикъ сеи драмы — „любимцемъ народа, простившаго ему его буйную опричину и лютыя козни."

Гарабурда, посолъ Батура, имѣетъ цѣль репрезентовати намъ власть покоряющую нашего богатыря. Собственнымъ представителемъ той покоряющей власти есть самъ рыцарскій король польскій, Баторый, лице въ сей драмѣ преважное, хотя незримое; лице дѣйствующее въ лицѣ посла Гарабурды. Въ Баторыю возстаетъ противъ извѣстнаго въ свѣтѣ тирана, Іоанна, высокій судія; за нимъ стоитъ цѣлая вольнодумная рѣчпосполита польска съ Литвою, а въ дальшемъ видѣ зрится по-за нимъ и нею публичная опинія цѣлаго образованнаго западно-европейскаго свѣта. И воистину, страшный судъ возвелъ на себя Іоаннъ ужасами своими. Вопросимъ теперь, есть-же-ли Гарабурда въ сценѣ на аудіенціи у Іоанна содержаніемъ своей посольской бесѣды, цѣлымъ своимъ поведеніемъ и образованіемъ достойнымъ представителемъ толь великой силы, имѣющей повалити и сокрушити такого ироя, якимъ есть Іоаннъ? На пр. когда царь въ задорныхъ, мѣстами тоже слишкомъ грубыхъ своихъ разговорахъ съ посломъ порицаетъ законъ республики польской въ свободномъ избираніи себѣ въ королей, указуя на только-что убѣгшаго отъ престола Генриха Валезія, -- посолъ Гарабурда отвѣчаетъ весьма низко:

А бѣсъ его возьми!
То былъ совсѣмъ дрянной король! когда
Отъ насъ утекъ онъ, мы рукой махнули
И выбрали другаго.

Если историческій посолъ Баторыя можетъ быти и назывался „Гарабурдою,“ то поетъ могъ смѣло замѣнити даже его имя*) на другое.

И такъ Гарабурда представителемъ могущей рѣчипосполитой и ея короля, по той причинѣ горделивый; онъ представителемъ европейской образованности, — такъ надѣемся узрѣти на немъ тонкость нрава; но кажется, что сіе лице не съумѣло гордость и благопристойность въ характерѣ своемъ гармонійно соединити. Тотъ посолъ отвращаетъ отъ себя чувство зрѣтеля.

Битяговскій и Кикинъ орудія боярскихъ взаимныхъ затѣй, суть, якъ выше сказано, Годуновыи лица, и отвѣчаютъ своей задачи; Іоанна они не касаютъ, и въ томъ излишествѣ состоитъ недостатокъ.

Голосы зъ народа на площади въ Москвѣ имѣютъ цѣль объявити намъ истинно голосъ массы русскаго народа противу Іоанна. Онъ ему доброжелателенъ, царь-батюшка правосуденъ, не позволяетъ корыстолюбивымъ боярамъ-управителямъ угнетати тотже народъ и казнитъ самовольниковъ.

Царевичъ Ѳедоръ и Схимникъ, мамка и волхвы отвѣтствуютъ на своихъ мѣстахъ кстати.

Наконецъ относительно числа всѣхъ дѣйствующихъ лицъ замѣчается преувеличеніе; ихъ есть четыредесять три! Се погрѣшность противъ сценично-драматичной економіи. Развѣ только Петроградскій или Московскій большіе

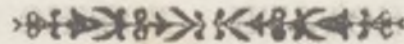
*) Въ всей южной Руси значитъ „Галабурда“ только что кабачная драка; „Галабурдникъ“ то человѣкъ авантурничій, забіяка.

театра въ состояніи толь великое число актеровъ на етатѣ содержати и пріучати; окольничьихъ, врачей и приставовъ, дворецкихъ и стрѣлецкихъ довольно по одному; самыхъ дѣйствующихъ бояръ число можна на четыре или пять лицъ ограничити, прочихъ же членовъ думы довлѣетъ двумя или тремя нѣмыми заступити.

Принявъ въ соображеніе и извѣстныи многіи добрыи стороны сеи драмы, совокупимъ настоящіи примѣчанія въ одно критическое положеніе, въ одно логическое заключеніе: Историческая драма „Смерть Іоанна Грознаго“ — не смотря на ея двойственный характеръ, на неполность идеи и на оттуду проистекающіи недостатки — содержитъ въ себѣ разбросанны истинно драматическіи елемента, и — такъ сказати — въ хаотическомъ еще ихъ движеніи задѣливается организмъ самобытной русской трагедіи.

Составилъ м. Декабря 1867.

Клим. Андр. **Меруновичъ.**

Акты относящіеся къ исторіи Южно-западной Руси.

I.

Уставная грамота Львовского епископа Макарія для Свято-миколаевского братства въ городѣ Львовѣ, 1544 года 18 Февраля.

*Ἰωακεὶμ ἐλέῳ θεοῦ πατριάρχης τῆς μεγάλης θεοῦ πόλεως Αντιοχείας καὶ πάσης Ανατολῆς.**)

Въ имѧ Отцѧ и Сына и Свѧтаго Дѹха. Аминь.

Смѣренный Макарий, Епископъ Митрополіи Галицкои владика Ильвовский и Камѧнцѧ Подолскаго, ѩвно чинимъ всѣмъ посполите нынѣшнимъ нашимъ листомъ, которымъ есть потреба, нынѣшнимъ и на потомъ бѹдѹчимъ, иже пришедши передъ насъ и предъ наше право дѹховное попъ Стефанъ свѧтаго великаго Архїерея и Чѹдотворьца Хва отца Николы передъ мѹры стоѧчими мѣста Илвова: а то есть

*) Антіохійскій патріархъ Іоакимъ, прибывъ въ Русь съ наставленіями констан. патріарха Іеремія, января 1-го 1586 года, далъ братству Львовскому уставъ и одушевилъ его ревностію открыти школу и типографію. Львовскій епископъ Гедеонъ Болобанъ, возваніями 1 и 20 Мая, пригласилъ духовенство своей епархіи помочи Львовскому Успенскому братству въ похвальномъ и полезномъ предпріятіи его. Патріархъ Іеремія, получилъ доношеніе отъ Іоакима, прислалъ во Львовъ Елассонскаго митрополита Арсенія, который принялъ на себе обязанность преподавати въ новомъ училищѣ уроки, и преподавалъ два года. Въ 1589 году патріархъ Іеремія потвердилъ на Тернопольскомъ соборѣ прежнюю свою волю о заведеніяхъ братства. По всей вѣроятности въ время пребыванія Антіохійского патріарха Іоакима въ Львовѣ 1586 года потвердилъ онъ уставную грамоту Львовского епископа Макарія поднесенную ему Святомиколаевскимъ братствомъ, вмѣстѣ съ епископомъ Гедеономъ Болабаномъ. Д. Зубрицкого Лѣтопись Львовск. Ставропиг. братства, стр. 14—22.

с передмѣста Краковского, изъ громадою парафѣи сватого отца Николы изыншихъ парафѣй, обывлаючи и просачи насъ, ижъ выхмо ихъ на тото братство благословили. Мы обачивши ихъ ижъ тотъ отецъ Стефанъ, попъ отъ сватого отца Николы, исвоимы парафѣаны изыншими добрыми людми слꙋшнои а доброе рѣчи жадаютъ, котораа есть напредъ Господꙋ Богꙋ кꙋ чти и хвалѣ мила и годна, и его сватымъ оугодникомъ, благословлаемъ ихъ сполечности из моци дꙋховное нашеи. А тотъ отецъ Стефанъ с парафѣаны своими и хто колвекъ православныхъ христианъ хочетъ доброволне оу тое братство вступити; а то маютъ такъ моцно држати, ыкъ въ томъ листѣ есть выписано. Мы мꙋжеве с парафѣи сватого отца Николы изыншихъ парафѣй твердо и моцне хочемъ држати, безъ принꙋжѣна одно своими добрыми волами господꙋ Богꙋ и пречистои Его Матери и сватомꙋ чꙋдотворьцю Христовꙋ Николѣ, кꙋ чти и хвалѣ дла своего дꙋшевнаго спасенїа, и тѣлеснаго здравиа; тымъ обычаемъ братство дꙋховное држати оу сватого отца Николы, где оу томъ братствѣ маемса тымъ обычаемъ справовати. Хто братство всхочетъ приняти, маемъ дати оукꙋпꙋ шесть гроший, а надалшїи часы маетъ давати оу двѣ недѣли по полгроша. А хто бы хотѣлъ оукꙋпитиса зыншого мѣста або и села, або с пановъ шлахтъ оукꙋпившиса на долшїи часы, маетъ давати оу рокъ шесть гроший оу братскꙋю скринкꙋ, а има свое маетъ написати оу братский реистръ, и тыжъ отца своего, и матки свои и дѣтїй своихъ имена маетъ оуписати оу братскии книги, с которыхъ маетъ быти оупоминание вѣчистое, а зъ братскихъ пѣназий маетъ оупоминати передковъ своихъ, на кождый рокъ четыри разы, а пятꙋю слꙋжбꙋ за наше здорове и за отпꙋщение грѣховъ, и тымъ честь*) справовати на братю. А хто бы хотѣлъ изъ гостей быти на той чти маетъ дати на день два грошѣ оу брат-

*) Честь, родит. чти, польское uczta, пиръ.

скѹю скринъкѹ, и тыжъ свѣчи справовати кѹ хвалѣ бозкой, ѹ сватого отца Николы. Єсли тыжъ по божїю перепѹщению на кого бѹдетъ ѹпадлость з немоци, з братскихъ пѣназий маемъ его осмотровати, и тыжъ на кого Богъ перепѹститъ изъ братства часъ смертный, маемъ его ѹся брата къ гробѹ спроводити, до которои колвекъ церкве при мѣстѣ, кромъ нашихъ сторонъ. А еслибы который братъ нехотѣлъ кѹ провоженїю быти, на томъ вина церковнаѧ фѹнтъ воскѹ безъ отпѹстѹ, и тыжъ дозвалаемъ на кождый рокъ ѹстановлати два браты старшихъ, которыхъ брата на то оберѹтъ, а до нихъ схѹжкѹ*) мати, на который часъ обышлютъ. А который бы братъ нехотѣлъ на обсылане быти, на тымъ вина церковнаѧ закономъ карати и безмѣнь**) воскѹ: и тыжъ еслибы который братъ на брата малъ ыкѹю затържъкѹ, а малъ быса ѹтѣкати до иншего ѹрадѹ, а не ожаловавъшиса братѣ, на томъ вина полъ камене воскѹ вины церковное. И тыжъ котырый братъ за своимъ ѹпоромъ хотѣлбы изъ братства выстѹпити, таковый маетъ быти каранъ церковно поти, поки са зась наверьнетъ кѹ братствѹ. Ино ы Макарїй и Єпископъ Галицкий прозбѣ той призволаючи и завдачне маючи нашимъ съмѣрениемъ потвержаемъ и благословлаемъ вѣчно и непорѹшно држати, кѹ которѹи рѣчи свѣдоцъствѹ печать наша есть завѣшена. Данъ въ Львовѣ по лѣтъ рожества Хва ҂афлд мѣсаца Февраля ӣі день. А при томъ были о Христѣ почесныи отци намѣсникъ Захарїа Федоровскїй, Нестеръ Пречистъский, Антони Богоявленский, Ѳома Благовѣщенский Григорий Воскресенский, крилошане Ильвовские, и шлехетне врожены панове: Олехно Замостъский, Григорий Передмѣстъский, Михайло Ючницкий Семионъ Вослобоцский.

Гедеонъ Епископъ, власною рукою.

---

*) Схужка, польск. schadzka, собраніе.

**) Безмѣнь, вѣсь въ $2\frac{1}{2}$ фунта. Исланд. besman, безменъ, statera, instrumentum ponderandi, Schnellwage. Westpreussisch, ein Besmer. Польск. bezmian, przemian, przezmian, kantar.

Сей дѹшеполезный фѹндѹшъ намъ презентованїй во всѣхъ пѹнктахъ з власти нашой Архиерейской апробѹемъ и подписомъ рѹки нашой стверждаемъ въ катедрѣ нашой Епископской Львовской Свѧтаго великомѹченика Хѵа Георгїа днѧ з҃ мцѧ Маѧ ҂ахкаі рокѹ.

Варлаамъ Епископъ Львовск. Галиц. и Каменца Подольскаго, Архимандр. Уневск. рукою власною.

Подлинникъ писанъ на пергаменномъ листѣ, печать привѣшена на шелковомъ шнуркѣ, обшита скоркою, въ серединѣ восковой массы на красномъ лакѣ вытиснута епископская печать Макарія. Хранится въ Перемышльской епископской Соборной библіотецѣ подъ Nr. 1. росписи, мною сочиненной, Уставныхъ грамотъ церковныхъ братствъ.

II.

Благословенная грамота Іерусалимскаго патріарха Өеофана Перемышельскимъ православнымъ гражданамъ, въ коей призываются тѣже ко крѣпкому стоянію въ вѣрѣ. 1620 Октября 18.)*

Өеофанъ милостїю божїею Патрїархъ и наместникъ Свѧтѣйшаго Їакова брата божїѧ, перваго свѧтителѧ Їерѹсалима гроба божїѧ и свѧтаго Сїѡна, Сирїи, великїѧ Тиверїа, Аравїѧ, Кана Галїлеѧ объ онъ полъ Їордана и всеѧ Палестїны.

Благочестивымъ и свѣтло сѣѧющимъ во православїи Христїаномъ во богоспасаемомъ градѣ Перемишли, светыѧ и живоначалныѧ и нераздѣлимиѧ Троица храмѹ притекающихъ, о Господѣ сыномъ возлюбленнымъ Смиренїѧ

---

*) Въ томъ году возвращался патріархъ Өеофанъ изъ Москвы, гдѣ посвятилъ въ Патріархи Филарета, отца Государева, имѣя отъ Цареградского Патріарха порученіе вникнути въ состояніе русской Церкви во владѣніи давной Польщи находящейся. Въ Кіевѣ, по убѣдительному прошенію Запорожского козацкого гетмана Петра Кона-

нашего богобоязнымъ въ дѹхѹ смиреннымъ *Βασίλειον*, *Ἄννα*, *Ἠλίαν και Ἀλέξανδρον*, со сыньми, дщерми и со прочими сородниками, такожде женъ чадъ ихъ и домовъ и вся елика имѹтъ и едино едiнтелными во благочестiи страдавшихъ, еже о Господѣ неподвижны оутвержлетеся, и еже не предати вамъ отеческия вашея греческыя правыя вѣры, и догматъ ея неотстѹпати; да едино сокровище дѹшевное негиблемо соблюдете со всею вашею еже о Христѣ домашнею церковiю. Благословенiя оутверженiя и словоѹтѣшенiя отъ светѣйшаго престола нашего церкви Їерѹсалимския и животворящого гроба Христова, благодать, милость, миръ и лыбовь, Бога и Отца и Господа нашего Їисѹса Христа съ сватымъ Дѹхомъ во вѣки вѣкомъ. Аминь. Сiе писанiе благословенiя нашего Христолюбивымъ и непоколѣбымымъ Россiяномъ дадеся, благословляемъ оубо и благославихомъ, да благословитъ ихъ Господь якоже Авраама и оумножитъ якоже Їакова, распространитъ якоже Ісаака, и дасть имъ пожеланiю сердца ихъ егоже аще просятъ, со вѣрою полѹчатъ, предиже всего по Богѹ и ближнымъ любовь нелицемѣрнѹ стяжати, и еже во вѣре сватей Апостольстей и кадоличестiй крѣпко и незыблемо, емѹ и сыномъ его единородномъ братiи, отеческимъ и пастырскымъ смиренiя нашего веленiемъ, пребывати повелѣв(аемъ). Да благословитъ ихъ Господь отъ влаги земныя... и небесныя, пшеница вина и елея, и отъ всѣхъ плодовъ земныхъ, и да распространитъ его и чада ихъ во многыя роды. Молитвами пресватыя Богородица и присно дѣвы Марiя, сватаго... и всехвалнаго Апостола Їакова брата божiя, первѣйшаго Сватителя града божiя Їерѹсалима и всѣхъ сватыхъ. Аминь. Въ лѣто отъ созданiя мирѹ ҂зрки, отъ спасительнаго воплощенiя слова Бога ҂ахк, индикта д҃ мѣсяца ок. ı҃и дня.

шевича Сагайдачнаго, посвятилъ онъ, безъ дозволенія королевского во всѣ епархіи, Уніятами занятыя, схизматическихъ святителей, между ними Іова Борецкого на митрополію Кіевскую.

Здѣсь слѣдуетъ подпись Патріарха Θеофана по Гречески большимъ вязаннымъ почеркомъ.

Печать вытиснена на облатцѣ. Грамота писана на перѣ среднымъ уставомъ, съ цвѣтными украшеніями по полямъ грамоты. Самое имя Θеофана патріарха въ началѣ грамоты выписано золотомъ, по краямъ изображенія Ангеловъ въ серединѣ бюсть (погрудникъ) Θеофана. Описанная мною грамота сберегается въ рамахъ за стекломъ въ библіотецѣ Перемыского епископского Собора и приводится въ росписи грамотъ мною составленной подъ Nr. 6.

Патріархъ Θеофанъ въ томъ же году Сентября 7, издалъ изъ города Бѣлой Церкви благословенную грамоту Львовскимъ православнымъ гражданамъ, въ которой потверждаетъ права тамошняго Ставропигіяльнаго братства. Акта Запад. Росс. Сп. 1851. IV. стр. 508 Nr. 219.

III.

Посланіе Уневского архимандрита Ісаіи Болобана, нареченнаго Львовского епископа, къ Духовенству и мірянамъ съ обѣщаніемъ исполняти добросовѣстно святительскія обязанности, 1607 года 3 Февраля.

Отъ имени единомꙋдрено славимыѧ и согласно похваляемыѧ во едной токмо свѧтѣй кадоличестей, и апостолстей Церкви, право исповѣдꙋемыѧ єдїносꙋщныѧ и неразделимыѧ Тройца, въ союзѣ мира Христова, и любви Бога и Отца.

Азъ смиренный Исаиѧ Болобанъ Архимандритъ Оуневскїй, обители Свѧтыѧ Богородица, по преставленїи блаженныѧ памѧти Гедешна боголюбезнаго Єпискона Львовского, Єѯархи вселенскаго Θронꙋ, пронареченнꙋ ми бывшꙋ, прежде отъ самаго воспоминаннаго Єпископа, на неже и сопоꙋтверженїе имꙋщꙋ отъ премирнейшаго и пресвѣтлаго Царѧ на-

шего Жикгмонта.*) Не токможе, но и отъ свѧтыѧ памѧти блаженнаго Мелетїа Папы Александрїйскаго, тогда владȣщȣ емȣ восточными Церквами, и правѧщȣ великїа Церкве престоломъ, синкгелными писанїи таковаѧ извѣстна и искȣшенна быти творѧщȣ, въ нихже той вѣща: Ꙗко Церковь та а҃ не что ино подъ причтомъ творитъ на Епископство Львовское, и извѣстїе на се имȣщȣ и таковаѧ содержащȣ ми, ꙗкоже непщȣю по промыслȣ Божїю. Предȣзрѣвшȣ емȣ хотѧщаѧ быти времена, ꙗже ꙗкоже дȣша въ телесехъ сице она вещъми движȣтъ, и иногда иначе сїѧ предлагаютъ, не толико трȣдомъ моимъ и тщанїемъ, елико смотренїемъ нѣкїимъ прежде времени врȣкȣ моею пришедши ми, ꙗкоже бы и то реклъ: да егда бȣдетъ времѧ, Богȣ отъ здешныхъ воземлъшȣ Епископа мѣсто того, не лѣть бȣдетъ сицевыхъ полȣчити, имиже бы оудобъ по древнемȣ обычаю на Епископство произведенъ быти, безпрепинанїа въ догматехъ православныѧ вѣры, прономїѧ**) вселеньскаго патрїархи, древле во здешнихъ цѣло соблюдаемымъ временемъ вещи прелагающȣ отстȣпленїа ради. И сего ради да не сȣдъ на сѧ привлекȣ, содержащȣ ми сїѧ и времени зовȣщȣ неѧвитимисѧ, или достойнѣйшомȣ сана сїѧ оувѣрити, да некто междȣ симъ навѣтникъ восточныѧ Церкве самозвателенъ воскочитъ во оградȣ, гȣбитель и расточитель словеснаго стада Христова. Ꙗвїе пришедъ во Лвовъ оусердно во любвѣ Христовѣ, собрахъ свѧщенное братство презвитерей и Каноникъ, сиречь правилныхъ Свѧщенникъ,

---

*) Исаiя Болобанъ, еще за жизни дяди своего Львовского епископа Гедеона Болобана, игуменъ Уневского монастыря, на основанiи мировой записи епископа Гедеона Болобана и Львовского ставропигiальното братства, сдѣланной при посредничествѣ Молдавскаго Логоѳета Луки Строича, въ Львовѣ 21 Января 1602 года, былъ исключенъ отъ наслѣдства на Львовскую спископью, чтобы тое же епископство не сдѣлалось наслѣдственнымъ въ родѣ Болобановъ, ибо епископъ Гедеонъ подобно тому, якъ онъ послѣдовалъ отцу своему епископу Арсенiю, такъ снова намѣривался передати санъ свой племяннику Iсаiи Болобану, игумену Уневскому. Неуважая на все тое Исаiя Болобанъ, по смерти епископа Гедеона (16 Января 1607 г.), исходатайствовалъ у польского короля для себе грамоту на Львовскую епископiю, въ слѣдствiе чего покушался насильственно завладѣти Львовскимъ епископствомъ, но Львовское ставропигiяльное братство и духовенство воспротивилось тому, и избрало въ епискова Iеремiю Тисаровского. Акт. запад. Росс. IV. Nro. 157.

**) *Προνόμια*, преимущество, Vorrecht.

иже во священнѣмъ Церкви сѹдилищи со Єпископомъ председатъ, показѹюще имъ сія. Съ нимиже и прочіимъ Церковнымъ клириномъ и людемъ, да не оутаено сіе предъ ними бѹдетъ воля отшедшаго Єпископа, и сопоѹтвержденіе на се Царское прежде отстѹпленія, иже зде архиерейскій и синкгеллая Патріаршеская писанія, имже всѣмъ кѹпно соседшимъ священномѹ причтѹ и прочіимъ людемъ, и благоговѣйномѹ презвитерствѹ Львовскомѹ исповѣдшимъ, яко древняя писанія содержатъ отъ древнихъ Князей и Царей и Архиерей на всяко благочиніе междѹ ними ко преспѣянію на лѹчшее Церквей преданная имъ. Не токможе но и прочіи отъ исполненія Церковнаго, имѹтъ расписаніе братства отъ святѣйшаго Патріархи вселенскаго, дабы симъ непорѹшномъ быти и не повреждаемомъ. Ко симъ же и ставропигіамъ на нѣкихъ мѣстехъ, чести ради великія Церкве, противѹ имъже не токмо яко расточитель Христовѣхъ агнецъ. Всякъ бо иже несобираетъ, рече, растачаетъ, и же нѣсть со мною на мя есть. Да быхъ противенъ былъ, и ни вочтоже вомѣнялъ волю Христовѹ, многымъ быти спасающимъся о немъ, или обидѣти ихъ, или оумаляти Церковь его, и сопрятати число отъ нихъ поврежденіемъ законныхъ вещей, да не бѹдетъ. Но и оумножити и возрастити хотя, согрѣвая и милѹя тщаніемъ любве, якоже птица подъ скрыдлами своими, якоже вещей на лѹчшая преспѣвати, во славѹ пречестнаго, и великолѣпаго имени господа нашего Їисѹса Христа, мира виновника, во пречистыя надра невѣсты своея Церкве, искрънa Матере нашея чада своя собирающаго. Тѣмже отъ всея дѹша и отъ всего сердца вся сія елика имѹтъ, любо отъ Христолюбивыхъ, и мирнѣйшихъ царей и князей, любо отъ святѣйшихъ Патріархъ; изряднѣе же отъ вселенскаго патріарха, егоже и пронимия здешняя, сѹть любо отъ Архиепископа, или Єпископъ православныхъ, и прежде отстѹпленія бывшихъ, яже ниже отнюдъ во подзорѣ сѹть противящаяся Євангелію Христовѹ, или заповѣдемъ и священнымъ каномонъ Апо-

столскимъ и соборнымъ оуставомъ и правиломъ вселеньскомъ и помѣстнѣ бывшимъ, и всякомѹ богодѹхновенномѹ писанїю и оучительствѹ церковномѹ; и всякомѹ преданїю и обычаю древнихъ во Церкви содержимомѹ, и повеленїю великой Церкви Константинопольской, ейже и подлежимъ ни въ чесомже противна, или несогласѹющася аще сѹть, обѣщеваюся, и засвѣдительствѹю предъ Господемъ моимъ Їисѹсъ Христомъ, вся цѣла содержати и хранити отъ всякого навѣта подъ тяжестю Церковною, и конечнымъ изверженїемъ моимъ потомъ. Тако честномѹ презвитерствѹ, братствамъ сописѹющимъся вѣрнымъ во исполненїе заповѣдей Христовыхъ паче въ союзъ Христомъ преданныя любве. Ничтоже во тако вѣрныхъ творитъ, яко еже едино быти. О семъ бо и моляшеся отцѹ своемѹ неразторгненомъ быти о имени его союзомъ мира Христова сотязѹемымъ вѣрнымъ, да не дѹха расторгнемъ единость. Сие бо есть жребий, сїе намъ оставилъ наслѣдїе еже мировати содрѹгъ дрѹгомъ ѡ дрѹгихъ. Приводимъ и ѡ мирѹ ко себѣ растоящихся пребывающимъ во намъ во любви, Їисѹсъ Христосъ во насъ пребѹдетъ, миръ свой дарѹя намъ. Такожде и ставропѣгїамъ неподвижномъ быти по црономиямъ Патрїаршимъ, изначала бывшимъ. Не только сїя крѣпко содержати яко Єпископѹ и блюстителю и попечителю хотящимъ спастися, но и ко симъ елика ко созиданїю Церкви, и на пользѹ всемѹ исполненїю церковномѹ имѣти восхощѹтъ. Вся со готоваго оусердїя сотворю противѹ прошенїю ихъ. Я яже здешнимъ обещеваю во Львовѣ, сия подообразнѣ въ Галичѹ и въ Каменци. Совязѹеми яко оуди Христовы во едино тѣло Церкве изволяя и семѹ быти даже до сонмища презвитерства во своей главизнѣ бѹдетъ отъ нихже кѹпно председящѹ ми со ними когда любо восхощѹтъ предъ поставляньемъ мене, или по поставленїи, да изберѹтъ патерицѹ на Оффѣкїя*) Церкве: великаго иконома, великаго Скеофилака, великаго Хартофѣлака, протекдика, протонотарїя. Иже

*) *Ὀφφίκια*, урѧды, officia.

овъ оубо, по канонꙋ четвертаго собора, пещися о стяжанїихъ Церковныхъ власть имѣя. И вся приходы содержати отъ нихъ, и строити ними по повеленїю Архїерейскомꙋ. Архїерею и Церковь въ потребꙋ, истязꙋемы отъ нихъ Архїереомъ бываетъ: даже вѣрный строитель бꙋдетъ ꙗко Богꙋ назирающꙋ. Овже держа сосꙋды церковныя. Хартофилаѯъ же держа Церковны хартинная оправданїя. Сꙋдїя всѣхъ винъ церковныхъ имѣяй и врачевныхъ винъ разсꙋжденїя. Ко семꙋ же и во прочиихъ клирицкихъ винахъ естъ Екдикъ,*) сиречь, отмститель, ꙗко десная Архиерейскаꙗ рꙋка. Протекдикъ, сиречь отместитель старѣйшїй, во еже застꙋпати плѣнныхъ и обидимыхъ, и сꙋдїя есть порицательныхъ винъ. Протонотарїй же вся дѣтелная на сꙋдищихъ. Посихже, и ко симъ меншꙋю патерицꙋ прочїихъ клирикъ отъ мирскихъ, аще избирати хотятъ во пособїе имъ израдныхъ на се разꙋмъ имꙋщихъ божественныхъ писанїй. Еще же по божественныхъ Апостолъ заповѣдѣхъ, и сїе со всяцѣмъ извѣстїемъ, ни отъ единогоже Епископа, или Архиепископа неподвижно, и нѣ отнюдъ прерѣкꙋемо даетъ, ꙗко сꙋдъ предвѣчнымъ сꙋдѣею со мною имѣти бꙋдꙋтъ, смѣющен развратити о семъ заповѣдь Апостолскꙋю. Како подобаетъ обще избирати Епископа, содержащи да имꙋтъ по оузаконенїю Святыхъ Апостолъ, ихже заповѣдемъ. Азъ всею дꙋшею прилѣпляяся, ꙗкоже они соборнемъ оучительствѣ во осмой книзѣ вѣщаютъ: Кꙋпно рече намъ сꙋщимъ дванадесятимъ Господнимъ Апостоломъ, сꙋщꙋ со нами и изъбранномꙋ сосꙋдꙋ Павлꙋ, и Ꙗковъ Епископъ, и прочїимъ презвитеромъ, и седми дїакономъ. Первый оубо азъ рекꙋ Петръ, Епископꙋ херотонисанꙋ**) быти, ꙗкоже во предваршихъ книгахъ завещахомъ каковомꙋ, избираемже отъ всѣхъ людей во кꙋпѣ со презвитерствомъ, и отъ нихъ паки кꙋпно свѣдѣтельствꙋемъ, ꙗко достоинъ естъ архиерейства, и прочая. Тѣмже по сей священнѣй заповѣди хощꙋ да дрꙋгъ

---

*) *Ἔκδικος.*

**) Рукополагаему.

по дрꙋзѣ восходѧщого на престолъ сей безъ препинанїѧ коего, отъ коего либо бꙋди лица, сицевомꙋ избиранїю бывати. Но и канонъ Свѧтыхъ Апостолъ и Антиохїйскаго синодꙋ по дрꙋгой части о семъ цѣло да сохранѧемъ, есть разногласїе оутолѧющꙋ и золовꙋ пристрастїа восхлащающꙋ, да егда Епископъ исбранъ бывъ, и не прїятъ бꙋдетъ отъ людей, что подобаетъ емꙋ сотворити, и что причтꙋ церковномꙋ за се, не оувѣщавшемъ любопрѧщаѧсѧ люди. Еще же и сїѧ каноны ꙗко нꙋжна Церкви о Епископѣ изъꙗснѧемъ, ꙗко да твердо во своей имъ крѣпости пребыти, да ꙗвлена, рече, бꙋдꙋтъ имѣнїа Епископскаѧ, и имѣнїа Церковнаѧ, да емꙋ во своихъ власть имѣти завѣщати, и Церкви невѣденїемъ Епископскихъ вещей, пагꙋбы во своихъ неподѧти. И иже въ Карфагенѣ имѣнїа, ихже прежде хиротонїа неимѣвъ Епископъ, но потомъ стѧжавъ, Церкви примножена и освѧщена да бꙋдꙋтъ. Аще же инако бꙋдетъ ꙗко разграбитель былъ бы Епископъ, и чести лишенъ. И иже во Трꙋллѣ: о цѣлости Церковныхъ вещей. Ꙗко скончавшꙋсѧ Епископꙋ, имѣнїа его, да никтоже себѣ присвоѧетъ, но клиросъ сїѧ да сохранитъ, хотѧщемꙋ быти Епископомъ и даже сїѧ искꙋшена бꙋдꙋтъ, и во извѣстїи неразрꙋшена (пре) бꙋдꙋтъ. То азъ обѣщаваюсѧ къ свѧтѣйшомꙋ Патрїарсѣ вселенскомꙋ безъ коснѣнїа послати, молѧсѧ всѧцѣмъ образомъ, кꙋпно съ вами честнымъ презвитерствомъ превеличествꙋ его синкгелнымъ своимъ писанїемъ, прежде оубо избиранїе Епископа ꙗко... induction речесѧ во извѣстїи по заповѣдехъ Апостолскихъ, и каноны оутвердити, и чинъ намъ клириковъ расписати опаства дѣлѧ сꙋд(овъ) на нихже оффекїахъ дꙋховнымъ мꙋжемъ лѣпо быти. А на ихже мирскимъ на оукрашенїа благочинїа церковного, и оукрѣпленїа сꙋдовъ: даже оудобренїе бꙋдетъ велицѣй Церкви оффекїами сими во градѣ во Епископъствѣ семъ, емꙋже и Екзаршествомъ почтенꙋ бывшꙋ во славꙋ имени великаго Престола новаго Рима. Протопопꙋ же аще избиратити хотѧтъ презвитерство, коегожде лѣта искꙋснѣйшаго отъ дрꙋгихъ, да избираютъ соборне междꙋ собою, не противꙋ пристрастїю коемꙋ,

но по воли божей, и азъ и благословлю, ничтоже противлаюса, егда вса благочиннѣ бываютъ. И аще же обличенъ б8д8 несоглас8а дѣлы о иже где отъ мене написанными или во вѣрѣ поколѣбленъ, еже да не б8детъ. Се Христе Владыко, юже нынѣ твердо и извѣстно исповѣд8ю предъ всѣмъ собранїемъ церковнымъ, ихже васъ т8 собра Д8хъ Сватый; ико вѣр8ю во единого Бога Отца, о единороднаго Сына Его Їис8са Христа, иже прежде всѣхъ вѣкъ. И въ Д8ха Сватого отъ Отца токмо исходащаго, Сыномже даемаго, икоже изъ начала православнѣ исповѣд8етъ едїна Сватаа кадолическаа и апостольскаа восточнаа Церковь, въ нейже родихъса, и воспитанъ бывъ, да дасть ми во Тройцы покланаемый Богъ, до конца соблюсти ю̑. Со нею и седмъ вселеньскїа Соборы прїйм8ю, иже на сохраненїе честныхъ догматъ собрашаса, исповѣд8ю и иже на нихъ оуставленныа хранити каноны и заповѣды, елика по различныхъ временахъ и лѣтехъ Сватыми нашими Отцы оузаконишаса, и иже они прiаша, любезно съ ними прийм8ю, а отъ нихже они отвращаютса и азъ. Сщеже и церковный миръ исповѣд8ю соблюсти и ни едїнѣмже образомъ противна ем8 мыслити. По всем8 соглас8юса всѣмъ прежде мене православнымъ Епископомъ и по всем8 повин8юса великом8 Патрїарсѣ, и велицѣй Церкви и вса цѣла соблюдаа прономїа его. Но да во извѣстїи вамъ вса сїа б8д8тъ: н8жда неотложнѣ сващенном8 и великом8 собор8 великїа Церкви новаго Рима, иже о сихъ, и ихже вы еще ко симъ на польз8 Церкви, треб8ете возвѣщеномъ быти, ико да оно опаснѣе оусмотрити иже на польз8 соборнѣ оусмотриемаа и разс8ждаемаа. Пачеже на особъ раз8мѣтельныхъ л8чша с8ть и содержателнѣйша. Надъ симиже печать свою прилагаю во сохраненїе всѣхъ и исполненїе, иже законъ повелѣваетъ и р8кою моею подпис8юса тако, а не инако симъ быти, ни во едїномъ же, и отъ иже по мнѣ хотащихъ быти дїадоховъ,*) все цѣло содержимъ, ико Сващенное сокровище,

*) Διάδοχος, наслѣдникъ, преемникъ.

и юже отъ сватѣйшаго Патріархи, вами хотащаю възыскатиса, ꙗкоже рѣхъ на полз8 Церкви, егда принесена б8д8тъ, ничтоже сопротивлаюса, или прерѣк8ю, внепор8шно содержаніе сихъ готовѣ подписатиса имамъ к8пно, собравшимса вамъ и со имиже восхощете. Аще же инако исповѣданію сем8 и подписанію моем8 сотворити хота ꙗвлюса, да подлеж8 канон8 Вардагеньском8, ꙗко чести Єпископскіа, да лишенъ б8д8. Писанъ во Львовѣ при Церкви столечной, сватого великом8ченик8 Христова Георгіа мѣсаца Феврала г҃ (3.) рок8 ҂ахз (1607).

Власною рукою (М. П.)

Въ концѣ акта отмѣчено:

Листъ Велебнаго Отца Ісаии Балабана Архимандрита Оуневскаго по смерти превелебнѣйшаго киръ Отца Гедеона Єпископа Львовскаго, ꙗкимъ образомъ сана святительского исподобитиса хотѣлъ.

Подлинникъ состоящій изъ полтора листа, у корня весьма испорченъ, хранится въ Львовскомъ гр. кат. Митрополитальномъ архивѣ.

Ісаіа Болованъ, въ мирѣ Іоаннъ, еще за жизни дяди своего Єпископа Гедеона, пол8чивши Оуневск8ю архимандрію, носилъ оуже тит8лъ епископскаго коадъютора. Єкоро по кончинѣ Єпископа Гедеона захватилъ въ свое распоряженіе Церковь и епископское им8щество. Львовскіе Клирошане заперли теперь церковь Єв. Георгіа и домъ Єпископа; но Исаіа съ вооруженными людми 12 Феврала 1607 г., отбилъ замки и запоры, спраталъ церковн8ю оутварь и на д8ховенство наложилъ налогъ. Єпископскопскій намѣстникъ Григорій Негребецкій 13 Феврала потребовалъ, дла освидѣтельствованіа на мѣстѣ, Возного съ двома свидѣтелами изъ шлахты, которые засвидѣтельствовали насильственные пост8пки Исаіи, и потвердили слова его: „кто не имѣетъ ключа обыкновенного, дла того годитса и ключь Петра." Все то съ протестомъ клирошанъ внесено въ Городскіа книги: Єтавропигіа Львовскаа также объавила, что Исаію, ꙗко не избранного канонически, признати епископомъ не намѣрена. Исаіа приглашаа,

письмомъ своимъ 20 Февраля, Ставропигію на погребеніе дади, обѣщевалъ возвратити въ церковь взятые имъ серебряные сосуды и книги, и увѣдомлялъ, что вмѣстѣ съ Братствомъ, Духовенствомъ и мірянами, думаетъ совѣтоватися о своемъ избраніи въ епископы и облагѣ церкви. Ставропигія послала своихъ депутатовъ на похороны, но Исаію признати Епископомъ не хотѣла. Исаія внесъ тоже въ Галицкія городскія книги протестъ, что Львовскіе Архіепископы латин. обряда не имѣютъ права представляти Королю кандидата въ русскіи епископы, которое себѣ присвоиваютъ, ибо, на противъ того получилъ онъ уже отъ короля Сигизмунда 5 Апр. 1595 г., привилегію на коадъютора и преемника епископской каѳедры, и затѣмъ, будучи Духовнымъ, Шляхтичемъ и Коадъюторомъ, имѣетъ и право и всѣ условія для занятія каѳедры. Князь Константинъ Острожскій, изрядный покровитель русской Церкви, опасаясь, чтобы, при возникшемъ спорѣ Исаіи съ Ставропигіею и Духовенствомъ, латинскій Архіепископъ не представилъ королю въ кандидаты якого нибудь Уніата, писалъ 1 Марта къ Ставропигійскому братству, совѣтуя сохраняты миръ и доброе согласіе; а для успокоенія возбужденныхъ умовъ прислалъ Луцкого городничаго Ивана Волынца Черчинскаго, сына его Александра и Александра Пятятицкаго: къ Перемышельскому же епископу писалъ, чтобы онъ, будучи на похоронахъ постарался согласити Братство съ новымъ епископомъ, и въ письмѣ къ Братству изъяснилъ, что о томъ проситъ онъ, яко членъ Церкви, Сенаторъ и привилегированный отъ Патріарха Екзархъ. Но все то не подѣйствовало; ненависть ко роду Болобановъ взяла перевѣсъ, и притомъ Исаія не имѣлъ качествъ, которыя пріобрѣлы бы ему расположеніе русского народа. Братство Ставропигіальное и русское духовенство обратило вниманіе на добродѣтельного и набожного шляхтича Евстафія Тисаровскаго, признавая его достойнымъ сана Епископа. Львовскій латин. Архіепископъ Янъ Замойскій, чтобы хотя якъ нибудь поддержати свое вліяніе, тотчасъ написалъ о немъ къ королю, и 30 Октября послѣдовала привилегія. Тисаровскій при посвященіи принялъ имя Іереміи. Лѣтоп. Львовска. Ставроп. Брат. стр. 57.

А. С. Петрушевичъ.

лъ у Вар
вою опек
зова съ
лъ, и пок
и мовил
зъ вами
съ за пом
ся; де (
ъ рыцер
Сагайдач
до своего
лежитъ
литое ру
амъ былъ
дорожня с
ляры был
жита ко
ь Хотѣн
учити
ирецко
лы зан
ивъ дом
жита кол
во Львов
й, бо был
очи выго
орѣло З.
ы. Косте
Ормянск
Жидовска
ь.

тманъ Петръ